

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Сентябрь
Октябрь

5-2023

Современная **ЕВРОПА**

ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

5 (119) сентябрь-октябрь 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,

С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

NEIMARK M. The Turning Point New Foreign Policy Concept of Russia • **SHISHELINA L.** Crisis of Values' Convergence in Relations between Central Europe and Brussels • **AVATKOV V., SBITNEVA A.** Turkey – The West: Exemplary Antagonism? • **ALESHIN A.** The UK's Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West • **KHOROLSKAYA M.** German Food Security in Times of Crisis • **MIKHAYLOV D.** Nicolas Sarkozy and the Eurozone Crisis: Federalization of the EU Budget and Finance Sector • **GRIGOREVA O., PLYUSNIN N.** Denmark: Portfolio Allocation in the Government and Parliament in the Sphere of Foreign Policy • **NARYSHKIN A.** Alternative Economic Relations under Sanctions • **REVENKO N.** International Labor Migration Policy of the European Union • **KOLESOV D.** Features of Social Protection in Implementation of the Right to Disconnect • **YAZKOVA V.** New Religious Movements as an Object of Scientific Study in Modern Italy • **SHIMANSKAYA O.** Traditional Social Institutions in Romanian Youth Policy • **NAUMKIN V.** Kingdom of Saudi Arabia in the Late 1920-s – Early 1930-s: Lessons from the Soviet – British Competition • **NOSOV M.** Russia and Japan: the Beginning of the Hard Journey • **SIMONYAN R.** Latvia and Estonia: The Soviet Period of Economic Development • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko and Security Policy: Strategic Détente Project • **TAMBI S.** Model of “Soft” and “Hard” Euroscepticism: Estonian Case

INHALT

NEJMARK M. Verwandlung der Grenzen: neue Konzept der Außenpolitik Russlands • **SCHISCHELINA L.** Krise der Konvergenz der Werten in den Beziehungen zwischen Mitteleuropa und Brüssel • **AVATKOV V., SBITNEVA A.** Türkei-West: vorbildlicher Antagonismus • **ALESCHIN A.** Rolle Britanniens in der Aufstellung der anti-russischen Politik des Westens • **HOROLSKAJA M.** Ernährungssicherung Deutschlands in Krisen • **MIKHAILOV D.** Nicolas Sarkozy und der Krise der Eurozone: Föderalisierung des Finanzsektors der EU • **GRIGORIEVA O., PLJUSNIN N.** Dänemark: Besonderheiten der Verteilung der Ministerposten in Regierung und Parlament im Außenministerium • **NARYSCHKIN A.** Alternative wirtschaftliche Beziehungen angesichts der Sanktionen • **REVENKO N.** Politik der EU im Bereich der internationalen Arbeitsmigration • **KOLESOV D.** Besonderheiten des sozialen Schutzes bei der Ausübung des Rechts auf Abschalten • **JAZKOVA V.** Neue religiöse Bewegungen als das Objekt der wissenschaftlichen Erforschung in Italien • **SCHIMANSKAJA O.** Traditionelle soziale Instituten in der Jugendpolitik Rumäniens • **NAUMKIN V.** Königreich Saudi-Arabien in den späten 1920er und frühen 1930er: Lehren aus der sowjetisch-britischen Kooperation • **NOSOV M.** Russland und Japan: Anfang des harten Wegs • **SIMONJAN R.** Lettland und Estland: sowjetische Phase der wirtschaftlichen Entwicklung • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko und Sicherheitspolitik: Strategischer Plan der Entspannungspolitik • **TAMBI S.** Model der „weichen“ und „harten“ Euroskeptizismus: Fall Estlands

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Неймарк М.А.</i> Рубежный разворот: новая концепция внешней политики России	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Шишелина Л.Н.</i> Кризис конвергенции ценностных ориентиров Центральной Европы и Брюсселя	18
--	----

<i>Аватков В.А., Сбитнева А.И.</i> Турция – Запад: образцовый антагонизм?	31
---	----

<i>Алешин А.А.</i> Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада	44
--	----

<i>Хорольская М.В.</i> Продовольственная безопасность Германии в условиях кризиса	57
---	----

<i>Михайлов Д.Ю.</i> Николя Саркози и кризис еврозоны: федерализация бюджетно-финансового сектора ЕС	72
--	----

<i>Григорьева О.В., Плюснин Н.О.</i> Дания: особенности распределения портфелей в правительстве и парламенте в сфере внешней политики	84
---	----

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Нарышкин А.А.</i> Альтернативные экономические отношения в условиях санкций	96
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

<i>Ревенко Н.С.</i> Политика Европейского союза в сфере международной трудовой миграции	105
---	-----

<i>Колесов Д.И.</i> Особенности социальной защиты при реализации права на отключение	119
--	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

<i>Язькова В.Е.</i> Новые религиозные движения как объект научного изучения в Италии	133
--	-----

<i>Шиманская О.К.</i> Традиционные социальные институты в молодёжной политике Румынии	147
---	-----

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Naumkin V.V.</i> Kingdom of Saudi Arabia in the Late 1920-s – Early 1930-s: Lessons from the Soviet – British Competition	161
--	-----

<i>Носов М.Г.</i> Россия и Япония: начало трудного пути	178
---	-----

<i>Симомян Р.Х.</i> Латвия и Эстония: советский период экономического развития	190
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Синдеев А.А.</i> А.А. Громько и политика безопасности: стратегический проект разрядки	201
--	-----

Трибуна молодого ученого

<i>Тамби С.А.</i> Модель «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма: эстонский кейс	211
---	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 327

РУБЕЖНЫЙ РАЗВОРОТ: НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

© 2023 г. НЕЙМАРК Марк Афроимович*

Доктор исторических наук, профессор

Кафедра политологии и политической философии

Дипломатическая академия МИД России

119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1

**E-mail: mark.neimark@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.04.2023

После доработки 28.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Лавинообразные процессы в мире подтвердили необходимость целостной инвентаризации, существенной коррекции и переоценки положений предыдущей редакции Концепции внешней политики России 2016 г. Динамика мирополитических процессов столь стремительна, что многие из них не вписываются в прежние концептуальные схемы. Принципиально значимой матрицей в переосмыслении доктринального и практического опыта российской дипломатии стало утверждение президентом В.В. Путиным 31 марта 2023 г. новой Концепции внешней политики РФ (КВП-2023). Она знаменует беспрецедентный поворот в оценочных позициях и установках российской дипломатии. Четко выраженная преемственность сохранена только в отношении основополагающих принципов внешней политики России. КВП-2023 – новая геополитическая точка отсчета в позиционировании РФ в глобальном пространстве и в ее отношениях с окружающим миром. В целостности и согласованности отработаны базовые системообразующие компоненты государственных интересов России. КВП-2023 – убедительный ответ тем западным политикам, кто считает РФ полупериферийной зоной в глобальном пространстве. Из Концепции следует, что закончились стратегически малорентабельные поиски баланса возможного и невозможного. В КВП-2023 в полной мере учтено негативное отношение преобладающей части западного политического истеблишмента к России, резко усилившееся на фоне специальной военной операции на Украине. Новая Концепция учитывает деструктивные особенности современной кризисной геополитики, но вовсе не перекрывает пути к более оптимистическому будущему мировой политики и международных отношений.

Ключевые слова: новые вызовы и угрозы, внешнеполитическая стратегия России, национальная безопасность, новый мировой порядок

DOI: 10.31857/S0201708323050017

EDN: хуумое

Новая соразмерность приоритетов

31 марта 2023 г. президент В.В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики РФ (КВП-2023)¹. Разработка КВП-2023 проходила в крайне неблагоприятных для России условиях макросистемных трансформаций мирового порядка и взаимосвязанной совокупности кризисов (кризис западнцентричной либеральной модели, коронакризис, интернационализация кризисной ситуации на Украине). Длительную подготовку нового документа осложняли историческая беспрецедентность и зыбкость процессов в геополитическом пространстве, где сталкиваются новейшие тенденции и контртенденции, а разнопорядковые события непредсказуемо накладываются друг на друга. Слишком плотным оказалось переплетение центробежных и центростремительных тенденций, сил сцепления и отталкивания, интеграции и дезинтеграции, взаимозависимости и взаимосвязанности. Отсюда следует нарастающая хаотизация современного геополитического пространства [Громыко, 2022: 16].

Перечисленное сказывалось на адаптационных возможностях России и затрудняло поиски ответов на новые вызовы в условиях нарастающей неопределенности в международных отношениях. Связующая нить КВП-2023 – императив стратегического мышления, который заставил авторов продлевать разработку. Документ по-новому наполняет концептуальный базис внешней политики России, важнейшие особенности которого – предельно трезвый учет кардинально изменившейся ситуации в мире и государственный прагматизм.

КВП-2023 отличается от пяти предыдущих редакций Концепции 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. рядом особенностей. Принципиальные изменения претерпела внутренняя структура документа, в котором отработана новая соразмерность базовых приоритетов внешней политики России. В нем появились новые концептуальные разделы. Заметно переформатирована структура текста, выстроенная по более выраженной концептуально-методологической логике: интересы России – цели – задачи. В результате происходит переосмысление прежних приоритетов и появление новых.

По-новому представлен обширный региональный блок, в котором выделены самостоятельные подразделы в продуманной последовательности. В приоритете – Ближнее зарубежье. Термин отсутствовал в Концепции 2016 г. Его возвращение в официальный оборот эксперты объясняют тем, что это «может быть семантически прочитано как некий сигнал или намек для других стран в регионе и в мире» [Барбанов, 2023]. В новые отдельные подразделы выделены Арктика, Евразийский кон-

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 20.04.2023).

тинент, КНР, Индия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Исламский мир, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Антарктика. В расширительном формате концептуализирован Европейский регион в целом, а не Евросоюз, как в предыдущих редакциях. Кроме того, нововведением выступает выделение США и других англосаксонских государств в отдельный подраздел.

Геостратегическую значимость акцента на незападный мир – «поворота на Восток» – три десятилетия назад предвидел Е.М. Примаков. Он предупреждал об опасности чрезмерной увлеченности западноцентричной, точнее американоцентричной, моделью мироустройства и сформулировал следующие условия перехода к новому миропорядку:

- нельзя допустить, чтобы место старых фронтов противостояния заняли новые разделительные линии;

- освобождение от менталитета ведущих и ведомых;

- демократизация международных экономических отношений, одним из главных элементов которых является отказ от использования экономических средств в эгоистических политических целях;

- скоординированность, кооперативность действий международных сообществ для решения наиболее сложных и актуальных мировых проблем [Примаков, 2018].

Новый документ отличается четко выраженными положениями и установками. В первоначальных редакциях Концепции в ряде случаев вынужденно сглаживалась острота некоторых международных проблем [Барановский, 2010: 272]. Многие годы Россия действовала в оценочных категориях видимого и возможного, желаемого и реального. Речь шла о максимизации имеющихся ресурсов и минимизации последствий допущенных ошибок [Быков, 2015: 30].

Опыт концептуализации внешней политики России складывался под воздействием множества переплетающихся факторов, разнонаправленных тенденций, противоречивых процессов и обстоятельств. Российская дипломатия недооценила жесткость мировой политики и переоценила готовность партнеров к стратегическому видению проблем и масштабным решениям [Иванов, 2012: 17].

В КВП-2023 выделена знаковая особенность современного мира – гибридное использование военных и невоенных форм межгосударственного противоборства. В условиях конфликтного расширения серых зон не только меняются привычные соотношения «мягкой» и «жесткой» силы, но и происходит все более выраженная гибридизация этих понятий. Отсутствие прямого вооруженного вторжения компенсируется гибридными формами воздействия на противника [Le Rubicon..., 2022]. Среди основных задач внешней политики страны документ выделяет защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, ее государственной и территориальной целостности «от деструктивного иностранного воздействия». Спустя три десятилетия после утверждения первой доктринальной модели внешней политики России КВП-2023 оставила позади иллюзии 1990-х годов. В современном геополитическом контексте не столько наивной, сколько фантазмагоричной выглядит базовая установка тех лет на обеспечение только «политическими средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет, независимость и террито-

риальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ, в близлежащих регионах и в мире в целом»¹ (выделено мною – М.Н.).

Документ обобщает изменения в мировой политике и международных отношениях, которые затрагивают национально-государственные интересы РФ. Обновление Концепции – адекватная аналитическая реакция на обострение кризиса в отношениях Запада и России, преобладающие проявления которого имеют все признаки долгосрочного и системного. Выявлены специфические особенности в развитии современных геополитических процессов. Например, знаковым феноменом межгосударственного противоборства стали прокси-войны [Бартош, 2023]. Конкретно определены новейшие вызовы и угрозы для России и, соответственно, возможности и перспективы эффективного противодействия.

Реакция на кризисные размежевания в мировой политике

Впервые конкретно дифференцируется отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям, которое определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики. Такие оценочные формулировки ранее не использовались в основополагающих внешнеполитических документах РФ и отражают новые процессы, размежевания и сдвиги в современной кризисной геополитике. В этой связи заслуживает внимания оценка изменений в статье «Как пережить великодержавный раскол» британского еженедельника «Экономист» (*The Economist*), опубликованной после утверждения КВП-2023. Издание приводит данные партнерской организации «Экономист интеллигенс юнит» (*Economist Intelligence Unit*), которая проанализировала экономические и военные связи различных стран с Москвой, их дипломатические позиции, включая голосования в ООН и поддержку санкций. 52 страны, в которых проживает только 15% населения мира осуждают Россию, 12 солидаризируются с ней, а около 127 не принадлежат ни к одному из лагерей. Последние характеризуются как движение неприсоединения, наполненное новыми смыслами, подходами и оценками. Одна из установок в высшей степени откровенна: «Неприсоединившиеся страны обычно считают западных лидеров лицемерами». В подтверждение этого вывода приводится заявление министра иностранных дел Индии Субраманьяма Джайшанкара: «Европе давно уже пора перерастить ментальную установку, согласно которой ее проблемы автоматически становятся проблемами всего мира». Разрыв в видении мира на Западе и в остальных странах подтверждается опросом, проведенном в 2023 г. Европейским советом по международным отношениям: 48% индийцев и 51% турок считают, что будущий мировой порядок будет определяться многополярностью и незападным доминированием. Однако с этим согласны только 37% американцев, 31% жителей стран ЕС и 29% британцев. «Запад думает, что

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Дипломатический вестник МИД РФ. Спецвыпуск. 1993.

сейчас он имеет дело с продолжением холодной войны, остальные видят совершенно иную картину»¹.

Впервые в столь жесткой форме зафиксированы ответные меры на недружественные действия, представляющие угрозу суверенитету и территориальной целостности России, в том числе с применением санкций. Заявлено правомерным принять симметричные и ассиметричные меры, необходимые для пресечения недружественных действий, а также для предотвращения их в будущем. В другом разделе говорится, что в ответ на недружественные действия Запада Россия намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие «всеми имеющимися средствами».

Сделана ставка на предельно прагматичный учет совокупности факторов, предопределяющих реальную стратегическую заданность геополитических целей Запада во главе с США. В КВП-2023 разъясняется, что Соединенные Штаты и страны, идущие в кильватере Вашингтона, использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Ее цель охарактеризована предельно кратко – ослабление России всеми возможными способами, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение суверенитета во внешней и внутренней политике и разрушение территориальной целостности. Радикальная реконцептуализация международной политики России объясняется тем, что такой курс Запада приобрел «всеобъемлющий характер и закреплен на доктринальном уровне». Предпосылки к этому выводу накапливались годами. Даже в пиковый период американской гегемонии отношения Запада, прежде всего США, и России характеризовались в российском политологическом сообществе как нервно-напряженное полупартнерство-полуконфликт [Лукин, Уткин, 1995: 5]. В свете таких оценочных позиций актуальность приобретает откровение Збигнева Бжезинского, что политика США в отношении России «была богата риторикой, великодержавными жестами и стратегической пустотой» [Бжезинский, 2016: 178].

США: вверх по лестнице, ведущей вниз

В рамках принципиального неприятия гегемонии в международных делах выдвинута задача «устранения рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, создание условий для отказа любого государства от неокOLONиальных и гегемонистских амбиций».

Как будто сегодня звучат размышления известного американского политика Дж. Фулбрайта с его огромным опытом участия в разработке внешнеполитической стратегии США при пяти президентах: «Преобладающая часть человечества не хо-

¹ How to survive a superpower split. The Economist. 11.04.2023 URL: <https://www.economist.com/international/2023/04/11/how-to-survive-a-superpower-split> (дата обращения: 20.04.2023).

чет быть покорным слугой американской империи и требует теперь независимости и уважения к себе» [Фулбрайт, 1967]. Примечательна современная позиция авторитетных французских экспертов-международников, которые критически осмысливают действия США на международной арене, подменяющие принципы сотрудничества и солидарности «либеральной логикой – односторонней и репрессивной» [Fernandez, Holeindre, 2022].

Другой раздел документа уточняет особенности конструктивного подхода: способствовать налаживанию широкого взаимодействия в целях нейтрализации попыток любых государств и межгосударственных объединений добиваться глобального доминирования в военной сфере, проецировать свою силу за пределы своей зоны ответственности, присваивать себе преимущественную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, проводить разделительные линии и обеспечивать безопасность одних государств в ущерб легитимным интересам других стран. Такой подход имеет под собой давние основания. Дж. Най, долгое время входивший в десятку ведущих американских аналитиков, неоднократно критиковал руководство США за «отсутствие иммунитета против спеси» и абсолютное игнорирование интересов других стран [Нус, 2004: 67].

Тем самым происходит отказ от имевшейся в предыдущих редакциях задачи формирования ценностной основы совместных с Западом действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливость, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие. Эта установка, больше вписывающаяся в представления периода деидеологизации международных отношений, вряд ли геополитически рациональна и практически реализуема в наши дни. Риторичен вопрос, может ли духовно-нравственный знаменатель стать стержневой опорой действий в современной кризисной геополитике? [Неймарк, 2020: 122, 143].

Данные моменты скорректированы в КВП-2023 с учетом новых вызовов и угроз. К ним относятся консолидация международных усилий, направленных на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных нелиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Россия и интегрированная Европа: к перспективам взаимоотношений

В документе выражена принципиально важная стратегическая позиция: «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений». РФ рассчитывает, что в дальнейшем государства западного сообщества осознают бесперспективность конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию на основе суверенного равенства и уважения интересов друг друга. Особого внимания заслуживает вывод, что в

этих условиях Россия готова к диалогу. Авторитетные эксперты-международники отмечают, что РФ выступает против навязывания группой стран или великой державой образа жизни, ценностей и систем координат экономического и политического развития «и не собирается отказываться от диалога по глобальным проблемам даже с теми, кто нагнетает напряженность и конфронтацию»¹.

Оценочные позиции КВП-2023 в отношении интегрированной Европы сильно изменились по сравнению с предшествующей редакцией 2016 г. Тогда в качестве стратегической задачи России выдвигалось формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции, недопущение появления разделительных линий на европейском континенте. Более того, Россия была настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного диалога с ЕС «по основным вопросам внешнеполитической повестки, а также на дальнейшее развитие практического взаимодействия во внешнеполитической и военно-политической сферах»².

Однако на фоне этих позитивных и конструктивных установок уже тогда, задолго до специальной военной операции на Украине, звучала оценочная позиция, уравнивающая, по сути, функциональное предназначение ЕС и НАТО. Накопившиеся системные проблемы в Евро-атлантическом регионе объяснялись геополитической экспансией Североатлантического альянса и Евросоюза, которая привела к серьезному кризису в отношениях России и государств Запада. Интернационализация кризиса на Украине резко усугубила существовавшие ранее негативные тенденции и остроту проблем в отношениях ЕС и РФ.

Это отразилось в объемном разделе КВП-2023, посвященном Европейскому региону. Посыл заключается в том, что большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России, направленную на создание угроз безопасности и суверенитету, получение односторонних экономических преимуществ, подрыв внутривнутриполитической стабильности, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и создание препятствий для сотрудничества Москвы с союзниками и партнерами. Среди задач, требующих приоритетного внимания, выделяются снижение уровня и нейтрализация угроз безопасности, территориальной целостности, суверенитету и социально-экономическому развитию России, ее союзников и партнеров со стороны недружественных государств, НАТО, ЕС и Совета Европы; создание условий для прекращения недружественных действий европейских государств и их объединений, полного отказа от антироссийского курса (в том числе от вмешательства во внутренние дела России), а также для их

¹ Войтоловский Ф. Равная среди равных: России в формирующемся полицентричном мире. РСМД. 20.05.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/ravnaya-sredi-ravnykh-rossiya-v-formiruyushchemsya-politsentrichnom-mire/> (дата обращения: 20.04.2023).

² Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

перехода к долгосрочной политике добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Важнейшей политико-методологической установкой представляется формирование новой модели сосуществования с европейскими государствами, позволяющей обеспечить безопасное, суверенное и поступательное развитие России, ее союзников и партнеров, прочный мир в европейской части Евразии с учетом потенциала многосторонних форматов, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. В КВП-2023 подчеркивается, что объективные предпосылки создания новой модели сосуществования с европейскими государствами – географическая близость, исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические связи народов и государств европейской части Евразии.

Практический вывод из вышесказанного рассчитан на стратегическую перспективу. Осознание государствами Европы безальтернативности мирного сосуществования и взаимовыгодного равноправного сотрудничества с Россией, повышение уровня их внешнеполитической самостоятельности и переход к политике добрососедства с Российской Федерацией благоприятно скажутся на безопасности и благополучии Европейского региона, помогут европейским государствам занять достойное место в Большом Евразийском партнерстве и многополярном мире.

Стратегический расчет на реализацию в долгосрочной перспективе такого варианта развития событий подтверждают отдельные тенденции в Евросоюзе. Наглядный пример – совместное китайско-французское заявление 7 апреля 2023 г. председателя КНР Си Цзиньпина и президента Франции Э. Макрона, в котором говорится о стремлении укрепить многостороннюю международную систему в многополярном мире под эгидой ООН. Возвращаясь из Пекина в Париж, Э. Макрон сказал в интервью, что ЕС необходимо добиться «стратегической автономии, что он не должен быть младшим партнером в ведомом США однополярном мире». Президент Франции подчеркнул, что континент «может стать третьим полюсом». По оценке обозревателя журнала «Америкэн консёрватив» (*The American Conservative*) Теда Снайдера, это «знак того, что Европа отходит от однополярного мира во главе с Америкой и бросает ему вызов». В своих выводах он опирается на весьма откровенное признание председателя Европейского совета Ш. Мишеля о том, что «некоторые европейские лидеры думают, как Эммануэль Макрон». В Евросоюзе сохраняется большая привязанность к альянсу с США, но если это «предполагает слепое следование за Вашингтоном по всем вопросам, то такой альянс нам не нужен»¹. Эти разовые, скорее ситуационные заявления нельзя рассматривать как последовательную позицию, но они отражают определенную тенденцию. Задолго до обострения современной международной обстановки – еще три десятилетия назад – некоторые беспристрастные западные аналитики предупреждали: если из сплоченного Запада начнут выпадать звенья, надлом в отношениях Европы и США про-

¹ Snider T. The most important line in the China-France Joint statement. *The American Conservative*. 17.04.2023 URL: <https://www.theamericanconservative.com/the-most-important-line-in-the-china-france-joint-statement/> (дата обращения: 20.04.2023).

изойдет там, где «с виду полная благодать – в Брюсселе или Вашингтоне» [Паркинсон, 1989: 318].

Россия как государство-цивилизация и Русский мир

Документ уточняет современный геополитический статус России, которая позиционирует себя в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня. Содержательно и терминологически обновлен подход к понятию многовекторности: «Созидательную энергию Российская Федерация будет концентрировать на географических векторах своей внешней политики, которые имеют очевидные перспективы с точки зрения расширения взаимовыгодного международного сотрудничества».

Впервые после внесения идеи Русского мира в Концепцию внешней политики 2008 г. и ее изъятия из последующих редакций она вновь появилась в КВП-2023 г. в предельно сжатой формулировке, характеризующей РФ как «самобытное государство-цивилизацию». Этим подчеркивается цивилизационная особость России, имеющая только ей присущий генетический код [Никонов, 2015]. РФ характеризуется как обширная евразийская и евротихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, «составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». В столь глубоко обновленном документе можно было бы ожидать более подробного раскрытия этих понятий.

Конкретный смысловой стержень и концептуальная основа Русского мира также не раскрыты в «Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», утвержденной президентом В.В. Путиным 5 сентября 2022 г. Между тем в условиях обострения международной ситуации политические элиты и массовое сознание на Западе воспринимают категорию «Русский мир» из-за ее неопределенности, как «империю зла», враждебную и опасную антитезу всему Западному миру. В результате происходит деформация идеи Русского мира, выступающей составной частью гуманитарного блока внешней политики России [Неймарк, 2022: 286–287].

В современном международном контексте особую геополитическую значимость приобретают задачи не только формирования добрососедства с сопредельными государствами, содействия предотвращению возникновения и устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях, но и оказания союзникам и партнерам поддержки в продвижении общих интересов, обеспечении безопасности и устойчивого развития «*независимо* от получения союзниками и партнерами международного признания и их членства в международных организациях» (курсив мой – М.Н.).

Из последних редакций Концепции воспроизведена очень важная установка на формирование объективного восприятия РФ за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве» (пп. 17 и 48), а в пп. 40 и 43 ставится задача «укрепления позитивного восприятия России в мире». Между тем в концепту-

ально-методологическом и практико-политическом планах эти задачи нетождественны и требуют профильных решений и механизмов реализации.

Выводы

Принятие КВП-2023 означает появление нового аналитического качества российской внешней политики. Актуализация Концепции – принципиально важная рубежная веха в развитии отечественной дипломатии. Векторы, параметры и цели внешнеполитической стратегии государства жестко адаптированы к кардинально изменившимся геополитическим условиям. Новый документ стратегического планирования России – это концептуальная дорожная карта отношений государства с окружающим миром.

Знаковые изменения в КВП-2023 свидетельствуют о принципиальном разрыве с навязываемыми Западом во главе с США логикой, принципами и правилами геополитической игры. Своим содержанием документ отвергает американскую внешнеполитическую модель поведения в мире. Новая Концепция – контрастно выраженная антитеза мессианской модели американской исключительности. Более того, это комплексный ответ России на нарастающее системное противоборство с Западом во главе с США, стремящимся низвести ее к периферийной роли в мировой и региональной политике. Впервые создана предельно прагматическая концептуальная база внешней политики России.

При принципиальной жесткости заявленных позиций в документе отчетливо прослеживается понимание значимости жизненного принципа: «никогда не говори никогда». Его актуальность сохраняется даже в периоды обостренных или кризисных международных отношений. Это подтверждают геополитически значимые разъяснения в тексте. Они предупреждают об опасности возведения в абсолют обновленных оценочных позиций и выводов и позволяют рассчитывать на то, что в стратегической перспективе кризисные процессы враждебного отчуждения в отношениях Запада и России не станут необратимыми. Таким образом, в стратегических интересах России использовать максимально возможный спектр конструктивной многовекторности внешней политики.

Авторитетные специалисты, имеющие большой опыт дипломатической и экспертно-аналитической работы, обоснованно выделяют важнейшую суть российско-го подхода: «Мы не закрываемся от Запада, не отказываемся от европейской части своего исторического и цивилизационного наследия... Но будем действовать сообразно обстоятельствам и собственному пониманию своих национальных интересов» [Яковенко, 2023: 4].

Значимые обновление и оптимизация положений документа свидетельствуют о том, что приоритетом современной внешней политики России становятся системное наращивание мощи государства, конкурентных преимуществ, активная международная стратегия, укрепление геополитического статуса.

В условиях мегакризиса современной геополитики выстроенная в КВП-2023 система целей, оценок, установок и приоритетов государства выступает всецело адаптированной к жестким современным реалиям.

Новая концепция внешней политики России имеет важное значение для совершенствования работы российской дипломатии и повышения ее эффективности в борьбе с новыми международными вызовами и угрозами. Она стимулирует политическую мысль и дальнейшие поиски ответов на нерешенные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барабанов О. (2023) *Новая Концепция внешней политики РФ: структура и семантика*. Валдай. Международный дискуссионный клуб. 04.04. URL: <https://tu.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-kontseptsiya-vneshney-politiki-rg-semantic/> (дата обращения: 20.04.2023).
- Барановский В.Г. (2010) Внешнеполитический цикл: от Горбачева до Путина. *Россия-2010. Российские трансформации в контексте мирового развития*. Под ред. М.С. Горбачева, В.Б. Кувалдина. Издательская группа Логос, Москва. 308 с.
- Бартош А.А. (2023) *Прокси-война*. Горячая линия – Телеком, Москва. 256 с.
- Бжезинский З. (2016) *Еще один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы*. АСТ, Москва. 192 с.
- Быков О.Н. (2015) *Геополитический статус России: в 2-х книгах*. Книга 2. ИМЭМО РАН, Москва. 210 с.
- Иванов И.С. (ред.) (2012) *Внешняя политика России: 2000-2020*. Аспект Пресс, Москва. 220 с.
- Громыко Ал.А. (2022) Современный мир – разгон противостояния «великих держав». *Европа в кризисном мире*. Под. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, Москва. С. 11–26.
- Лукин В.И., Уткин А.И. (1995) *Россия и Запад: общность или отчуждение*. Сампо, Москва. 147 с.
- Неймарк М.А. (2022) Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка. *Проблемы постсоветского пространства*. № 9. С. 279–288.
- Неймарк М.А. (2020) *Эволюция внешнеполитической стратегии России*. Проспект, Москва. 320 с.
- Никонов В.А. (2015) *Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего*. Издательство «Э», Москва. 672 с.
- Паркинсон С.Н. (1989) *Законы Паркинсона*. Прогресс, Москва. 448 с.
- Примаков Е.М. (2018) *Россия в современном мире*. Центрполиграф, Москва. 620 с.
- Фулбрайт Дж. (1967) *Самонадеянность силы*. Международные отношения, Москва. 256 с.
- Яковенко А.В. (2023) *Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция*. Дипломатическая академия МИД России, Москва. 144 с.
- Fernandez J., Holeindre J.-V. (2022) *Nations désunies? La crise du multilatéralisme dans les relations internationales*. CNRS Editions, Paris, France. 343 p.
- Le Rubicon (2020) *Les nouvelles formes de guerre. Nouvelles technologies, guerre cognitive, désinformation, action clandestine*. Equateurs, Paris, France. 142 p.
- Ney J.S. Jr. (2004) *Soft Power. The means to success in world politics*. Public Affairs, New York, USA. 191 p.

The Turning Point: New Foreign Policy Concept of Russia

M.A. Neimark*

Doctor of Sciences (History), Professor

Department of Political Science and Political Philosophy

Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119021

***E-mail:** mark.neimark@mail.ru

Abstract. The avalanche processes in the world have clearly confirmed the need for a holistic inventory, significant correction and, in many cases, a radical reassessment of the previous version of the 2016 Foreign Policy Concept of Russia. The dynamics of world politics is so rapid that many of them, no longer fit into the previous schemes. A fundamentally significant matrix in understanding and rethinking the doctrinal and practical-political experience of Russian diplomacy has become the approval by President V.V. Putin on March 31, 2023 of the new Foreign Policy Concept of the Russian Federation (hereinafter: FPC-2023). FPC-2023 marks an unprecedented turning point in the conceptualization of attitudes of Russian diplomacy. A clearly defined continuity has been preserved with respect to the fundamental principles of Russia's foreign policy. FPC-2023 is a new geopolitical premises for the positioning of Russia in the global space and in its relations with the world. The basic system components of Russia's national-state interests have been elaborated in a comprehensive integrity and linkage. FPC-2023 is a convincing answer to those Western politicians who stubbornly consider Russia a semi-peripheral zone in the global space. From FPC-2023 it clearly follows that the strategically “unprofitable” search for a balance between the possible and the impossible has ended. It fully takes into account the negativism of the predominant part of the Western political establishment towards Russia, which has sharply increased in connection with the special military operation in Ukraine. The new Concept takes into account the destructive features of today's crisis geopolitics, but does not block constructive paths to a more optimistic future of international relations.

Key words: new challenges and threats, Russia's foreign policy strategy, national security, new world order

DOI: 10.31857/S0201708323050017

EDN: xyymoe

REFERENCES

Barabanov O. (2023) *Novaya Kontseptsia vneshnei politiki RF: struktura i semantika* [New Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Structure and Semantics], Valdai. Mezhdunarodniy diskussiionniy klub. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-kontseptsiya-vneshney-politiki-rf-semantika/> (accessed: 20.04.2023). (In Russian).

Baranovskii V. (2010) Vneshnepoliticheskiy tsikl: ot Gorbacheva do Putina [Foreign policy cycle: from Gorbachev to Putin], in Gorbachev M., Kuvaldin V. (ed.) *Rossia-2010. Rossiyskie*

transformatsii v kontekste mirovogo razvitiia [Russia-2010. Russian transformation in the context of world development], Izdatelskaya gruppa Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Bartosh A. (2023) *Proksi-voina* [Proxi-war], Goryachaya liniya – Telekom, Moscow, Russia. (In Russian).

Bykov O. (2015) *Geopoliticheskiy status Rossii: v 2-h knigah. Kniga 2* [Geopolitical status of Russia: in 2 volumes. Volume 2], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Bzhezinskiy Z. (2016) *Esche odin shans: tri prezidenta i krizis amerikanskoy sverhderzhavi* [One more chance: three presidents and crisis of american great power], AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Fernandez J., Holeindre J.-V. (2022) *Nations désunies? La crise du multilatéralisme dans les relations internationales*, CNRS Editions, Paris, France.

Fulbrait Dzh. (1967) *Samonadeyannost sily* [Overconfidence of power], Mezhdunarodniye otnosheniya, Moscow, Russia. (In Russian).

Gromyko A.I.A. (2022) *Sovremenniy mir – razgon protivostoyaniya «velikikh derzhav»* [The modern world – the acceleration of the confrontation between the “great powers”], in *Evropa v krizisnom mire* [Europe in crisis world], Ves mir, Moscow, Russia, pp. 11–26. (In Russian).

Ivanov I. (ed.) (2012) *Vneshnyaya politika Rossii: 2000–2020* [Foreign policy of Russia: 2000–2020], Aspekt Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Le Rubicon (2022) *Les nouvelles formes de guerre. Nouvelles technologies, guerre cognitive, désinformation, action clandestine*, Equateurs, Paris, France.

Lukin V., Utkin A. (1995) *Rossia i Zapad: obshnost' ili otchuzhdenie* [Russia and the West: community and alienation], Sampo, Moscow, Russia. (In Russian).

Neimark M. (2022) *Gumanitarnaya politika Rossii za rubezom: kontseptualnaya perezagruzka* [Russia's Humanitarian Policy Abroad: A Conceptual Reload], *Problemi Postsovetskogo Prostranstva*, 9, pp. 279–288. (In Russian).

Neimark M. (2020) *Evolutsia vneshnepoliticheskoy strategii Rossii* [The evolution of Russia's foreign policy strategy], Prospekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Ney J.S. Jr. (2004) *Soft Power. The means to success in world politics*, Public Affairs, New York, USA.

Nikonov V. (2015) *Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiyu v mire buduschego* [Code of civilization. What awaits Russia in the world of future], Izdatelstvo E, Moscow, Russia. (In Russian).

Parkinson S. (1989) *Zakoni Parkinsona* [Parkinson's Laws], Progress, Moscow, Russia. (In Russian).

Primakov E. (2018) *Rossia v sovremennom mire* [Russia in the contemporary world], Tsentropoligraf, Moscow, Russia. (In Russian).

Yakovenko A. (2023) *Geopoliticheskiy perelom i Rossiya. O tchem govorit novaya vneshnepoliticheskaya kontseptziya: monografiya* [Geopolitical turnaround and Russia. What the new foreign policy concept says: monograph], Diplomatic Academy, MFA of Russia, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327

КРИЗИС КОНВЕРГЕНЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И БРЮССЕЛЯ¹

© 2023 г. **ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна***

Доктор исторических наук

Профессор Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД

Зав. Отделом исследований Центральной и Восточной Европы

и Центром Вишеградских исследований Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

***E-mail:** *l.shishelina@gmail.com*

Поступила в редакцию 16.05.2023

После доработки 24.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В статье сделан анализ истоков современных расхождений руководящих органов Евросоюза и стран Центральной Европы, которые имеют тенденцию к углублению. Противоречия были очевидны уже во время принятия государств региона в ЕС. Оно произошло по ускоренному сценарию при достаточно условном соответствии этих стран Маастрихтским и Копенгагенским критериям. На вопросы расширения рынка и адаптации к нему новых стран, изначально обращалось больше внимания, чем на политические и правовые требования. Углубление политического измерения ЕС происходило уже после вступления новых членов. Для многих из них правила конвергенции оказались мало приемлемыми, однако отказ означал бы новый виток конфронтации с Брюсселем. В этих условиях страны Центральной Европы предпринимали усилия по отстаиванию своего видения перспектив Евросоюза. Почти за 20 лет сосуществования страны-члены неоднократно шли на компромиссы. С середины 2010-х гг. разногласия начали приобретать принципиальный характер. Брюссель, используя финансовые рычаги ЕС, начал оказывать давление, в первую очередь на Венгрию и Польшу. Автор

¹ *Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта «Контуры дестабилизации в Европе: социально-экономические, политические и ценностные аспекты» №2025-04-07*

приходит к выводу, что в текущей сложной международной обстановке стороны будут вынуждены пойти на компромисс.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Европа, конвергенция, адаптация, ценностные ориентиры, кризис

DOI: 10.31857/S0201708323050029

EDN: xzmpvi

Противоречивый процесс противостояния государств восточной волны расширения и государств-основателей европейской интеграции не имеет исторических и географических аналогий. В результате конвергенции были преодолены адаптационные моменты в экономике – главное условие Маастрихтских критериев, принятых в 1992 г.¹ Цель последних, помимо установления основополагающих принципов регулирования общего рыночного пространства, – не нарушать сбалансированное функционирование Экономического и валютного союза при приеме новых членов. Во время переговоров, начавшихся в первой трети 1990-х гг., ЕС и страны-заявительницы ориентировались в основном на то, что государственный долг страны-кандидата не превышает 60% от ВВП, а бюджетный дефицит – 3%. В ходе проверки экономического функционирования будущих членов, специальные комиссии ЕС выработывали планы адаптации (дорожные карты) для каждого государства и следили за их выполнением. Самой сложной задачей оказалось свести уровень инфляции к 1,5%. Часть соглашений, которая сегодня ставит под угрозу существование политической системы и требует реальной конвергенции, была определена в Копенгагенских критериях 1993 г. и сформулирована достаточно расплывчато. Это давало право каждой из сторон допускать собственные интерпретации положений, пока страны Центральной Европы (ЦЕ) не были вовлечены в систему принятия важных решений: обсуждение проекта общей конституции, председательство в Совете ЕС, руководство комиссариатами, голосование по принципиальным вопросам.

Проблему неэкономических составляющих членства долго обходили стороной. Казалось, фактов «свержения коммунизма» и проведения демократических выборов, заявлений политиков о проевропейских устремлениях достаточно для подтверждения готовности вступить в ЕС. Большинство экспертов признавало, что Евросоюз явно поспешил с принятием новых членов из числа постсоциалистических государств по политическим соображениям [Глинкина, Куликова, 2013]. Центральноевропейские лидеры обеспокоены перспективой утраты собственной значимости на фоне государств-основателей ЕС. Кроме того, не все государства ЦЕ готовы до конца пройти путь конвергенции. По прошествии почти двух десятилетий сосуществования с Центральной Европой и странами Балтии Брюссель согласен исключительно на пролонгированную адаптацию или одностороннюю конвергенцию, про-

¹ Treaty on European Union (TEU) / Maastricht Treaty. EUR-lex. 29.07.1992. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (дата обращения: 11.08.2023).

двигаясь по пути единообразия, о котором страны-кандидаты не были поставлены в известность в начале пути.

На этой волне в 2005 г. президентские выборы в Польше выиграл один из лидеров консервативной партии «Право и справедливость» (ПиС) Лех Качиньский. Его приоритетом была общепольская солидарность. В 2006 г. в Словакии премьер-министром стал прагматик социал-демократ Роберт Фицо, нацеленный на строительство сильного социального государства. С приходом к власти в Венгрии в 2010 г. Виктора Орбана лидеры центральноевропейских стран все больше укрепляются в мысли о необходимости возвращения к идеям Центральной Европы и национальных государств внутри Евросоюза, а, следовательно, формирования соответствующей дорожной карты, стиля поведения, идеологии.

История разногласий

В европейской истории было много проектов сближения различных регионов. В период между двумя мировыми войнами существовали идеи Панъевропы, Панъевропейского союза, Дунайской федерации Милана Годжи. Объединения не произошло, несмотря на отсутствие значительных социально-экономических и идеологических различий. В начале XX в. внутри ЦЕ наблюдались распри новых государств друг с другом. Над ними довлели удручающее состояние экономик региона, раздробленного новыми государственными границами, атмосфера всеобщей и взаимной подозрительности. По этим причинам единственной функционировавшей региональной структурой была Малая Антанта, которую поддерживали Франция и Британия. Однако ее члены имели слишком мало общего. Союз больше держался на символах общего врага (коммунизм и возможность реванша Венгрии). На этом фоне к середине XX в. возрастала популярность идеи отдельного Центрально-Европейского региона – наследника Австро-Венгрии в модернизированном варианте. Эта идея была основана на одновременной инкорпорации идей, мыслей, технологий Запада и Востока. Проект формировался на фоне глубоких системных и идеологических противоречий России и Западной Европы и осознание регионом собственной принадлежности сразу двум соперничающим мирам, культурам и социально-экономическим укладам. Сохранение «центральноевропейскости» стало отождествляться с независимостью и защитой независимости от угроз как с Востока, так и с Запада. В ходе истории регион часто становился прифронтовой зоной, но при этом сохранял импульс к объединению.

В начале XXI в. эта тенденция выразилась в таком явлении, как евроскептицизм. Частичное неприятие прозападного курса не означало компенсацию за счет восточного направления, что создало исторически уникальную ситуацию. Его активными сторонниками первоначально выступали Вацлав Клаус, второй президент Чешской Республики (2003–2013 гг.), и Лех Качиньский, президент Польши (2005–2010 гг.). Оба активно выступали против принятия Конституции ЕС. В 2006 г. их ряды пополнил в качестве премьер-министра Словакии лидер «СМЕР» (*SMER – sociálna demokracia*) Роберт Фицо, а в 2010 г. – основатель ФИДЕС (*Fidesz – Magyar Polgári Szövetség*) Виктор Орбан.

Вацлав Клаус изначально имел репутацию правого политика и возглавлял правое крыло внутри Гражданского форума в решающий период чехословацких, а затем чешских реформ. Он вел жаркие споры с «иконкой» современной Чехии моралистом Вацлавом Гавелом. Будучи ученым-экономистом, В. Клаус считал главными задачами Чехословакии рыночную трансформацию экономики и установление традиционной демократии западноевропейского типа. Он следовал этим принципам на протяжении всего периода нахождения на высших государственных постах. Он возглавлял Гражданскую демократическую партию, образованную им в 1991 г., находился на посту премьер-министра Чехии в 1992–1998 гг. и занимал кресло президента с 2003 по 2013 гг. В. Клаус был сторонником осторожного реформирования экономики по пути разгосударствления и вступления страны в НАТО, но критиковал альянс за бомбардировки Югославии. Кроме того, он, осуждая восточноевропейскую политику СССР, не отождествлял Советский Союз с демократической Россией. В. Клаус продолжает придерживаться мудрой и взвешенной позиции, не опасаясь быть раскритикованным властью и оппозицией за свою точку зрения о генезисе российско-украинского конфликта и избирательности Запада.

Позицию братьев Качиньских, один из которых – Лех - был президентом страны, а второй – Ярослав - является главным идеологом правящей партии, изначально определяла консервативная идеология. В 2001 г. они создали национал-консервативную, полуклерикальную партию «Право и справедливость» (ПиС). Удерживаться у власти ПиС помогает исполнение обязательств данных избирателю во время предвыборных кампаний, одним из элементов которых является сильная социальная политика, прежде всего поддержка семьи.

В. Клаус и Л. Качиньский долго не соглашались с принятием Лиссабонского договора. Оба были заинтересованы прежде всего в укреплении национальных основ государств и стали первыми среди центральноевропейских лидеров конфликтовать с Брюсселем. При этом у Варшавы была на это серьезная причина. Во время референдума по Европейской Конституции во Франции лидер националистов Франсуа Ле Пен выставил фигуру поляка в образе польского сантехника как угрозу будущему Евросоюзу. Тем самым он стимулировал у рядового француза страх перед якобы нищенствующей и угрожающей благополучию западного мира восточноевропейской реальностью.

Роберт Фицо представляет другой тип политика. Своей линией поведения и уровнем образования он ближе к Вацлаву Клаусу. Однако в отличие от чешского лидера Р. Фицо – убежденный социал-демократ. Он хорошо знает правовую систему Европы изнутри: Фицо стажировался как специалист по уголовному праву в США, Британии, Финляндии, Бельгии и Франции, преподавал право. Он не испытывал иллюзий относительно справедливости и совершенства западной юридической системы. И он стал первым центральноевропейским политиком, оформившим юридический протест против системы квот по мигрантам в 2015 г. Он один из немногих, кто подал в отставку с поста председателя правительства на волне народного протеста, связанного с убийством журналиста, расследовавшего криминальные связи некоторых членов правительства в 2018 г.

В ряду евроскептиков выделяется фигура венгерского премьер-министра Виктора Орбана. В отличие от них, В. Орбан из либерала-атлантиста стал консерватором-евроскептиком. Его фигура больше всего отражает процесс расхождения в ценностных ориентирах. Лидер ФИДЕС вошел в венгерскую политику как радикальный прозападный либерал в конце 1980-х гг. и всемирно прославился речью на церемонии перезахоронения казненного лидера восстания 1956 г. Имре Надя и его соратников. Центральной темой выступления было требование не только покончить с коммунизмом, но и вывести советские войска из Венгрии. Несмотря на личную популярность, партия В. Орбана не смогла выиграть на первых свободных выборах в парламенте. Население было не готово довериться молодым демократам и предпочло известных писателей и историков-публицистов. Первые разочарования завершились переизбранием социалистов-реформистов в 1994 г. Венгерская политическая элита тогда разошлась вправо и влево в попытке преодолеть первые ошибки реформ. С наследниками коммунистов, в отличие от либерального Союза свободных демократов, партия В. Орбана не совпадала во взглядах. К своей первой победе на третьих в истории Венгрии выборах Виктор Орбан пришел, объединившись в коалицию с консервативными партиями: Венгерским демократическим форумом, Партией мелких сельских хозяйств и Христианско-демократической народной партией (ХДНП). В этот период В. Орбан отошел от безоговорочного евроатлантизма.

Важным переломным моментом стали первые годы членства вишеградских стран в ЕС, которые совпали с разработкой общей Конституции. Они подали заявки в «другой» Евросоюз, не столь озабоченный общими политическими правилами. Главными целями были вступление в Общий рынок и подъем экономики стран. Попытка завершилась неудачей: основатели ЕС – Франция и Нидерланды – вынесли вопрос о проекте Конституции на общенародные референдумы. Кроме того, известный западноевропейский снобизм по отношению к европейским *ossi*¹ оказал влияние на готовность французов и голландцев углублять интеграцию. При второй попытке решимость отстаивать свои озабоченности и видение перспектив продемонстрировали уже восточноевропейцы – чехи и поляки, затянувшие процесс принятия Лиссабонского договора и настоявшие на ряде важных для них положений [Шишелина, 2020].

Конституция и закон о СМИ в Венгрии и система правосудия в Польше

После вступления в ЕС нападкам стали подвергаться страны с консервативными режимами. Это создавало впечатление борьбы либерального крыла ЕС, всегда превалявшего в Европарламенте и Еврокомиссии, и консервативного. Правые стали откровенно продвигать идею реформы Евросоюза, в направлении Европы государств вместо активно проводимой Брюсселем политики превращения ЕС в «государство – Европа».

¹ По аналогии с делением немцев на *ossi* и *wessi*.

После расширения ЕС в 2004 г. противоречия первоначально касались экономической политики. Западноевропейский лоббизм отчетливо проявился, например, во время принятия первого долгосрочного бюджета ЕС-25, на фоне мирового экономического кризиса и процесса принятия стран региона в еврозону. С ростом популярности консервативных идей в ЦЕ противоречия приобретали более отчетливый политический оттенок. Следует также отметить фактор внутривнутриполитической борьбы. Например, венгерские депутаты-социалисты стали использовать Европарламент в качестве площадки для критики правительства. Это подтверждают циркулировавшие в Венгрии утверждения о том, что европарламентарии осудили венгерский закон о СМИ за несколько дней до публикации перевода на английский язык. Скорее всего, утечка произошла из профильного комитета парламента, в котором либерал-социалисты потерпели унизительное поражение от набравших более двух третей голосов сторонников В. Орбана. Закон о СМИ стал причиной нападков на премьер-министра во время вступления Венгрии на пост председателя Совета ЕС. Противоречия Польши и ЕС усугубились в период пребывания Д. Туска на посту председателя Евросовета.

Сначала Венгрия пыталась отстаивать закон, но под давлением Еврокомиссии внесла несколько компромиссных поправок. Однако новым поводом для противоречий стала венгерская Конституция. Европейские политики были недовольны тем, что В. Орбан настолько «узурпировал власть, что написал под себя Конституцию». На самом деле, Венгрия просуществовала в ЕС до 2011 г. с Основным законом, принятым в 1949 г. с периодически вносимыми поправками в связи с выходом из ОВД, вступлением в НАТО, присоединением к ЕС¹. Депутаты первого свободно избранного парламента и последующих (до 2010 г.) созывов не могли преодолеть ограничение, в соответствии с которым масштабные изменения в Конституцию могли быть внесены только при наличии 2/3 голосов депутатов, а неоднократные правки лишали документ целостности.

Возможность полностью изменить Конституцию возникла только после победы коалиции ФИДЕС/ХДНП в 2010 г. Брюссель раскритиковал преамбулу Основного закона, в которой был сделан акцент на том, что Венгрия – христианское государство, а также неправильно переведенное и, соответственно, неправильно интерпретированное положение, что венгерская семья состоит из мужчины и женщины. На самом деле в конституции записано, что государственная помощь оказывается семьям, состоящим из мужчины и женщины и воспитывающим детей. Тем не менее новость о том, что Венгрия на уровне конституционного закона запрещает однополые отношения, вызвала неприятие либерального брюссельского большинства.

За время членства Венгрии Европарламент санкционировал по меньшей мере три инспекции с целью применить в отношении нее статью 7 Договора о ЕС (ДЕС), лишаящую права голоса и открывающую дорогу к исключению из объединения. Первая попытка была предпринята делегацией во главе с португальским депутатом от левых и зеленых Руи Таварешом летом 2013 г. [Tavares, 2012]. Второй и третий

¹ Поправки в Конституцию Венгрии 1949 г. вносились в 1968, 1975 и 1989-м гг., а также в связи со вступлением страны в НАТО и ЕС.

доклады также появились в группе зеленых. В 2018 г. доклад подготовила Юдит Саргентини [Sargentini, 2018]. За год до этого она также представила аналогичные доклады по ситуации в Польше и Чехии. Результатом доклада Саргентини стала инициация статьи 7 ДЕС в отношении Венгрии. 15 сентября 2022 г. третий доклад представила Европарламенту депутат от Франции Гвендолин Дельбо-Корфильд¹, которая на пленарном заседании потребовала довести до конца открытую в 2018 г. процедуру применения статьи 7 и назвала Венгрию «избирательной автократией». За принятие резолюции проголосовали 433 депутата².

Суть трех обвинений примерно одинаковая: в Венгрии наблюдается высокий уровень коррупции; значительные государственные средства выделяются на поддержку проправительственных медиа, что создает неравные условия на информационном рынке; отсутствие консультаций с общественностью и ускоренный законодательный процесс ослабили качество регуляторной среды и ухудшили функционирование демократической институциональной системы. По мнению евродепутатов, последний пункт особенно касается непрозрачности в вопросах назначения судей.

Время выпусков докладов совпало с избирательными компаниями в Венгрии: 2013 г. (канун), 2018 и 2022 гг. (непосредственно год выборов в парламент). За этим прослеживается стремление зелено-либеральной части депутатов повлиять на венгерского избирателя.

Из трех докладов особенно интересен отчет Ю. Саргентини, с которого началось инициирование применения статьи 7 ДЕС. Она лишает страну сначала права голоса, а позже выплат из централизованного бюджета Евросоюза, что делает пребывание в ЕС бессмысленным.

По большинству пунктов подобный документ мог быть издан в отношении любой другой страны ЕС, что косвенно признано в докладе при перечислении стран, страдающих схожими проблемами, и при указании места (нелидирующего) Венгрии в списке нарушителей ценностей. Например, создается впечатление, что другим странам Евросоюза удалось решить проблему цыган. Между тем программа председательства Венгрии, раскритикованная в 2011 г. евродепутатами от Франции и Нидерланды, стала единственной в ЕС, предложившей масштабный проект по инкорпорации этого общеевропейского культурного меньшинства в полноценную социальную жизнь общества.

Давление на Венгрию, назначенную оплотом европейского консерватизма, было важно с политической точки зрения накануне выборов в Европарламент. У ЕС

¹ Delbos-Corfield: Gwendoline Breaches of EU law and of the rights of LGBTIQ citizens in Hungary as a result of the adopted legal changes in the Hungarian Parliament (B9-0412/2021, B9-0413/2021). European Parliament. 07.08.2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/197531/GWENDOLINE_DELBOS-CORFIELD/other-activities/written-explanations (дата обращения: 11.08.2023).

² Magyarország többé nem tekinthető teljes értékű demokráciának, mondja az EP. EP. 15.09.2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/hu/press-room/20220909IPR40137/magyarorszag-tobbe-nem-tekintheto-teljes-erteku-demokracianak-mondja-az-ep> (дата обращения: 11.08.2023).

были более острые проблемы, чем, например, обсуждение характера высказываний В. Орбана в отношении Д. Сороса или невключение контрацептивов в списки распространяемых на территории Венгрии бесплатных лекарств [Шишелина, 2018]. Более того, в следующем году Евросоюз собирался покинуть важный плательщик в общий бюджет – Британия.

Внимание привлекает п. 5 доклада, в котором речь идет о том, что с 1996 г. Евросоюз отмечает снижение эффективности венгерских правительств. При этом первое правительство В. Орбана пришло к власти только в 1998 г. В докладе выносятся обобщающий вердикт, что венгерские правительства – самые неэффективные среди государств-членов ЕС [Шишелина, 2018]. Однако не представлены критерии, на основе которых сделаны эти выводы.

Современный этап противостояния

Противостояние Будапешта и Варшавы с Брюсселем получило продолжение после выборов в Европарламент 2019 г. и утверждения нового состава Еврокомиссии, а также на фоне ослабления первой волны пандемии *COVID-19*. На фоне распределения бюджетных средств на следующие 7 лет и дотаций на посткризисное оздоровление экономик среди депутатов стало распространяться мнение, что экономические показатели центральноевропейских государств приближаются к средним по ЕС. Это означало, что пора более решительно требовать дальнейшего соответствия общим принципам.

3 июля 2020 г. премьер-министры вишеградских стран провели предварительную встречу, на которой обсудили возможные противоречия с Брюсселем и тактику действий. Первая встреча во время пандемии завершилась достаточно успешно. Ее участники дали высокую оценку результатам самого длительного саммита в истории ЕС. 5 ноября 2020 г. Европарламент, Еврокомиссия и Совет ЕС достигли предварительного соглашения о механизме, который связывает выделение средств из фондов ЕС с принципом соблюдения верховенства права. Многие европарламентарии охарактеризовали это соглашение как историческое¹. Тем не менее Польша и Венгрия 16 ноября на заседании Комитета постоянных представителей стран ЕС объявили, что накладывают вето на проект бюджета Евросоюза на 2021–2027 гг. и Фонд восстановления. Последовала эмоциональная внутривнутриполитическая дискуссия. В письме канцлеру Германии Ангеле Меркель венгерский премьер-министр назвал ее действия политическим самоубийством накануне ухода с политической арены². Польский премьер-министр Матеуш Моравецкий отправил письмо с обращением к лидерам ЕС, в котором заявил, что «дискриминационные механизмы, основанные на произвольных, политически мотивированных критериях, не могут быть приняты, поскольку они не учитывают жизненно важные аспекты евро-

¹ BQE. No. 12596. 05.11.2020.

² Orbán Viktor interjúja a Die Zeit című németországi hetilapnak. Miniszterelnöki Kabinetiroda. 26.11.2010. URL: <http://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-interjuja-a-die-zeit-cimu-nemetorszagi-hetilapnak/> (дата обращения: 30.10.2020).

пейского права»¹. Польские и венгерские политики заявляли, что рассматривают меры Евросоюза как вмешательство во внутренние дела. Кроме того, «ЕС со своей европейской олигархией, которая наказывает самых слабых, – это не тот ЕС, к которому мы когда-то присоединились»². Протест Польши и Венгрии поддержал президент Чехии Милош Земан. Он призвал вишеградские страны сплотиться³. Премьер-министр Словении Янез Янша в письме президенту Евросовета Ш. Мишелю указал, что «некоторые политические группы открыто угрожают использовать инструмент, ошибочно названный “верховенством права”, чтобы воспитывать отдельные государства-члены ЕС, используя парламентское большинство. Только независимая судебная система способна определить, что такое верховенство закона, а не политическое большинство»⁴.

В этой ситуации председательствующая Германия предложила разработать документ, содержащий некоторые уступки и обещающий справедливое рассмотрение требований руководства этих стран, что позволило бы Венгрии и Польше снять вето. Предложенный проект текста соглашения Совета ЕС подтверждал, что механизм будет применяться объективно, беспристрастно и в соответствии с принципом равного обращения⁵. В декабре стороны достигли «рождественского перемирия» о принятии многолетних финансовых рамок ЕС на 2021–2027 гг., фонда восстановления и регламента, устанавливающего связь выделения европейских средств с соблюдением верховенства права [Шишелина, 2020]. Перемирие оставило всем странам надежду на компромисс. Он стал возможен благодаря принятию Евросоветом декларации о толковании механизма верховенства права, позволившей Польше и Венгрии снять вето.

Произошедшее в декабре 2020 г. можно рассматривать как важный сигнал для обеих сторон. Для Брюсселя это стало очередным напоминанием о специфике центрально-европейских стран, которую он раньше предпочитал учитывать только в экономических категориях. Для стран ЦЕ – это ещё один показатель того, что они присоединились к организации, не только руководствующейся правилом мажоритарной демократии, но и обладающей определенными ценностными ориентирами и не до конца выработанными правилами, к которым неизбежно предстоит адаптироваться, а в противном случае – подвергнуться санкциям.

В январе 2022 г. Еврокомиссия выставила Варшаве счет на 70 млн евро в связи с отказом исполнять решения Суда ЕС о ликвидации дисциплинарной палаты [Ру-

¹ Polish PM addresses EU leaders over conditionality mechanism. The first news. 12.11.2020. URL: <https://www.thefirstnews.com/article/polish-pm-addresses-eu-leaders-over-conditionality-mechanism-17537> (дата обращения: 30.10.2020).

² BQE. No. 12604. 19.11.2020.

³ V4 by měla být jednotná ve sporu o unijní rozpočet, řekl Zeman po setkání s Dudou. ČT24. 09.12.2020. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/svet/3238232-zive-milos-zeman-prijalpolskeho-prezidenta-andrzej-dudu> (дата обращения: 21.10.2020).

⁴ BQE. No. 12604.

⁵ BQE. No. 12619. 10.12.2020

сакова, 2022]. На оплату давалось 45 дней, в течение которых Польша также должна была объяснить, как правительство намерено исполнить предписание суда¹.

Президент Польши Анджей Дуда, не дожидаясь окончания этого срока, 3 февраля внес в парламент законопроект о ликвидации дисциплинарной палаты и выразил надежду, что принятие закона приведет к завершению спора с Еврокомиссией и разблокировке средств из европейских фондов². В результате Польше удалось разблокировать часть средств, однако Венгрия не преуспела в этом и спустя три года. Обе страны пытаются пойти на уступки, но Польша не готова отменить запрет на аборт, а Венгрия – принять пропаганду ЛГБТ. По остальным позициям продолжается работа национальных и брюссельских юристов.

На этом фоне ФИДЕС вышла из состава Европейской народной партии и пытается сформировать собственную фракцию консерваторов в Европарламенте. ПиС, со своей стороны, не желает покидать группу европейских консерваторов и реформистов. Возможно, создание такой фракции произойдет после выборов в Европарламент 2024 г. Консервативные европейские партии смогут стать третьей ведущей силой.

* * *

Кризис конвергенции ценностных ориентиров в отношениях Центральной Европы и Брюсселя состоит в следующем. С точки зрения основных действующих субъектов конфликта наблюдается противоборство консерваторов и либералов. С точки зрения пунктов предъявленных обвинений, необходимо определиться, какие из них имеют отношение к ценностным ориентирам. Продвигаемый в последнее время тезис о беспрецедентной коррупции в странах ЦЕ, в одинаковой степени относится и к брюссельской бюрократии. Так в 2022 г. на крупной взятке попала вице-президент Европарламента Ева Кайли. Что касается обвинения в расходовании средств ЕС за 2022 г. и нарушениях рыночных правил, выдвинутом антикоррупционным управлением ЕС (*Office de Lutte Anti-Fraude, OLAF*), согласно которому Венгрия является главным нарушителем³, то по заявлению Департамента по связям с общественностью и печати Генеральной прокуратуры Венгрии, она, следуя рекомендациям *OLAF*, выдвигает обвинения со скоростью, превышающей средний показатель по ЕС, и за каждой судебной рекомендацией следует расследование. Например, за 2022 г. венгерская прокуратура предъявила обвинения по 75% дел *OLAF*. Этот ре-

¹ BQE. No. 12873. 21.01.2022.

² Polish president submits bill in move to end rule of law row with EU. Reuters. 03.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/polish-president-submits-bill-move-end-rule-law-row-with-eu-2022-02-03/> (дата обращения: 28.10.2022)

³ OLAF-jelentés: ismét Magyarországon indult a legtöbb vizsgálat uniós pénzzel összefüggő csalás miatt. Euronews. 06.06.2023. URL: <https://hu.euronews.com/my-europe/2023/06/06/olaf-jelentes-ismet-magyarorszagon-indult-a-legtobb-vizsgalat-unios-penzzel-osszefuggo-csala> (дата обращения: 11.08.2023).

зультат, более чем вдвое превышает средний показатель по ЕС. Эту проблему Брюсселю и странам-членам ЕС придется решать вместе.

Что касается средств массовой информации, необходимо изучить, как этот вопрос решается в других странах, где олигархи скупают СМИ и используют их в своих интересах. Тем не менее под нажимом ЕС Венгрия уже внесла поправки в закон о печати и в Конституцию. Касательно претензий к правовой системе, Евро-союз нацелен на создание общего правового пространства, поэтому всем странам-членам придется выполнять эти нормы, как и установки в области прав человека, к которым относятся право на аборт и права ЛГБТ-сообщества. На данном этапе Венгрия и Польша параллельно с адаптацией к ЕС находятся на стадии выстраивания своей идентичности, основой которой являются христианские ценности. Их современная общеевропейская интерпретация не всегда сочетается с традициями этих стран. Среди множества других вопросов важной остается проблема цыган.

В условиях этих вызовов с разной степенью интенсивности противостояние будет продолжаться. Страны ЦЕ будут объявлять приоритетом национальное законодательство, а не общеевропейское, как это пытались сделать Польша и Венгрия в 2021 и 2022 гг., а ЕС – наказывать финансовыми рычагами. Однако результат расхождений в отсутствие альтернативы предсказуем. Государства ЦЕ вынуждены идти на компромиссы, а Западная Европа не готова оттолкнуть Польшу и Венгрию, за которые так долго боролась в XX в. Действия стран могут стать более решительными. Как сказал в одном из своих выступлений в Тушнадфюреде В. Орбан, «Тридцать лет мы думали, что Европа – наше будущее, теперь мы знаем, что мы – будущее Европы»¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глинкина С.П., Куликова Н.В. (2013) Трансформация в Центральной и Восточной Европе: условия и результаты реализации. *Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы: общественно-политический и экономический аспекты*. Под ред. Н.В. Куликовой. Институт экономики РАН, Москва. С. 17–44.

Русакова М.Ю. (2022) Венгрия и Польша: новый этап противостояния с Брюсселем. *Современная Европа*. № 7. С. 82–91. DOI: 10.31857/S0201708322070075

Четверикова А.С. (ред.) (2022) *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. ИМЭМО РАН, Москва. 153 с. DOI 10.20542/978-5-9535-0606-9

Шишелина Л.Н. (2006) *Расширение Европейского союза на восток и интересы России*. Наука, Москва. 300 с.

Шишелина Л.Н. (2018) Виктор Орбан и общеевропейский спор о ценностях. РСМД. 17.09.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/viktor-orban-i-obshcheevropeyskiy-spor-o-tsennostyakh-/#2> (дата обращения: 30.11.2022).

Шишелина Л.Н. (2020) Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем. *Современная Европа*. № 7. С. 5–15. DOI: 10.15211/soveurope720200515

¹ Orbán Viktor beszéde a XXIX. Bálványosi Nyári Szabadegyetem és Diáktáborban. 28.07.2018. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-xxix-balvanyosi-nyari-szabadegyetem-es-diaktaborban/>

Шишелина Л.Н. (ред.) (2017) *Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. ИЕ РАН, Москва. 138 с.

Шишелина Л.Н. (ред.) (2018) *Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия*. ИЕ РАН, Москва. 240 с.

Sargentini J. (2018) Report on a proposal calling on the Council to determine, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values on which the Union is founded 4.7.2018 - (2017/2131(INL)). *Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs*. 04.07.2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0250_EN.html (дата обращения: 11.08.2023).

Tavares R. (2012) Report on the situation of fundamental rights: standards and practices in Hungary (pursuant to the European Parliament resolution of 16 February 2012) (2012/2130(INI)). *Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs*. 16.02.2012. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-7-2013-0229_EN.pdf (дата обращения: 11.08.2023).

Crisis of Values' Convergence in Relations between Central Europe and Brussels¹

L.N. Shishelina*

Doctor of Sciences (History)

Professor at Department for European and American Studies, MGIMO-University;

Head of Department of Central and Eastern European studies and

Center for Visegrad Studies at Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

11-3, Mohovaja Str., Russia, Moscow, 125009.

**E-mail: l.shishelina@gmail.com*

Abstract. The article analyses the origins of the current differences between Brussels and the countries of Central Europe, which tend to deepen and require much effort in order to preserve the unity of the European Union. The contradictions were already evident at the time of the admission of the countries to the EU, that took place according to an accelerated scenario in conditional compliance of these countries with the Maastricht and Copenhagen criteria. The condition, which dealt directly with the issues of market expansion and adaptation of new countries to it, initially received more attention than the condition, which involved political and legal issues. The deepening of the political union of the EU took place already after the admission of new countries, for many of which the new depths of convergence turned out to be unacceptable. However, that meant provoking confrontation with Brussels. Over 20 years of coexistence, the EU members made necessary compromises, however, from the middle of the second decade of the 21st century, disagreements became substantial and Brussels, using the financial leverage of the EU, began to pressure defiant countries, primarily Hungary and Poland. The author comes to the conclusion that in the current difficult international situation, the sides will have to reach a certain compromise.

¹ The reported study was funded by MGIMO-University, project "Trends of Destabilization in Europe: Socio-Economic, Political and Normative Aspects" № 2025-04-07.

Key words: European Union, Central Europe, convergence, adaptation, value orientations, crisis.

DOI: 10.31857/S0201708323050029

EDN: xzmpvi

REFERENCES

Chetverikova A.S. (ed.) (2022) *Predely samostojatel'nosti Vishegradskoj grupy v ES* [Limits of autonomy of the Visegrad Group in the EU], IMEMO RAS, Moscow, Russia. DOI 10.20542/978-5-9535-0606-9 (In Russian).

Glinkina S.P., Kulikova N.V. (2013) Transformacija v Central'noj i Vostochnoj Evrope: uslovija i rezul'taty realizacii [Transformation in Central and Eastern Europe: conditions and results of implementation], in Kulikova N.V. (ed.) *Rezul'taty transformacii v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy: obshhestvenno-politicheskij i jekonomicheskij aspekty* [Results of transformation in the countries of Central and Eastern Europe: socio-political and economic aspects], Institut of economics RAS, Moscow, pp. 17–44. (In Russian).

Rusakova M.Ju. (2022) Vengrija i Pol'sha: novyj jetap protivostojanija s Brjusselem [Hungary and Poland: a new stage of confrontation with Brussels], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 82–91. DOI: 10.31857/S0201708322070075 (In Russian).

Sargentini J. (2018) Report on a proposal calling on the Council to determine, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values on which the Union is founded 4.7.2018 - (2017/2131(INL)), *Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs*, 04.07.2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0250_EN.html (accessed: 11.08.2023).

Shishelina L.N. (2006). *Rasshirenie Evropejskogo sojuza na vostok i interesy Rossii* [Eastward expansion of the European Union and Russia's interests], Nauka. Moscow, Russia. (In Russian).

Shishelina L.N. (2018) *Viktor Orban i obshcheevropejskij spor o cennostjakh* [Viktor Orban and the pan-European dispute about values], *RIAC*, 17.09.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/viktor-orban-i-obshcheevropejskij-spor-o-tsennostryakh-/#2> (accessed: 30.11.2022). (In Russian).

Shishelina L.N. (2020) Budapesht i Varshava: protivostojanie s Brjusselem [Budapest and Warsaw: confrontation with Brussels], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp 5–15. DOI: 10.15211/soveurope720200515 (In Russian).

Shishelina L.N. (ed.) (2017) *Vishegradskaja chetvjorka v Evropejskom sojuze: dilemmy konvergencii* [The Visegrad Four in the European Union: Dilemmas of Convergence], IE RAS, Moscow, Russia (In Russian).

Shishelina L.N. (ed.) (2018) *Central'naja Evropa: politicheskij portret na fone 100-letija* [Central Europe: a political portrait against the background of the 100th anniversary], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Tavares R. (2012) Report on the situation of fundamental rights: standards and practices in Hungary (pursuant to the European Parliament resolution of 16 February 2012) (2012/2130(INI)), *Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs*, 16.02.2012. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-7-2013-0229_EN.pdf (accessed: 11.08.2023).

УДК 327

ТУРЦИЯ – ЗАПАД: ОБРАЗЦОВЫЙ АНТАГОНИЗМ?

© 2023 г. **АВАТКОВ Владимир Алексеевич***

Доктор политических наук

*Заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21*

***E-mail:** v.avatkov@gmail.com

© 2023 г. **СБИТНЕВА Алина Игоревна****

*Научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21*

****E-mail:** a_sbitneva@mail.ru

Поступила в редакцию 11.04.2023

После доработки 26.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В статье рассмотрены западное направление внешней политики Турции и ее отношения с США, НАТО и ЕС. К столетию образования Турецкой Республики 29 октября 2023 г. Анкара стремится подойти в статусе независимой надрегиональной державы. На протяжении долгого времени Турция выполняла функцию младшего союзника Вашингтона, однако в эпоху формирования полицентричности существенным образом изменила внешнеполитические приоритеты. Отношения с США из образцового партнерства перешли в ранг образцового антагонизма, а путь в объединенную Европу оказался проблематичным и невыгодным Анкаре с точки зрения ее национальных интересов. Блок НАТО утратил первостепенную значимость ввиду развития Турцией собственного оборонно-промышленного комплекса и растущих противоречий с действующими и потенциальными членами альянса. Тем не менее Запад по-прежнему оказывает большое влияние на экономические и другие процессы, затрагивающие благосостояние Анкары. В связи с этим выстраивание конструктивных отношений с Западом остается одной из задач внешней политики Турции. Сделан вывод, что в этих условиях полная политическая суверенизация может произойти только в рамках модели «независимость через зависимость», поскольку Турецкая Республика из-за нехватки ресурсов будет нуждаться в поддержке других более сильных мировых игроков, таких как Россия и Китай.

Ключевые слова: Турция, Запад, США, Евросоюз, НАТО, Незапад, евроскептицизм, образцовый антагонизм

DOI: 10.31857/S0201708323050030

EDN: xzngvy

Турция, которую нередко называют бастионом НАТО на Ближнем Востоке и главным восточным союзником США, переживает этап переосмысления западного вектора внешней политики. Приближаясь к столетию образования современного государства, Анкара все больше осознает свою самость, порожденную Востоком, подводит итоги многолетнего сотрудничества с коллективным Западом и увереннее делает ставку на независимость во внешнеполитических вопросах.

В формируемой полицентричной картине мира центр притяжения смещается в сторону сильных стран Незапада, имеющих собственный взгляд на актуальные международные проблемы и реализующих политический курс без подчинения старшим партнерам. В этих условиях Турецкая Республика становится региональным центром силы и имеет серьезный потенциал для выхода на надрегиональный уровень развития. Однако достижение статуса кроссрегиональной державы невозможно без устойчивого взаимодействия с мировыми акторами.

Долгое время проводниками Анкары в мир большой политики выступали США и их партнеры. Однако характер турецко-американских отношений претерпевает изменения, и «образцовое партнерство» [Туран, 2011] превращается в образцовый антагонизм, основанный, с одной стороны, на стремлении Запада указать Турции ее место, с другой – на нежелании последней подчиниться. При этом Анкара пытается использовать партнерство с западным миром в собственных интересах. Ключевые направления западной внешней политики Турции остались практически неизменными с 2000-х гг. Это прежде всего сотрудничество с США, НАТО и Евросоюзом, но характер взаимодействия с союзниками существенно меняется.

США и неравное партнерство

Столетие Турецкой Республики приходится на период умеренно-конфликтного взаимодействия с Вашингтоном. Анкара после прихода на пост президента Р.Т. Эрдогана идет в русле идеологии неоосманизма, которая не предполагает наличия глобального управления и навязанных правил поведения. Президент Турецкой Республики продвигает концепт «мир больше пяти» [Erdoğan, 2021], имея в виду пять постоянных членов Совета Безопасности ООН. Таким образом Р.Т. Эрдоган демонстрирует намерение Анкары принимать прямое участие в строительстве нового незападного миропорядка, что противоречит планам США.

Антагонизм в подходах к двусторонним и многосторонним взаимодействиям отчетливо проявился после прихода на пост президента Р.Т. Эрдогана в 2014 г. и стал катализатором последующего кризиса. Турецко-американские отношения качественно изменились позднее. Поводом послужил ряд событий, из которых Тур-

ция сделала вывод, что является для США не более чем частью механизма принуждения и реализации западных интересов.

Отношения Вашингтона и Анкары заметно ухудшились в 2016 г., когда в Турции произошла попытка государственного переворота. В его подготовке турецкие власти обвинили «Террористическую организацию фетхуллахистов» (*Fethullahçı Terör Örgütü, FETÖ*) и аффилированного с ней общественного деятеля и проповедника Ф. Гюлена, проживающего в Пенсильвании. США отказали в экстрадиции последнего и вели себя отстраненно в период путча и первое время после него, что подтолкнуло Турцию к поиску новых союзников.

США выстраивают отношения с Турцией по устаревшей модели «лидер-подчиненный» и в случае возникновения проблем прибегают к тактике устрашения и шантажа. Современные турецко-американские отношения – беспрецедентный пример взаимодействия, при котором против союзника вводятся незаконные санкции. Экономический кризис в Турции во многом является следствием введенных США в 2018 г. удвоенных пошлин на сталь и алюминий в ответ на арест американского пастора Э. Брансона. Они вместе с другими причинами спровоцировали падение турецкой лиры до исторического минимума.

Ранее за начатое военно-техническое сотрудничество с Россией США ввели против Турции пакет ограничений, затронувший как представителей власти, так и бизнеса. Анкара исключена из программы поставок истребителей пятого поколения *F-35*. Уже несколько лет стороны пытаются согласовать вопрос продажи альтернативных боевых самолетов *F-16*. В марте 2023 г. официальный представитель президента Турции И. Калын указал, что срыв сделки не станет проблемой, поскольку у Анкары есть альтернативы, в т. ч. турецкого производства¹.

Вопрос безопасности остро стоит в контексте сирийской повестки турецко-американских отношений. Основные противоречия строятся вокруг относительного нового направления внешней политики Турции – борьбы с международной террористической угрозой. Вашингтон болезненно воспринимает появление на мировой арене новых миротворцев и препятствует их деятельности.

Противоречия неоднократно возникали из-за проведения Турцией трансграничных операций в Сирии, где дислоцированы американские военные. Например, в декабре 2022 г. координатор по стратегическим коммуникациям в Совете национальной безопасности Белого дома Д. Кирби заявил, что США выступают против турецких военных кампаний на северо-западе Сирии, поскольку они подвергают опасности американских военнослужащих, ведущих борьбу с боевиками ИГИЛ². Анкара выдвигает в адрес Вашингтона встречные претензии, обвиняя коллег в не-

¹ Турция не паникует из-за возможности срыва сделки по F-16 с США. РИА Новости. 25.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230325/turtsiya-1860665305.html> (дата обращения: 30.05.2023).

² В США выступают против проведения Турцией операций на северо-западе Сирии. ТАСС. 07.12.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16529171> (дата обращения: 30.05.2023). ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная на территории России.

последовательном союзничестве [Davutoğlu, 2020: 156] и снабжении оружием курдских формирований.

События на Украине 2022 г. придали импульс ухудшению отношений США и Турции ввиду активности последней в роли дипломатического хаба и попыток балансирования между прямыми и непрямими сторонами российско-украинского конфликта. Посредничество Анкары, в частности организация переговорного процесса в Стамбуле, а также принципиальное неприсоединение к антироссийским санкциям заставили усомниться в приверженности Турции партнерству со странами западного мира.

На этом фоне в стране сформировалась когорта политиков, популяризирующих антизападный дискурс. Так, в апреле 2023 г. в ходе встречи с молодежью в Стамбуле С. Сойлу – на тот момент глава МВД Турции – заявил, что «Америку ненавидит весь мир», а Европу назвал «пешкой США в Африке¹». Бывший представитель Р.Т. Эрдогана И. Калын, который после всеобщих выборов 2023 г. занял пост главы Национальной разведывательной организации, обвинял страны Запада в затягивании украинского кризиса² и позволял себе другие резкие высказывания в адрес партнеров.

Прозападный пул политиков представлен в Турции в большей степени оппозицией. Его представляет прежде всего лидер Народно-республиканской партии (НРП) К. Кылычдароглу. Он выступает за развитие отношений с США, ЕС и НАТО. В 2023 г. К. Кылычдароглу, будучи кандидатом на пост президента, заявлял, что в случае его победы Турция коренным образом изменится и развернется «в сторону западной цивилизации»³. В период выборов крупные западные СМИ открыто поддерживали оппозицию и распространяли мысль, что в случае победы «авторитарного» Р.Т. Эрдогана эти выборы станут для Турции последними [Duran, 2023].

Несмотря на то что кандидат от НРП уступил победу, поддержка партии в Турции высока, особенно среди молодежи, что свидетельствует о расколе на светскую (ориентированную на западные ценности) и консервативную (как правило, глубоко религиозную и националистически настроенную) части.

В последнее время прозападность Турции, прежде почти повсеместная, во многом смещается в сферу безопасности, что обусловлено не только сотрудничеством страны в рамках НАТО, но и увеличением числа военных, активно взаимодействующих с американскими и другими западными спецслужбами, в частности с британской МИ-6.

¹ Глава МВД Турции заявил, что весь мир ненавидит США. РИА Новости. 19.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230419/turtsiya-1866248559.html> (дата обращения: 30.05.2023).

² Представитель Эрдогана обвинил страны Запада в поддержке продолжения конфликта на Украине. ТАСС. 08.05.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17698675> (дата обращения: 31.05.2023).

³ Kılıçdaroğlu'ndan dış politikada değişiklik vaadi: 180 derece değiştireceğiz. CNN Türk. 11.05.2023. URL: <https://www.cnnturk.com/video/turkiye/kilicdaroglundan-dis-politikada-degisiklik-vaadi-180-derece-degistirecegiz> (дата обращения: 01.06.2023).

Тем не менее за 100 лет существования Турецкая Республика не смогла стать в полной мере союзником США [Cook, 2018: 16]. Ее курс на независимость вместе с неготовностью западных коллег воспринимать Анкару в качестве равного партнера привели к ослаблению наработанных связей и развороту на Восток. Проблемы в отношениях с НАТО, ЕС и другими прозападными структурами во многом обусловлены нерешенными вопросами в турецко-американских отношениях.

«Троянский конь» НАТО

В 2022 г. Турецкая Республика отметила 70-летний юбилей вступления в Североатлантический альянс. Занявшая во Вторую мировую войну недружественный по отношению к СССР нейтралитет Турция в 1952 г. без колебаний присоединилась к антисоветскому военно-политическому блоку и стала выполнять роль стратегического плацдарма в период холодной войны. В 1962 г. на территории страны были размещены американские ракеты средней дальности. Вскоре в Турции появились военные базы НАТО и США совместного пользования, из которых по состоянию на 2023 г. наиболее важными остаются авиационная база Инджирлик и радиолокационная Кюреджик.

Статус второй по численности армии НАТО – одно из главных достижений Анкары за 70 лет сотрудничества – не является в полной мере заслугой альянса или его партнеров. Современная Турецкая Республика принимает участие в учениях Альянса и проводит их на своей территории, но остается одной из наиболее дезинтегрированных его участниц.

Трансформация отношений Турции с США закономерно повлияли на ее взаимодействие с другими проамериканскими структурами, что обусловило изменения в политике безопасности. После введения западных санкций и исключения страны из программ совместного производства вооружений Анкара начала развитие собственного военно-промышленного комплекса, а также активизировала сотрудничество с государствами, не являющимися членами альянса, что привело к нарастанию противоречий между сторонами. Например, приобретение у России и ввод в эксплуатацию зенитных ракетных комплексов С-400, не совместимых с аналогичными системами НАТО, восприняты в качестве угрозы всему блоку. Несмотря на требования западных коллег приостановить подобное военно-техническое сотрудничество, Анкара дала понять, что делать это не намерена.

Однако апогеем эскалации по линии Турция – НАТО стал другой кейс. После начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. Североатлантический альянс принял решение о расширении посредством принятия в блок Швеции и Финляндии. Анкара отказалась ратифицировать заявки на вступление указанных государств.

Камнем преткновения на пути Стокгольма и Хельсинки стали особенности их антитеррористической политики. По мнению Анкары, она недостаточно эффективна в области нейтрализации угроз со стороны Рабочей партии Курдистана (РПК), деятельность которой в Турции признана террористической. В июне 2022 г. на полях саммита НАТО в Мадриде стороны подписали трехсторонний меморандум,

согласно которому Швеция и Финляндия обязались предпринять меры по решению тревожащих Турцию вопросов. В частности, стороны условились расследовать и пресекать финансирование РПК, а Швеция согласилась серьезным образом ужесточить антитеррористическое законодательство.

К концу марта 2023 г. Финляндия стала членом альянса, удовлетворив основные требования Турции, однако усилия Стокгольма Анкара по-прежнему не воспринимает всерьез. Положение дел усугубили акция шведского праворадикального активиста Р. Палудана, который в январе 2023 г. публично сжег Коран в знак протеста против действий Турции, и сдержанная реакция на инцидент шведского внешнеполитического ведомства.

В ходе многократных переговоров Р.Т. Эрдогана с генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом последний говорил о выполнении Стокгольмом оговоренных требований и готовности страны к вступлению в альянс, однако турецкая сторона подобные заявления ни разу не подтвердила. Претензии Анкары отражены в книге «Турция – стабилизирующая сила в эпоху глобальной неопределенности» главы Управления по коммуникациям администрации президента Турции Ф. Алтуна. Он пишет, что альянс ведет политику двойных стандартов и Анкара не получает искренней поддержки или сочувствия от своих ближайших союзников [Altun, 2022: 126].

В западных СМИ на фоне сближения Анкары с Москвой и отдаления от западных структур Турцию окрестили «троянским конем В.В. Путина в НАТО»¹. В стране в свою очередь появилось анти-Североатлантическое движение. Покинуть ряды альянса неоднократно призывали представители партии «Родина», начавшей общенациональную кампанию под названием «Выйдем из НАТО»². Ранее о возможности такого сценария в случае сохранения статуса-кво говорил ближайший соратник Р.Т. Эрдогана, лидер Партии националистического движения Д. Бахчели.

Турция также имеет серьезные противоречия с действующими участниками Альянса. Напряженными остаются исторически непростые отношения с Грецией. Например, в октябре 2022 г. стороны в очередной раз оказались на грани военного конфликта из-за спорных островов в Эгейском море и переброски на них греческих вооружений. Кроме того, в 2020 г. осложнились отношения с Францией, после того как в акватории Средиземного моря турецкий корабль ВМС, по утверждениям официального Парижа, несколько раз взял на прицел французский фрегат, предпринявший попытку досмотреть турецкое грузовое судно. Президент Франции Э. Макрон назвал произошедшее «доказательством “смерти мозга” НАТО»³, а Турецкая Республика не признала выдвинутых обвинений.

¹ L. Kenez. Erdoğan continues to play Putin's Trojan horse in Europe. Nordic Monitor. 09.09.2022. URL: <https://nordicmonitor.com/2022/09/erdogan-continues-to-play-putins-trojan-horse-in-europe/> (дата обращения: 05.06.2023).

² Турецкий политик допустил выход страны из НАТО через полгода. ТАСС. 25.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16877677> (дата обращения: 09.06.2023).

³ Макрон назвал инцидент с кораблями Турции и Франции доказательством «смерти мозга» НАТО. ТАСС. 22.06.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8791831> (дата обращения: 09.06.2023).

Однако, несмотря на имеющиеся противоречия, нельзя считать НАТО рудиментом прозападной политики Анкары. Турецкая Республика остается стратегическим членом Альянса, и прогнозы относительно ее выхода имеют минимальную вероятность, т. к. этот сценарий не выгоден обеим сторонам. Анкара стремится управлять, а не быть управляемой [Дружиловский, 2005: 51], и Североатлантический альянс воспринимается как одно из средств достижения целей. Коллективный Запад вынужден идти на уступки, поскольку выход Турции из НАТО будет означать потерю южных позиций. В свою очередь Анкара продолжает базовые контакты с представителями Альянса и поддерживает некоторые его инициативы. Например, в июне 2023 г. Турция по просьбе НАТО перебросила батальон специального назначения в Косово в рамках миссии «Силы для Косово» (*Kosovo Force, KFOR*), назвав роль Альянса конструктивной¹ и укрепив влияние в важном для нее мусульманском регионе.

Длинная дорога в Европу

Европейское направление внешней политики Турции – одно из наиболее проблематичных. Помимо противоречий с отдельными государствами Европы, ключевым нерешенным вопросом остается вступление страны в ЕС. Анкара подала заявку в Европейское экономическое сообщество в 1987 г., а в 1999 г. получила статус кандидата на вступление в реорганизованный в 1993 г. Евросоюз. С тех пор переговорный процесс не достиг существенного прогресса. Турецкая Республика, по мнению европейских политиков, по-прежнему относится к числу стран, не выполнивших необходимые для членства копенгагенские критерии.

В 2015 г. после пяти лет безрезультатных переговоров Анкары и Брюсселя появилась надежда на активизацию процесса евроинтеграции. На фоне череды кризисов на Ближнем Востоке и хлынувших в сторону европейского континента беженцев стороны условились произвести обмен беженцами. 18 марта 2016 г. было заключено соглашение, призванное сократить приток арабских мигрантов в европейские страны.

Согласно документу, нелегальные мигранты-сирийцы, попавшие в Грецию через Турцию, возвращались обратно по принципу «один за одного»: за одного нелегального мигранта из Греции Евросоюз обязался принять одного легального беженца с территории Турции. Брюссель обещал выделить Анкаре 6 млрд евро на содержание беженцев, провести либерализацию визового режима, а также ускорить процесс вступления страны в ЕС. Тем не менее представители Турецкой Республики заявляли о весьма низком уровне содействия со стороны европейцев и о выделении только части обещанной суммы в размере менее 2 млрд евро.

В 2017 г. обострились отношения Турецкой Республики сразу с несколькими государствами-членами ЕС – Германией и Нидерландами. На фоне проведения в Турции референдума о поправках в конституцию, усиливающих полноту власти

¹ Турция призвала не допустить эскалации в Косове. ТАСС. 29.05.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17873793> (дата обращения: 09.06.2023).

президента, Берлин запретил представителям Анкары проводить среди турецких диаспор акции в поддержку конституционных изменений. Роттердам из соображений безопасности не разрешил посадку самолета с министром иностранных дел Турции на борту, летевшим принять участие в проправительственном митинге по случаю проведения плебисцита. Р.Т. Эрдоган в ответ призвал соотечественников голосовать против «врагов Турции» [Аватков, Якимова, 2020: 56] в лице ХДС, СДПГ и Зеленых на парламентских выборах в Германии осенью 2017 г., а в турецком общественно-политическом дискурсе прочно закрепилась риторика о западной исламофобии и вмешательстве во внутренние дела страны.

В 2019 г. Турецкая Республика подверглась обширным незаконным санкциям ЕС за геологоразведочную деятельность вблизи берегов Кипра, что привело к углублению противоречий. В условиях происходящего в Турции получил развитие феномен евроскептицизма. Согласно опросу исследовательского центра «Ареда Сюрвей» (*Areda Survey*) от 2022 г., в котором приняли участие 2 тыс. турок, 51,4% респондентов отрицательно ответили на вопрос «Должна ли Турция вступить в Евросоюз?», а 90,2% указали на несправедливый подход европейцев к Анкаре. При этом 65,8% опрошенных полагают, что Турецкая Республика никогда не станет членом ЕС, но, несмотря на это, 50,7% считают ее европейской страной¹.

В Европе, по информации другого исследования, проведенного по заказу Европарламента в 2022 г., 60% стран-членов ЕС отрицательно относятся к Турции. Наиболее негативно настроены Греция, Кипр, Швеция и Германия².

Главные претензии ЕС к Турции касательно ее евроинтеграции – систематическое нарушение прав человека, недостаточная демократизация страны и ряд других несоответствий. На протяжении долгих лет Брюссель обвиняет Анкару в притеснениях курдского меньшинства, однако даже демократические реформы 2000-х гг. не приблизили страну к вступлению в Евросоюз.

В настоящее время курдский вопрос вновь возник на повестке дня европейско-турецких отношений, однако теперь не ЕС принуждает Турцию к либерализации антитеррористического законодательства, а Анкара добивается от европейских стран ужесточения мер в отношении курдских организаций в целом и РПК в частности.

Турция фигурирует почти во всех докладах Европарламента. Самый жесткий из них принят в мае 2021 г. В докладе Анкару призвали признать геноцид армян, охарактеризовали внешнюю политику страны как враждебную и назвали неприемле-

¹ Areda Survey araştırdı: AB'ye üyelikte toplumsal destek yok. Yeni Şafak. 12.04.2022. URL: <https://www.yenisafak.com/foto-galeri/gundem/areda-survey-arastirdi-abye-uyelikte-toplumsal-destek-yok-2063199/2> (дата обращения: 10.06.2023).

² AB anketi: Türkiye hakkında olumlu düşünenlerin oranı yüzde 28. Gazete Duvar. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/ab-anketi-turkiye-hakkinda-olumlu-dusunenlerin-orani-yuzde-28-galeri-1570485?p=5> (дата обращения: 10.06.2023).

мым использование беженцев в качестве политического шантажа¹. МИД Турции не признало содержимое доклада, назвав его предвзятым и нереалистичным².

В июне 2021 г. глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила, что Турция находится от Евросоюза еще дальше, чем в 1999 г.³ Почти четверть века переговоров о вступлении в ЕС заставили Анкару переосмыслить ситуацию: она начала осознавать, что усилия, затрачиваемые на выполнение не всегда справедливых требований Запада, можно использовать для реализации собственных интересов. Турция больше не стремится подстраиваться под западные нормы, что демонстрирует ее природную восточность и контрастирующую разницу менталитетов [Кудряшова, 2010: 218–219]. В условиях роста турецких амбиций вопрос, насколько Турции будет комфортно в составе Евросоюза, приобретает все большую значимость.

Евросоюз, со своей стороны, вполне трезво оценивает возможные риски вступления в объединение такого неоднозначного игрока, как Турция. Проблема заключается не только в недемократичности страны и несоответствии ценностной политике ЕС. У Брюсселя есть иные прагматичные причины. Расположение Турции по соседству с ближневосточными горячими точками, ряд нерешенных территориальных проблем, в т. ч. с Грецией и Республикой Кипр (проблематика Северного Кипра), отношения со Швецией, курдский вопрос, проблема беженцев, культурно-цивилизационные особенности [Oran, 2013: 386] и сложная экономическая ситуация делают Турцию нежелательным кандидатом.

Турецкая Республика не отказывается от курса на вступление в ЕС, но это не первостепенная задача. С некоторых пор Анкара рассматривает Евросоюз как часть турецкой политики, а не Турцию – как часть большого европейского проекта. Например, в ходе телефонных переговоров с председателем Европейского совета Ш. Мишелем в июне 2023 г. Р.Т. Эрдоган заявил, что членство страны в ЕС будет иметь большое стратегическое значение для Европы (а не наоборот). Подход, при котором Турция является «большим человеком Европы» [Baran, 2010: 115], остался в прошлом, несмотря на то что европейцы еще находятся на стадии принятия этого факта.

В настоящее время из стран Евросоюза наиболее теплые отношения Турция сохраняет с Венгрией, которая активно вовлекается в различные туркоцентричные организации. Например, Будапешт стал наблюдателем в Организации тюркских государств. Кроме того, стороны имеют схожие позиции по ряду политических вопросов. По состоянию на 2023 г. Турция и Венгрия – единственные страны-члены НАТО, не ратифицировавшие заявку Швеции. В ходе всеобщих выборов в 2023 г.

¹ Европарламент призвал Турцию признать геноцид армян ради примирения народов. ТАСС. 19.05.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11417751> (дата обращения: 10.06.2023).

² В Анкаре оценили доклад ЕП по Турции. РИА Новости 08.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220608/evroparlament-1793880622.html> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Ursula von der Leyen: Türkiye, AB'den daha uzakta. Ensonhaber. 22.06.2022. <https://www.ensonhaber.com/dunya/ursula-von-der-leyen-turkiye-abden-daha-uzakta> (дата обращения: 10.06.2023).

Венгрия стала единственной западной страной, предупредившей Анкару о возможном вмешательстве США в избирательный процесс¹.

* * *

Современные отношения Турции с западным миром представляют трехступенчатую иерархию США – НАТО – ЕС, в которой последние два элемента могут меняться местами. От характера взаимодействий с Вашингтоном напрямую зависят отношения с НАТО или Евросоюзом, что во многом обусловлено влиянием США на эти структуры. Например, решения США о введении санкций, как правило, сопровождаются планомерным охлаждением отношений Турции с европейскими государствами, а трения в рамках Североатлантического альянса становятся предметом обсуждений по линии Анкара – Брюссель.

Несмотря на то что во внешнеполитической деятельности Турецкая Республика старается придерживаться политики балансирования, в отношении Запада подобная модель осложняется нежеланием коллег Турции воспринимать ее в качестве полноправного партнера. По этой причине вместо встраивания в западные стандарты в ущерб собственным интересам Анкара перешла к тактике зеркальных ответов. Подобно тому, как Турцию держат у дверей Европейского союза, она не стремится принимать в НАТО Швецию, вынуждая западный мир считаться с мнением Анкары. При этом диверсификация внешних связей – развитие отношений с Россией и странами Южного Кавказа – и появление таких инициатив, как газовый хаб, привели Европу к укреплению зависимости от Турции в области энергетики.

Сегодня в турецком обществе четко прослеживаются антиамериканские настроения, на смену евроинтеграции приходит евроскептицизм, а НАТО постепенно теряет свою главную функцию ввиду активного развития Турцией собственных вооружений и формирования по периметру границ новой архитектуры безопасности. В этих условиях Анкара обратила внимание на Шанхайскую организацию сотрудничества, Евразийский экономический союз и другие незападные организации. Однако они не являются в полной мере альтернативами НАТО и ЕС.

Вместе с тем западное направление внешней политики Турции остается одним из ключевых, и говорить о полной независимости Анкары от Запада преждевременно. В Европе проживает одна из крупнейших турецких диаспор, а США продолжают активно влиять на макроэкономическую систему мира. По этим причинам выстраивание конструктивных отношений с Западом остается одной из задач турецкой внешней политики.

Кроме того, выборы 2023 г. отчетливо показали наличие в стране сторонников евроинтеграции и западоцентризма, которые будут стремиться укрепить позиции. Приоритетом Турции на западном направлении в среднесрочной перспективе ста-

¹ Венгрия предупреждала Турцию об угрозе вмешательства США в выборы. РИА Новости. 24.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230524/vybory-1873816320.html> (дата обращения: 11.06.2023).

нет выстраивание равноправных отношений с представителями западного мира. Отдельного внимания в этом контексте заслуживает обновленный после переизбрания Р.Т. Эрдогана состав правительства Турции, в котором большая часть министров и официальных лиц имеет дипломы западного образца и опыт взаимодействия с англо-саксонскими государственными и негосударственными структурами.

Таким образом, современная Турция находится в диапазоне полунезависимых от Запада государств: Анкара освободилась от навязываемой извне логики и стала суверенной в идейно-ценностном плане, однако остается зависимой от ресурсов. Абсолютная независимость возможна только в долгосрочной перспективе, когда в стране возникнут собственные механизмы по поддержанию разноплановой стабильности. Сегодня для Турции характерна «независимость через зависимость»: освобождение от западного влияния недостижимо без обретения частичной зависимости, в первую очередь экономической, от других мировых держав, наибольший потенциал среди которых имеют Россия и Китай.

Образцовый антагонизм лучше всего характеризует уровень взаимодействия Турции с западным миром. Анкара стремится использовать ключевые механизмы коллективного Запада в своих интересах. Взаимодействие с НАТО необходимо для продвижения собственной повестки и создания в Европе системы безопасности, направленной против угроз со стороны РПК, а с ЕС – для оказания влияния на наиболее проблемных игроков и беспрепятственного доступа к человеческим ресурсам – многочисленной диаспоре. При этом США воспринимаются Анкарой в качестве глобального аппарата управления, а не отдельного государства-партнера по диалогу.

Запад не готов к возникновению на мировой арене новых лидеров из числа не-западных игроков, однако попытки решить проблему по формуле «ослабить и нейтрализовать» в случае с Турцией эффективны только в экономическом плане и превращаются в формулу «ожесточить и укрепить» соперника в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аватков В.А., Якимова Д.А. (2020) Отношения Германии и Турции на фоне миграционного кризиса. *Современная Европа*. № 3 (96). С. 51–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320205160>.

Дружиловский С.Б. (2005) Турция: привычка управлять. *Россия в глобальной политике*. № 6 (3). С. 48–61.

Кудряшова Ю.С. (2010) *Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия*. Институт Ближнего Востока, Москва. 364 с.

Туран И. (2011) Турция на подъеме. От неразвитой страны к региональной державе. *Россия в глобальной политике*. № 5 (9). С. 124–138.

Altun F. (2022) *Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırıcı Güç Türkiye*. Paradigma Yayınları, Istanbul, Turkey. 244 p.

Baran Z. (2010) *Torn Country: Turkey between Secularism and Islamism*. Hoover Institution Press, Stanford, USA. 174 p.

Cook S.A. (2018) *Neither Friend nor Foe. The Future of U.S.-Turkey Relations*. Council on Foreign Relations Special Report № 82. 28 p. URL:

https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR82_Cook_Turkey_0.pdf (accessed: 31.05.2023).

Davutoğlu A. (2020) *Sistemik Deprem ve Dünya Düzeni*. Küre Yayınları, İstanbul, Turkey. 391 p.

Duran B. (2023) Seçim Dönemi Türkiye-Batı İlişkileri. *SETA*. 21.01. URL: <https://www.setav.org/secim-donemi-turkiye-bati-iliskileri/> (accessed: 03.06.2023).

Erdoğan R.T. (2021) *Daha Adil Bir Dünya Mümkün*. Turkuvaz Kitap, İstanbul, Turkey. 211 p.

Oran B. (ed.) (2013) *Türk Dış Politikası. Cilt 3 (2001–2012)*. İletişim Yayınları, İstanbul, Turkey. 885 p.

Turkey – The West: Exemplary Antagonism?

V.A. Avatkov*

Doctor of Sciences (Politics), Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences 117418, Russia, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21

***E-mail:** v.avatkov@gmail.com

A.I. Sbitneva**

Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences 117418, Russia, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21

****E-mail:** a_sbitneva@mail.ru

Abstract. The article examines the Western direction of Turkey's foreign policy and its relations with its three key actors: the United States, NATO and the EU. By its centenary, which Turkey is celebrating on 29th of October, 2023, Ankara seeks to approach the status of an independent supra-regional power. For a long time, Turkey has served as a "junior ally" of Washington, but in the era of the polycentricity's construction, it has significantly changed its foreign policy priorities. Relations with the United States have moved from an "exemplary partnership" to the rank of an exemplary antagonism and the path to "united Europe" has turned out to be more problematic and not profitable for Ankara from the point of view of its national interests. The NATO bloc has lost its primary importance due to Turkey's development of its own military-industrial complex and growing contradictions with existing and potential members of the alliance. Nevertheless, the West still has a great influence on economic and other related fields affecting the well-being of Ankara. In this regard, building constructive relations with the West remains one of the tasks of Turkey's foreign policy. The authors conclude that under current circumstances the complete political sovereignty of Ankara and its separation from the West can only occur within the framework of the "independence through dependence" model since Turkey due to the lack of its own resources for crisis-free existence will need the support of other stronger world players, such as Russia and, for example, China.

Keywords: Turkey, West, USA, EU, NATO, Non-West, Euroscepticism, exemplary antagonism

DOI: 10.31857/S0201708323050030

EDN: xzngvy

REFERENCES

- Altun F. (2022) *Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırıcı Güç Türkiye*. Paradigma Yayınları, İstanbul, Turkey. 244 p. (In Turkish).
- Avatkov V.A., Yakimova D.A. (2020) Otnosheniya Germanii i Turtsii na fone migratsionnogo krizisa [Relations between Germany and Turkey amid the migration crisis], *Contemporary Europe*, 3(96), pp. 51–60, DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320205160>. (In Russian).
- Baran Z. (2010) *Torn Country: Turkey between Secularism and Islamism*, Hoover Institution Press, Stanford, USA, 174 p.
- Cook S.A. (2018) *Neither Friend nor Foe. The Future of U.S.-Turkey Relations*. Council on Foreign Relations Special Report № 82, 28 p. URL: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR82_Cook_Turkey_0.pdf (accessed: 31.05.2023).
- Davutoğlu A. (2020) *Sistemik Deprem ve Dünya Düzeni*, Küre Yayınları, İstanbul, Turkey. 391 p. (In Turkish).
- Druzhilovskiy S.B. (2005) Turtsiya: privychka upravlyat' [Turkey: the habit of managing], *Russia in Global Affairs*, 6(3), pp. 48–61. (In Russian).
- Duran B. (2023) Seçim Dönemi Türkiye-Batı İlişkileri, *SETA*, 21.01. URL: <https://www.setav.org/secim-donemi-turkiye-bati-iliskileri/> (accessed: 03.06.2023) (In Turkish).
- Erdoğan R.T. (2021) *Daha Adil Bir Dünya Mümkün*, Turkuvaz Kitap, İstanbul, Turkey, 211 p. (In Turkish).
- Kudryashova Yu.S. (2010) *Turtsiya i Evropeiskii Soyuz: istoriya, problemy i perspektivy vzaimodeistviya* [Turkey and the European Union: history, problems and prospects of cooperation], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia, 364 p. (In Russian).
- Oran B. (ed.) (2013) *Türk Dış Politikası. Cilt 3 (2001–2012)*, İletişim Yayınları, İstanbul, Turkey, 885 p. (In Turkish).
- Turan I. (2011) Turtsiya na pod"eme. Ot nerazvitoi strany k regional'noi derzhave [Turkey is on the rise. From an undeveloped country to a regional power], *Russia in Global Affairs*, 5(9), pp. 124–138. (In Russian).

УДК 327

РОЛЬ БРИТАНИИ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА¹

© 2023 г. АЛЕШИН Александр Андреевич*

Кандидат политических наук

Научный сотрудник Отдела международно-политических проблем

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

**E-mail: aleshin.a@imemo.ru*

Поступила в редакцию 07.04.2023

После доработки 28.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В контексте украинского кризиса западные страны существенно активизировали антироссийскую политику. В статье изучена роль Соединенного Королевства в процессе ее формирования государствами Запада после начала специальной военной операции РФ на Украине. Теоретические основания исследования – пространственный подход и организационная теория. На основе анализа институционально-идентитарной динамики с помощью качественного и количественного контент-анализа изучены британская внешнеполитическая идентичность, транснациональная идентичность политического пространства Запада и их взаимовлияние. Выявлено, что антироссийские аспекты внешнеполитических нарративов Британии и коллективного Запада во многом совпадают. Однако особенности дискурса Соединенного Королевства сближают его с дискурсом стран англосферы. Рассмотрены международные институты, механизмы и практики с участием Британии, а также продвигаемые в них антироссийские нарративы. Выявлены направления британской внешней политики, оказывающие наибольшее влияние на коллективную политику Запада. Приведены кейсы, в которых Лондон первым в мире принимал антироссийские меры, побуждая другие страны следовать его примеру. Сделан вывод, что Британия обладает значительным влиянием

¹ *Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).*

на формирование коллективной антироссийской политики и является одним из лидеров Запада в данном контексте.

Ключевые слова: антироссийская политика, коллективный Запад, внешняя политика Британии, украинский кризис, внешнеполитическая идентичность

DOI: 10.31857/S0201708323050042

EDN: xzppri

Соединенное Королевство (СК) – один из активных проводников антироссийской политики в современных международных отношениях. В этом качестве оно стремится выступать лидером в организациях глобального регулирования, многосторонних политических структурах прежде всего коллективного Запада.

Задача статьи – выявить роль СК в выработке коллективной антироссийской политики Запада, в инициированных/развиваемых многосторонних механизмах и степени влияния на международно-политические процессы. Хронологические рамки: 2022 – май 2023 гг. Их выбор обусловлен задачей изучить динамику антироссийского дискурса после начала специальной военной операции РФ на Украине (СВО). С помощью качественного и количественного контент-анализа изучены антироссийские аспекты британской и транснациональной западной внешнеполитических идентичностей на основе стратегических документов, заявлений лидеров государств и министров иностранных дел. Развитие внешнеполитических механизмов и практик и их влияние на идентичности проанализированы на основе про странственного подхода.

В отечественной и зарубежной литературе широко исследованы антироссийская риторика во внешней политике Соединенного Королевства [Годованюк, 2022; Аналиева, Охощин, 2023], отношения Британии и стран Запада [Ewers-Peters, 2020; Годованюк, 2021], развитие антироссийской повестки в многосторонних структурах Запада [Cottee, 2021; Данилов, 2021; Громько, 2022].

Транснациональное политическое пространство Запада

Внешнеполитическая идентичность представляет идеи и воззрения о сложившемся и/или желаемом миропорядке, месте, роли и статусе государства в мире, реальных и потенциальных союзниках, соперниках, врагах и ресурсах внешней политики [Прохоренко, 2017]. Политическое пространство – это пространственная конфигурация политической жизни во взаимосвязи со временем, форма, выражающая устойчивые отношения между акторами в процессе организации и осуществления власти и управления [Прохоренко, 2015]. В рамках транснациональных политических пространств формируется собственная внешнеполитическая идентичность, трансформирующая идентичности отдельных государств.

Социологический подход к исследованию транснациональных сообществ развивали многие авторы [Deutsch, 1957; Wendt, 1994; Buzan, Wæver, 2003]. В последние годы существенный прирост научного знания в этой области дали теория орга-

низационных полей [Clegg et al., 2006; Greenwood et al., 2017] и российская школа пространственного подхода [Стрежнева, 2011; Прохоренко, 2015].

На их основе транснациональное политическое пространство можно определить как арену коллективного принуждения акторов, экспорта и разработки норм, межгосударственного противостояния, политических игр и перераспределения сил. Транснациональная идентичность в таком пространстве конструируется в результате мифотворчества, интенсивного межакторного взаимодействия и многоуровневых механизмов торга и согласования национальных интересов, поиска компромиссов в борьбе за власть и лидерство, за экономический, политический и идеологический капиталы¹. Обладание той или иной формой капитала позволяет акторам оказывать большее воздействие на нормотворчество и институциональную структуру пространства и подвергаться меньшему институциональному принуждению.

Динамично конструируемая транснациональная идентичность трансформирует национальные через институциональное принуждение, внедрение нормативных основ транснациональных институтов в национальную практику. Ни один актор не может обладать полной автономией от пространства или абсолютной властью в нем. Пространства иерархичны вследствие динамичного неравенства капиталов, которыми обладают акторы. Следовательно, в пространстве существует тенденция к гомогенности одновременно с тенденцией к гетерогенности, опосредованной борьбой за власть и влияние, перераспределение ресурсов, переменами в международной среде. Чем выше стоит государство в пространственной иерархии, тем большее влияние оно оказывает на выработку коллективной политики, конструирование транснациональной идентичности. Взаимодействие национальной и транснациональной идентичностей носит диалектический характер.

Коллективный Запад можно охарактеризовать как политическое пространство, где государства взаимодействуют друг с другом более интенсивно, чем с внешними акторами, развивают и обеспечивают работу новых и старых институтов, конструируют мифы о значении и истории пространства, общую идентичность, внедряют нормативные основы институтов в повседневную практику.

Основными площадками коллективной выработки норм в этом пространстве выступают G7, НАТО, Евросоюз, взаимодействие государств в международных организациях и институтах глобального регулирования, таких как Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и др. Важное значение имеют двустороннее сотрудничество, развиваемые ими многосторонние форматы, а также объединения *ad hoc*.

В результате активного многостороннего взаимодействия в пространстве Запада формируется транснациональная внешнеполитическая идентичность, в рамках которой акторы в основном разделяют параметры² в системах координат «свой – чу-

¹ О капитале как ресурсе агентов в социальных полях см.: [Бурдые, 2007].

² Оговорка «в основном» сделана для акцентирования различий в принятии параметров государствами. Примеры наименьшего принятия – Турция, Венгрия. Британия – пример наибольшего принятия.

жой», «Запад – не Запад», «демократия – авторитаризм», «либерализм – национализм», «вызовы – угрозы». Эта идентичность проявляется в отнесении стран именно к Западу, схожести подходов к определению вызовов и угроз, коллективной секьюритизации/десекуритизации тех или иных вопросов, разделении ценностей демократии и либерализма, многосторонности в решении международных проблем.

Транснациональная идентичность Запада изначально формировалась на основе восприятия России в качестве угрозы. Некоторая эрозия в дихотомии «свой – чужой» после окончания холодной войны сегодня сменилась нарративом российской угрозы. Антироссийский дискурс во внешнеполитических нарративах государств Запада не идентичен, а имеет страновые особенности как в жесткости, так и в плотности формулировок. Это опосредовано конкуренцией акторов за капиталы и место в иерархии пространства Запада, различиями в национальных интересах, детерминированных динамикой внутривостранственных и глобальных процессов.

Иерархичность пространства Запада¹ не противоречит коллективной идентичности и объясняет поведение различных акторов в процессе секьюритизации, объект которой – внешнеполитическая деятельность РФ. Лидеры пространства оказывают наибольшее воздействие на выработку коллективной политики и имеют большее пространство выбора стратегии действий. Низкоуровневые акторы могут использовать секьюритизацию прежде всего в целях накопления капитала в пространстве, активно развивая антироссийский дискурс.

Британия в политическом пространстве Запада

СК занимает в иерархии транснационального пространства Запада одну из наиболее высоких позиций (примерно наравне с Германией и Францией, но ниже США). Британия обладает существенными капиталами, к которым можно отнести развитую экономику, включая размер ВВП и роль в глобальной финансовой системе; современные вооруженные силы, наличие ядерного оружия; эффективную «мягкую силу»; существенную научно-технологическую базу; ведущую роль в ряде международных организаций; особые отношения с США; развитую сеть дипломатических контактов и двусторонних и многосторонних соглашений.

Британия позиционирует себя как государство Запада и разделяет соответствующие параметры в системах координат коллективной идентичности. Брекзит заметно сократил экономический, политический и репутационный капиталы СК в Евросоюзе, которые раньше были обусловлены участием в Общем рынке ЕС и ролью посредника между Брюсселем и Вашингтоном. В то же время британское руководство стремится проводить активную глобальную политику. Процесс коллективной секьюритизации внешнеполитической деятельности РФ, в особенности после начала СВО, открыл Британии возможности более эффективно использовать антироссийский дискурс для накопления капитала в пространстве Запада, позиционировать себя как лидер в тех или иных вопросах. Это можно проследить как в

¹ Подробнее об иерархии государств Запада см.: [Алешин, 2022: 82–88].

стратегических документах¹ и выступлениях членов правительства СК², так и в конкретных внешнеполитических действиях.

В транснациональных нарративах Запада антироссийский аспект выражен наиболее емко в декларациях/стратегиях НАТО, ЕС, G7. Саммит Североатлантического альянса 2022 г. стал ключевой площадкой для выработки коллективной политики: на нем присутствовали лидеры практически всех государств Запада. В итоговой декларации³, как и в Стратегической концепции НАТО 2022 г.⁴, утверждалось, что РФ представляет собой многомерную угрозу всему евроатлантическому региону.

В вышедшей в 2022 г. стратегии ЕС «Стратегический компас»⁵ Россия названа не только прямой угрозой европейской безопасности, но и государством, подрывающим глобальную безопасность и стабильность. Это обосновано стремлением РФ установить сферы влияния и деятельностью в других регионах. В коммюнике по итогам саммита лидеров G7 2023 г.⁶ указано негативное влияние СВО на мировую экономику. В Обновленном комплексном обзоре СК 2023 г. Россия названа угрозой безопасности не только Европы и Евро-Атлантики, но и мирового порядка. Россия воспринимается Британией как прямая угроза и агрессивная автократия, противо-

¹ Global Britain in a competitive age The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. 05.2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 15.05.2023); Integrated Review Refresh 2023 Responding to a more contested and volatile world. 05.2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

² См., например: Prime Minister's address to the nation on the Russian invasion of Ukraine. 24.02.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-address-to-the-nation-on-the-russian-invasion-of-ukraine-24-february-2022> (дата обращения: 16.05.2023); The return of geopolitics: Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's 2022 Easter Banquet. 27.04.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics> (дата обращения: 16.05.2023); PM speech at Munich Security Conference. 18.02.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-munich-security-conference-18-february-2023> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Madrid Summit Declaration. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 17.05.2023).

⁴ NATO 2022 Strategic Concept. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

⁵ A Strategic Compass for Security and Defence. 24.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

⁶ G7 Hiroshima Leaders' Communiqué. 20.05.2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100506878.pdf> (дата обращения: 22.05.2023).

стоящая либеральной демократии и основанному на правилах миропорядку; ведущая злонамеренную деятельность против СК, Запада и своих соседей, в т. ч. с помощью экономического принуждения и применения военной силы; стремящаяся объединить вокруг себя другие нелиберальные государства.

Проведенный количественный контент-анализ стратегических документов показал, что в 2022–2023 гг. для внешней политики СК существенно выросло значение украинского конфликта, НАТО и Евро-Атлантического региона в целом, сократилось – ЕС (Табл. 1). Качественный и количественный контент-анализ официальных заявлений и выступлений премьер-министров и министров иностранных дел проиллюстрировал высокую плотность антироссийской риторики в политическом дискурсе (Табл. 2)¹.

Таблица 1

Количество упоминаний некоторых стран, регионов и международных структур в британских стратегических документах

	РФ	Укр.*	КНР	США	ФР	ФРГ	НАТО	ЕС	ЕАР	ИТР
Обзор 2021 г.	14	2	27	18	11	8	43	19	14	32
Обновленный обзор 2023 г.	49	57	39	19	22	11	138	6	25	34

Составлено автором на основе стратегических документов СК.

* Укр. – Украина, ФР – Франция, ЕАР – Евро-Атлантический регион.

Анализ показал, что национальный британский и транснациональный западный антироссийские нарративы в целом совпадают. При этом политическая элита СК делает существенный акцент на негативном влиянии России на мировую систему и основанный на правилах миропорядок. Этот нарратив соответствует подходам стран англосферы, таким как США и Канада. Такой же нарратив наблюдается в дискурсе представителей НАТО и ЕС, но не в стратегиях этих структур, выработка которых требуют консенсуса государств-членов. Из этого можно сделать вывод, что государства англосферы, по сравнению с другими акторами – лидерами пространства Запада, считают РФ прежде всего угрозой западнцентричным институтам глобального регулирования и феномену англобализации [Ананьева, Охошин, 2023].

Внешинополитические механизмы и практики

Британская внешнеполитическая идентичность и ее антироссийские нарративы отразились на конкретных международных практиках страны, деятельности в многосторонних институтах, формировании многосторонних механизмов. Британия играет заметную роль в трех сферах: продвижение антироссийской риторики на междуна-

¹ Дополнительные материалы к статье размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

родных политических площадках; координация санкционной политики стран Запада против РФ; двустороннее и многостороннее сотрудничество с Украиной.

На международных площадках СК выступает активным проводником антироссийского дискурса. С 24 февраля 2022 г. по 15 мая 2023 г. представители Британии 35 раз выступали с заявлениями на антироссийские темы в Совете Безопасности ООН, в Генеральной Ассамблее ООН – 9 раз, в Совете по правам человека ООН – 3 раза, в Организации по безопасности и сотрудничеству – 125 раз¹. Соответствующая риторика продвигалась СК на площадках G7, G20, ВТО, Всемирного банка, Содружества наций, Организации экономического сотрудничества и развития, Международного агентства по атомной энергии, Объединенных экспедиционных сил и ряде других. Необходимо отметить активизацию деятельности Британии в НАТО. На этой площадке СК традиционно стремится выступать в качестве одного из лидеров и оказывает заметное влияние на развитие Альянса.

Британия прикладывает значительные усилия по активизации расследований «российских военных преступлений» на Украине в рамках Международного уголовного суда, в т. ч. организовала две встречи министров юстиции из разных стран (в марте 2022 и 2023 гг.) и выделила дополнительное финансирование в размере 1 млн ф. ст. Помимо этого, СК, США и ЕС создали консультативную группу по расследованию преступлений².

С антироссийскими заявлениями Британия выступала с рядом стран на двусторонней основе, в т. ч. с США, Германией, Францией, Польшей, а также на многосторонней основе, например в *ad hoc* форматах СК – США – ЕС, P3 (СК – США – Франция), СК – Вышеградская группа, СК – Польша – Украина и др.

Таким образом, на многосторонних политических площадках Британия стремится выступать одним из лидеров в антироссийской деятельности, использовать политические ресурсы в международных организациях и двусторонних отношениях с рядом государств, инициировать по возможности коллективные меры по противодействию России.

СК к февралю 2023 г. ввело более 1471 санкций против физических и 169 против юридических лиц из РФ, и список продолжает расширяться. Лондон заморозил российские активы на сумму более 18 млрд ф. ст. Существует законодательно оформленная практика включения в британские санкционные списки физических и юридических лиц, на которых наложены санкции США, ЕС и других союзников Британии³. Однако наблюдаются некоторые несовпадения в подходах сторон к санкциям, например в количестве. Так, к февралю 2023 г. ЕС ввел 1386 санкций

¹ Данные собраны автором на основе публикаций сайта правительства Британии.

² UK joins core group dedicated to achieving accountability for Russia's aggression against Ukraine. 20.01.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/ukraine-uk-joins-core-group-dedicated-to-achieving-accountability-for-russias-aggression-against-ukraine> (дата обращения: 19.05.2023).

³ Economic Crime (Transparency and Enforcement) Act 2022. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/10/contents/enacted> (дата обращения: 19.05.2023).

против физических и 171 против юридических лиц¹. Это объясняется различиями в национальных интересах государств, структуре экономических связей, разными позициями в политическом пространстве Запада. В частности, товарооборот Великобритании и России в последние годы был меньше, чем у ряда государств-членов ЕС, прежде всего в сфере торговли энергоресурсами².

Основными площадками для координации санкционной политики Запада выступают G7, двусторонние механизмы сотрудничества ЕС, США и СК между собой и с другими странами. Санкции обсуждаются на многосторонних площадках, таких как НАТО, Европейское политическое сообщество и др. Существуют также форматы *ad hoc*, например участие главы МИД СК в заседаниях Совета ЕС.

В санкционной политике Британия старается первой вводить в транснациональный дискурс те или иные вопросы, выступать в качестве примера для подражания. Например, СК первым объявило о введении санкций против РФ в ответ на признание независимости ДНР и ЛНР; заявило о намерении полностью отказаться от импорта российских энергоресурсов в 2023 г.; сообщило о запрете на импорт российских алмазов и никеля и т.д.

В рамках деятельности Британии на Украине можно отметить заключение двусторонних и многосторонних соглашений, обучение военнослужащих, поставку вооружений, поддержку в рамках многосторонних форматов, лоббирование украинской тематики в НАТО. В 2022 г. Украину пять раз посещали британские премьер-министры. После начала СВО СК выделило 220 млн ф. ст. на гуманитарную помощь³. Британия совместно с Канадой и Нидерландами организовала «Международную группу поддержки Украины», объявила о заключении трехстороннего меморандума о сотрудничестве с Польшей. В июне 2023 г. в Лондоне второй раз за 6 лет состоялась созданная по инициативе Британии ежегодная Конференция по восстановлению Украины⁴.

В 2022 г. СК направило военную помощь на сумму в 2,3 млрд ф. ст. Это больше, чем любая другая страна, за исключением США. В декабре было принято решение первой среди западных стран передать танки западного образца «Челленджер 2» (*Challenger 2*). В 2023 г. были поставлены дальнобойные боеприпасы. В этом Лондон тоже стал первым. На территории СК организованы лагеря обучения персонала во-

¹ Sanctions against Russia. 05.07.2023. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9481/CBP-9481.pdf> (дата обращения: 19.05.2023).

² International Trade Centre. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 19.05.2023).

³ UK government's humanitarian response to Russia's invasion of Ukraine. 06.07.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-governments-humanitarian-response-to-russias-invasion-of-ukraine-facts-and-figures/uk-governments-humanitarian-response-to-russias-invasion-of-ukraine-facts-and-figures> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ Ukraine Recovery Conference. URL: <https://www.urc-international.com/> (дата обращения: 22.05.2023).

оруженных сил Украины. В 2022 г. подготовку прошли 11 тыс. человек, в 2023 г. планируется обучить 20 тыс. человек¹.

Британия играет заметную роль в процессе организации и координации поставок вооружений на Украину. В феврале и марте 2022 г. СК провело конференции, на которых обсуждались военные потребности Украины. В апреле 2022 г. Лондон стал одним из учредителей Международного координационного центра доноров (*International Donor Coordination Center, IDCC*), задачей которого выступает координация военной помощи Украине. В его рамках создана Военная контактная группа под руководством США. В ее деятельности СК принимает заметное участие².

Британия возглавляет Международный фонд для Украины размером в 520 млн ф. ст., в рамках которого совместно с Данией, Исландией, Литвой, Норвегией и Швецией предоставляет Украине военную помощь³.

Показателен пример отправки танков западного образца на Украину. Споры об этом велись начиная с февраля 2022 г. СК неоднократно поднимало данный вопрос и в итоге первым приняло такое решение. В дальнейшем британские политики призывали союзников последовать их примеру, инициировали диалог на эту тему в рамках Военной контактной группы. На очередной встрече в январе 2023 г. состоялась острая дискуссия. По данным Кильского института мировой экономики, ее следствием стали решения об отправке на Украину танков западного образца тринадцатью странами⁴.

Другим образом обстоят дела с отправкой на Украину истребителей западного образца. К маю 2023 г. ни одна страна не приняла такое решение. Однако в феврале 2023 г. Р. Сунак заявил, что СК расширит программу обучения украинских пилотов на самолетах западного образца и готово оказать поддержку любой стране, которая примет решение о поставке истребителей. При этом Британия воздерживается от таких поставок, аргументируя это их нецелесообразностью в связи с отсутствием в ВСУ обученных пилотов⁵. В мае 2023 г. Р. Сунак провел встречу с коллегой из Ни-

¹ UK military support for Ukraine continues with delivery of counter explosive ordnance equipment. 30.12.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-military-support-for-ukraine-continues-with-delivery-of-counter-explosive-ordnance-equipment#:~:text=In%20total%2C%20the%20UK%20provided,level%20of%20funding%20in%202023> (дата обращения: 22.05.2023).

² Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. 23.05.2023. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9477/CBP-9477.pdf> (дата обращения: 22.05.2023).

³ International Fund for Ukraine (IFU). 14.03.2023. URL: <https://www.gov.uk/guidance/international-fund-for-ukraine-ifu> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ The Ukraine Support Tracker: Which countries help Ukraine and how? Kiel Working Paper No. 2218. Kiel Institute for the World Economy. 02.2023. URL: <https://www.ifw-kiel.de/publications/kiel-working-papers/2022/the-ukraine-support-tracker-which-countries-help-ukraine-and-how-17204/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁵ PM speech at Munich Security Conference. 18.02.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-munich-security-conference-18-february-2023> (дата обращения: 20.02.2023); Will the UK send combat aircraft to Ukraine?

дерландов и объявил о начале работы над «созданием международной коалиции для обеспечения Украины боевой авиацией, поддержки во всем – от обучения до закупки самолетов»¹.

Таким образом, СК играет заметную роль в предоставлении военной помощи Украине, стремится выступать в качестве координатора действий других стран, побуждает союзников увеличивать и расширять поставки.

* * *

Таким образом, СК разделяет транснациональную идентичность Запада, а коллективные процессы выработки норм и секьюритизации оказывают влияние на британскую внешнеполитическую идентичность. Это происходит путем наложения ограничений на внешнюю политику государств транснационального пространства Запада, трансформации национальных внешнеполитических идентичностей через институциональное принуждение, коллективного конструирования нарративов и определения общих угроз. Государства, занимающие более высокие позиции в пространственной иерархии, такие как Британия, оказывают большее влияние на пространство и одновременно в меньшей степени подвержены его принуждению.

В контексте снижения влияния СК в Европе после брекзита, процессы коллективной секьюритизации, объектом которой стала внешнеполитическая деятельность РФ, позволили Британии укрепить роль посредством развития антироссийских нарративов, активизации политики по сплочению и координации деятельности государств Запада для противостояния российской угрозе. Это отражено как в стратегическом планировании и политическом дискурсе, так и в конкретных действиях в сферах продвижения антироссийской риторики на международных политических площадках, координации санкционной политики стран Запада против России, двустороннего и многостороннего сотрудничества с Украиной.

При этом СК в русле коллективной политики Запада трактует РФ как угрозу, оказывающую критическое воздействие не только на европейскую безопасность, но и на основанный на правилах миропорядок. В этом позиция Британии совпадает с подходами других стран англосферы, прежде всего США, но не в полной мере – с подходами других государств – лидеров пространства Запада. В то же время у представителей НАТО и ЕС наблюдается схожий политический, но отличный стратегический дискурс.

Исходя из этого, СК – значимый актор транснационального политического пространства Запада для выработки коллективной антироссийской политики. Британия, обладая существенным капиталом в данном пространстве, оказывает заметное влияние на конструирование транснациональной идентичности Запада путем про-

14.02.2023. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/will-the-uk-send-combat-aircraft-to-ukraine/> (дата обращения: 22.05.2023).

¹ PM meeting with Prime Minister of the Netherlands Mark Rutte. 16.05.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-prime-minister-of-the-netherlands-mark-rutte> (дата обращения: 22.05.2023).

движения общих для стран англосферы нарративов и проведения политики прежде всего в Европе направленной на укрепление собственной роли в мировой политике. Важно, что СК опирается на свое влияние среди стран англосферы, прежде всего на особые отношения с США, для укрепления международной роли в данном пространстве, что объясняет его особую активность и напористость в антироссийском направлении. В то же время в транснациональном пространстве Запада создаются рамки и задается вектор для выработки национальных интересов, что влияет на национальную внешнеполитическую идентичность Британии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2022) *Фактор Брекзита во взаимодействии Европейского союза и НАТО по вопросам безопасности*. Дис. .. канд. полит. наук. Москва. 291 с.
- Ананьева Е.В., Охошин О.В. (2023) *Британия-2022: смена премьеров, смена монарха*. ИЕ РАН, Москва. 194 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22023_399
- Бурдые П. (2007) *Социология социального пространства*. Алтейя, Санкт-Петербург. 288 с.
- Годованюк К.А. (2021) Новый формат отношений Британии и ЕС: вызовы постбрекзита. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 4 (30). С. 54–70.
- Годованюк К.А. (2022) Головоломка российско-британских отношений: системные противоречия и национальные интересы. *Современная Европа*. № 7 (114). С. 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154
- Громько А.А. (рук.) (2022) *Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе*. ИЕ РАН, Москва. 194 с.
- Данилов Д.А. (2021) Россия – ЕС: диалог без диалога. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2 (20). С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran22021715
- Прохоренко И.Л. (2017) Внешнеполитическая идентичность. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. Весь мир, Москва. С. 465–469.
- Прохоренко И.Л. (2015) *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. ИМЭМО РАН, Москва. 111 с.
- Стрежнева М.В. (ред.) (2011) *Транснациональные политические пространства: явление и практика*. Весь мир, Москва. 376 с.
- Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 570 p.
- Cottey A. (2021) The West, Russia and European security: Still the long peace? *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 24. Issue. 2. P. 207–223. DOI: 10.1177/136914812111036
- Ewers-Peters N.M. (2020) Brexit's implications for EU-NATO cooperation: Transatlantic bridge no more? *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 23. Issue. 4. P. 576–592. DOI: 10.1177/1369148120963814
- Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E. (ed.) (2017) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. SAGE, London, UK. 928 p.
- Clegg S., Hardy C., Lawrence T., Nord W. (ed.) (2006) *The SAGE Handbook of Organization Studies*. SAGE, Thousand Oaks, USA. 1080 p.
- Deutsch K.W. (1957) *Political Community and the North American Area*. Princeton University Press, Princeton, USA. 244 p.
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. Vol. 88. No. 2. P. 384–396. DOI: 10.2307/2944711

The UK's Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

A.A. Aleshin*

Candidate of Sciences (Politics)

*Researcher, Department of international political problems
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

**E-mail: aleshin.a@imemo.ru*

Abstract. In the context of the Ukrainian crisis, Western countries have significantly intensified their anti-Russian policy along with its collective development. The article examines the role of the UK in the process of multilateral formation of the collective Western anti-Russian policy. The theoretical basis of the study is the spatial approach and organisational theory. Based on the analysis of institutional-identitarian dynamics using the qualitative and quantitative content analysis, the British foreign policy identity, the transnational identity of the political space of the West, and their mutual influence are explored. It is concluded that the anti-Russian aspects of the foreign policy narratives of the UK and the collective West generally coincide. However, there are features in the corresponding discourse in the UK, which bring it closer to the discourse of the countries of the Anglosphere. International institutions and practices with the participation of the UK are considered, their compliance with anti-Russian narratives is substantiated. The article reveals the directions of British foreign policy that have the most influence on the collective policy of the West. The study focuses on cases where the British leadership was the first to take certain anti-Russian measures, encouraging other countries to follow its example. The reverse impact of international institutions and practices on the British foreign policy identity was analysed. It is argued that the UK has a significant influence on the formation of a collective anti-Russian policy, and is one of the leaders of the West in this context.

Key words: anti-Russian policy, collective West, British foreign policy, Ukrainian crisis, foreign policy identity

DOI: 10.31857/S0201708323050042

EDN: xzppri

REFERENCES

Aleshin A.A. (2022) *Faktor Brekzita vo vzaimodeistvii Evropeiskogo soyuza i NATO po voprosam bezopasnosti* [The Brexit factor in the interaction between the EU and NATO on security issues], PhD. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian).

Ananieva E.V., Okhoshina O.V. (ed.) (2023) *Britaniya-2022: smena prem'erov, smena monarkha* [The UK-2022: Change of Prime Ministers, Change of Monarch], IE RAN, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22023_399 (In Russian).

Burd'e P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Alteiya, Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).

Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Danilov D.A. (2021) Rossiya – ES: dialog bez dialoga [Russia – EU: Dialogue without Dialogue], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2(20), pp. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran22021715 (In Russian).

Godovanyuk K.A. (2021) Novyi format otnoshenii Britanii i ES: vyzovy postbrekzita [New format of relations between Britain and the EU: Post-Brexit challenges], *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world*, 4(30), pp. 54–70. (In Russian).

Godovanyuk K.A. (2022) Golovolomka rossiisko-britanskikh otnoshenii: sistemnye protivorechiya i natsional'nye interesy [The Riddle of Russia-UK Relations: Systemic Contradictions and National Interests], *Sovremennaya Evropa*, 7(114), pp. 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154 (In Russian).

Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.E. (ed.) (2017) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*, SAGE, London, UK.

Gromyko A.A. (ed.) (2022) *Etap spetsial'noi voennoi operatsii na Ukraine. Anatomiya anti-rossiiskoi politiki v Evrope* [The Stage of the Special Military Operation in Ukraine. The Anatomy of the Anti-Russia Policy in Europe], IE RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Clegg S., Hardy C., Lawrence T., Nord W. (ed.) (2006) *The SAGE Handbook of Organization Studies*, SAGE, Thousand Oaks, USA.

Cottey A. (2021) The West, Russia and European security: Still the long peace? *The British Journal of Politics and International Relations*, 24(2), pp. 207–223. DOI: 10.1177/136914812111036

Ewers-Peters N.M. (2020) Brexit's implications for EU-NATO cooperation. Transatlantic bridge no more? *The British Journal of Politics and International Relations*, 23(4), pp. 576–592. DOI: 10.1177/1369148120963814

Deutsch K.W. (1957) *Political Community and the North American Area*. Princeton University Press, Princeton, USA.

Prokhorenko I.L. (2015) *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Prokhorenko I.L. (2017) Vneshnepoliticheskaya identichnost' [Foreign policy identity], in Semenenko L.S. (ed.) *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encycpopedia*, Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 465–469. (In Russian).

Strezhneva M.V. (ed.) (2011) *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political space: the phenomenon and practice], Ves' mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State, *American Political Science Review*, 88(2), pp. 384–396. DOI: 10.2307/2944711

УДК 323

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА¹

© 2023 г. ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна*

Кандидат политических наук

Научный сотрудник ИМЭМО им Е. М. Примакова РАН

РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23

**E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.05.2023

После доработки 26.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Статья посвящена проблеме продовольственной безопасности Германии в условиях конфликта на Украине. Цель исследования – анализ устойчивости немецкой системы продовольственной безопасности и влияния на нее украинского кризиса. В статье рассмотрены немецкое понимание концепции продовольственной безопасности и уровень самообеспечения основными продуктами в Германии. Сделан вывод о влиянии украинского конфликта на различные импортируемые товары. Для того чтобы выявить, как в ФРГ понимается продовольственная безопасность и насколько это соответствует подходам международных организаций, проанализированы документы Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, правительства ФРГ, а также федерального министерства продовольствия и сельского хозяйства. На основании статистических данных, представленных министерством продовольствия и сельского хозяйства, федеральным агентством сельского хозяйства и продовольствия, федеральным статистическим ведомством, сделан вывод об уровне самообеспеченности ФРГ продуктами питания. Для выявления воздействия украинского конфликта на продовольственную безопасность Германии рассмотрены открытые данные колебания поставок масличных культур и масла. Анализ официальных документов и статистических данных показал, что ФРГ добилась самообеспечения основными продуктами питания, поэтому в национальных стратегиях акцент

¹ *Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).*

сделан на усилении устойчивости сельского хозяйства и повышении качества продукции. Слабый элемент продовольственной безопасности – импорт масла и масличных культур, поставки которых сократились в 2022 г. Одновременно серьезной угрозой продовольственной безопасности могут оказаться повышение цен и спад поставок газа и удобрений.

Ключевые слова: Германия, продовольственная безопасность, импорт продовольствия, экспорт продовольствия, масличные культуры, удобрения

DOI: 10.31857/S0201708323050054

EDN: xzwfeb

Продовольственная безопасность – одна из основных задач государства и важнейшая глобальная проблема. Все чаще звучат заявления, что кризисы последних лет подорвали мировую ситуацию с обеспечением продовольствия¹. Цель статьи – анализ устойчивости немецкой системы продовольственной безопасности и влияния на нее украинского кризиса. Внимание к Германии обусловлено тем, что Берлин выступает одним из неформальных лидеров ЕС и страна играет значимую роль в мировой торговле продовольствием² (3-е место по импорту и 4-е по экспорту продукции в 2021 г.)³. В статье рассмотрены понимание ФРГ продовольственной безопасности, уровень самообеспеченности и риски, с которыми столкнулась продовольственная система Германии с 2022 г.

Продовольственная безопасность рассматривалась широким кругом авторов. Н.В. Галищева, Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко, О.И. Солдатенко исследовали эту проблему в Азии и Африке [Галищева, 2018; Ревенко, Петрова, 2021; Ревенко и др., 2022]. М.Ю. Апанович, О.Н. Барабанов, Е.А. Маслова, А. Кауфманн, Н. И Шагайда, В. Я. Узун анализировали проблемы продовольственной политики и безопасности в России и странах ЕС [Шагайда, Узун, 2015; Апанович и др., 2022]. В.И. Добросоцкий и Л. Набойщиковас изучали этапы формирования единой аграрной политики стран Евросоюза [Набойщиковас, 2012; Добросоцкий, 2019].

Е.Г. Мухина и В.В. Кудинов исследовали реализацию права на достаточное питание нуждающихся слоев в ЕС [Кудинов, Мухина, 2021]. Изменения в экономике ФРГ под влиянием украинского конфликта рассматривали В.Б. Белов и А.В. Котов [Белов, 2022; Белов, Котов, 2023]. Продовольственная безопасность Германии в прошлом десятилетии также рассматривалась рядом исследователей [Корнекова,

¹ Götz L., Rudolff B. Ukraine-Krieg und Ernährungssicherheit: Umsichtige “Food First” Strategie für den Herbst entwickeln. SWP. 09.03.2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/ukraine-krieg-und-ernaehrungssicherheit-umsichtige-food-first-strategie-fuer-den-herbst-entwickeln> (дата обращения: 23.08.2023).

² Высокие цифры экспорта и импорта обусловлены не только продовольственными потребностями, но и развитым сектором пищевой промышленности Германии. ФРГ закупает сельскохозяйственную продукцию для переработки и продажи в другие страны.

³ Stellung Deutschlands im Weltagrarhandel. Statista. URL: <https://www.bmel-statistik.de/aussenhandel/tabellen-kapitel-f-und-hvi-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

Мусникова, 2016], однако современное состояние проблемы требует дальнейшего изучения.

Немецкое понимание концепции продовольственной безопасности

Понятие продовольственной безопасности имеет два измерения: национальное – необходимость гарантировать продовольствие для населения своей страны – и международное – борьба с голодом и его причинами во всем мире.

После окончания Второй мировой войны страны делали акцент на самообеспечении продовольствием [Добросоцкий, 2019: 16]. Однако постепенно представление о продовольственной безопасности смещалось от национальной автаркии – способности государства самостоятельно обеспечивать население достаточным количеством еды – к экономической доступности продовольствия¹. С 1990-х гг. новыми составляющими становятся качество продуктов питания и принципы устойчивого развития во всей продовольственной цепочке [Апанович и др., 2022: 10–11].

Достижение продовольственной безопасности в глобальном масштабе признается общей целью. В 2000 г. государства-члены ООН одобрили 8 Целей развития тысячелетия, одна из которых – сокращение вдвое голодающего населения к 2015 г. В 2015 г. Генеральная Ассамблея представила новый документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», содержащий 17 Целей устойчивого развития (ЦУР). Вторая ЦУР – «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства».

Единое определение продовольственной безопасности и список критериев для ее исследования отсутствуют [Ревенко и др., 2019]. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) определяет продовольственную безопасность как возможность для всех людей постоянно питаться экономически доступной, безопасной, полезной пищей, которая удовлетворяет их диетические потребности и предпочтения для активной и здоровой жизни². Важными показателями становятся наличие продуктов, доступность продовольствия, стабильность обеспечения и качество потребления [Галищева, 2018: 151–156].

В Германии также нет единого определения продовольственной безопасности, но анализ программных документов показывает, что ФРГ понимает этот концепт в предложенных ФАО рамках. На сайте правительства продовольственная безопасность рассматривается в глобальном масштабе как реализация второй ЦУР³. В 2021 г. вышла обновленная версия стратегии устойчивого развития Германии.

¹ FAO. Trade and Food Security: Conceptualizing the Linkages. Rome. 2003. URL: <https://www.fao.org/3/y4671e/y4671e06.htm> (дата обращения: 30.03.2023).

² FAO. Food Security. Policy Brief. Issue 2. 06.2006. URL: https://www.fao.org/fileadmin/templates/faoitaly/documents/pdf/pdf_Food_Security_Cocept_No te.pdf (дата обращения: 30.03.2023).

³ Ernährung weltweit sichern. Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/nachhaltigkeitspolitik/ernaehrungssicherheit-319080> (дата обращения: 30.03.2023).

В ней одна из важнейших задач – обеспечение на международном, европейском и национальном уровне всего населения в достаточной степени разнообразным, безопасным, доступным продовольствием и здоровым питанием: создание условий для защиты окружающей среды и климата, улучшение условий содержания сельскохозяйственных животных, уважение прав производителей и оптимизация условий их труда и жизни, а также сохранение привлекательности сельской местности¹.

Политика, направленная на сокращение голодающего населения в мире, находится в ведении Федерального министерства экономического сотрудничества и развития. В рамках борьбы с голодом министерство финансирует в уязвимых странах проекты, направленные на укрепление продовольственной безопасности, развитие с/х регионов, переход к устойчивому сельскому хозяйству².

Национальные стратегии разрабатываются под руководством Федерального министерства продовольствия и сельского хозяйства. В Германии отсутствует единая стратегия продовольственной безопасности (разработка планируется к концу 2023 г.), однако на сайте министерства представлен рамочный документ «Путь к правительственной стратегии питания»³. Кроме того, в стране разработан ряд программ, посвященных отдельным аспектам расширенного понимания концепции.

В рамочном документе внимание уделено здоровому питанию населения, особенно детей и молодежи⁴. Эта цель предполагает повышение качества продовольствия, в т. ч. общественного питания. Кроме того, планируется улучшить информирование потребителей о том, насколько экологичным и здоровым является продукт⁵. Важным остается социальный аспект – обеспечение доступа к здоровой пище незащищенных слоев населения.

Повысить качество питания призвана Национальная стратегия сокращения содержания сахара, жиров и соли в готовых продуктах, которая направлена на решение проблемы ожирения и улучшение здоровья немцев за счет снижения калорийности и вредных добавок готовой пищи⁶. Контролю качества продукции посвящена Стратегия безопасности продуктов питания⁷. Лабораторным анализом продоволь-

¹ Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie Weiterentwicklung 2021. Berlin. Die Bundesregierung. 2020. P. 58.

² Leben ohne Hunger – Transformation der Agrar- und Ernährungssysteme. URL: <https://www.bmz.de/de/themen/ernaehrungssicherung> (дата обращения: 24.08.2023).

³ Eckpunktepapier: Weg zur Ernährungsstrategie der Bundesregierung. BMEL. 21.12.2022. URL: https://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/DE/_Ernaehrung/ernaehrungsstrategie-eckpunktepapier.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 23.08.2023).

⁴ Там же. P. 2.

⁵ Там же. P. 5.

⁶ Nationale Reduktions- und Innovationsstrategie für Zucker, Fette und Salz in Fertigprodukten. URL:

https://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/NationaleReduktionsInnovationsstrategie-Layout.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 01.04.2023).

⁷ Strategien der Lebensmittelsicherheit. BMELV. 2013. URL: <https://de.agrardialog.ru/files/prints/strategienlebensmittelsicherheit.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).

ствия занимается подведомственный Федеральному агентству сельского хозяйства и продовольствия Федеральный институт оценки рисков, который с 2015 г. проводит мониторинг потребляемых в ФРГ продуктов питания. В 2023 г. институт выпустил отчет, подтверждающий высокий стандарт безопасности пищевых продуктов в Германии¹.

Другим направлением обеспечения продовольственной безопасности выступает экология – снижение выбросов CO₂ и переход к устойчивому сельскому хозяйству. Для сокращения выбросов парниковых газов рамочная стратегия предлагает снизить производство и потребление мяса и увеличить долю растительной пищи². Эта мера также должна способствовать борьбе с ожирением. Кроме того, документ выступает за увеличение доли сезонных и производимых в регионе потребления продуктов. Важнейшая мера – сокращение продуктовых отходов. С этой целью в ФРГ подготовлены стратегия и дорожная карта. К продуктовым отходам относят сельскохозяйственную продукцию, испортившуюся на этапе производства, транспортировки или реализации³.

ФРГ выступает за переход к экологически устойчивым сельскохозяйственным и продовольственным системам. Продовольственная система в немецкой стратегии устойчивого развития понимается как «взаимосвязь и взаимозависимость способов производства, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции, а также потребления и оборота продуктов питания»⁴. В 2019 г. министерство продовольствия и сельского хозяйства выпустило Стратегию устойчивого сельского хозяйства и питания⁵, в рамках которой рассматриваются меры для перехода к ответственному производству и потреблению, устойчивому рыболовству и земледелию, а также для поддержания биоразнообразия.

Для повышения устойчивости земледелия правительство ФРГ экономически поддерживает фермеров, внедряющих более экологические и инновационные методы производства сельскохозяйственной продукции. К 2030 г. предполагается

¹ Was im Essen steckt Abschlussbericht BfR-MEAL-Studie. Bundesinstitut für Risikobewertung. 28.07.2023. URL: <https://www.bfr.bund.de/cm/343/was-im-essen-steckt-abschlussbericht-bfr-meal-studie.pdf> (дата обращения: 23.08.2023).

² Eckpunktepapier: Weg zur Ernährungsstrategie der Bundesregierung. BMEL. 21.12.2022. P. 6. URL: https://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/DE/_Ernaehrung/ernaehrungsstrategie-eckpunktepapier.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 23.08.2023).

³ Nationale Strategie zur Reduzierung der Lebensmittelverschwendung. Berlin. BMEL. 2019. URL: https://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/DE/_Ernaehrung/Lebensmittelverschwendung/Nationale_Strategie_Lebensmittelverschwendung_2019.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (дата обращения: 25.03.2023).

⁴ Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie Weiterentwicklung 2021. P. 58.

⁵ Strategien für eine nachhaltige Landwirtschaft und Ernährung. Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1631010/5e993b8d113baca31f729f5462a3fd05/2019-05-28-bmel-ressortbericht-strategieen-nachhaltige-landwirtschaft-data.pdf?download=1> (дата обращения: 23.08.2023).

также увеличить до 30% долю с/х угодий, обрабатываемых методами органического земледелия¹.

Реализуемая с 2012 г. Стратегия белковых растений направлена на увеличение производства растительного белка, в первую очередь бобовых, площади которых сокращались в силу меньшей рентабельности. Увеличение производства данных культур призвано расширить не только разнообразие предлагаемых продуктов, но и севооборот для поддержания плодородности почвы².

Продовольственная безопасность и уровень самообеспечения

Немецкое понимание продовольственной безопасности с акцентом на международных проблемах, устойчивом развитии и качестве продуктов обусловлено тем, что перед страной не стоит проблема самообеспечения. Степень самообеспеченности продуктами рассчитывается как процентное соотношение собственного с/х производства к потреблению.

По данным министерства продовольствия и сельского хозяйства, уровень самообеспечения продовольствием в Германии составляет 87% (без иностранных кормов – 81%)³. При этом уровень самообеспечения различными продуктами серьезно различается.

ФРГ способна обеспечить себя важнейшими видами продукции (картофелем, сахаром, мясом, молоком и зерновыми). Более того, в 2021 г. Германия была крупнейшим в ЕС производителем картофеля, свинины, молока. Страна незначительно отстает от лидера – Франции – по производству сахара, рапса, репы, мяса птицы и яиц⁴. Наибольшие объемы производства дают зерновые культуры (43 268 тыс. т в 2020–2021 гг.) и картофель (11 715 тыс. т)⁵. При этом Германия не может самостоятельно обеспечить разнообразное питание. В стране производится недостаточное количество фруктов (20%), овощей (35%), растительных масел и жиров (26%), бобовых (61%), яиц (73%), рыбы (20%) (Табл. 1).

¹ Öko-Landbau stärken: Prozess zur Weiterentwicklung der Zukunftsstrategie ökologischer Landbau. BMEL. URL: <https://www.bmel.de/DE/themen/landwirtschaft/oekologischer-landbau/zukunftsstrategie-oekologischer-landbau.html> (дата обращения: 1.04.2023).

² Eiweißpflanzenstrategie des BMEL. URL: <https://www.bmel.de/DE/themen/landwirtschaft/pflanzenbau/ackerbau/eiweisspflanzenstrategie.html#doc10544bodyText1> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Selbstversorgungsgrad bei Nahrungsmitteln insgesamt. BMEL. URL: <https://www.bmel-statistik.de/ernaehrung-fischerei/tabellen-kapitel-d-und-hiv-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Anteile der EU-Mitgliedstaaten an der mengenmäßigen Agrarproduktion. BMEL. URL: <https://www.bmel-statistik.de/landwirtschaft/tabellen-kapitel-c-hii-und-hiii-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

⁵ Ernährungswirtschaft. URL: <https://www.bmel-statistik.de/ernaehrung-fischerei/tabellen-kapitel-d-und-hiv-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

Таблица 1

**Уровень самообеспеченности ФРГ сельскохозяйственными продуктами
2017–2021 гг. (в %)**

Продукты	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21
Твердые и мягкие сорта пшеницы	120	117	107	124	118
Рожь	93	98	87	92	83
Другие сорта	92	97	77	87	88
Зерновые всего	105	107	91	104	101
Бобовые	77	75	51	53	61
Картофель	152	148	138	144	143
Сахар	125	168	140	147	145
Овощи	36	38	35	37	35
Фрукты	22	13	22	20	20
Продукты	2017	2018	2019	2020	2021
Говядина и телятина	98	97	98	94	98
Свинина	120	120	123	127	131
Субпродукты	1 265	884	1 851	2 052	530
Мясо птицы	105	95	97	97	97
Мясо всего	118	115	117	119	120
Рыба и рыбные продукты	25	25	21	19	20
Продукты из свежего молока	117	116	117	117	118
Сыр	125	125	124	126	127
Свежий сыр	136	142	142	142	143
Растительные масла и жиры	32	28	21	21	26
Сливочное масло	100	99	103	96	92
Яйца и яичные продукты	70	70	71	71	73

Составлено по: Selbstversorgungsgrad bei landwirtschaftlichen Erzeugnissen. BMEL. URL: <https://www.bmel-statistik.de/ernaehrung-fischerei/tabellen-kapitel-d-und-hiv-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

Невысокое производство бобовых обусловлено относительно низкой урожайностью и прибылью, сложностью выращивания и сбыта данной культуры по сравнению с зерновыми, сахарной свеклой, кукурузой и рапсом. Снижение площадей бобовых привело к сокращению возможностей их переработки, исследований, а также к падению конкурентоспособности отрасли. Для того, чтобы остановить спад на национальном и европейском уровнях, в ФРГ и ЕС действуют программы поддержки белковых культур.

Низкий уровень производства фруктов связан с географическими условиями: не все регионы страны пригодны для выращивания теплолюбивых сортов. Производство овощей и фруктов – трудоемкое занятие, требующее большого количества рабочей силы и вложений. Недостаток производства восполняется импортом.

В 2021 г. ФРГ импортировала свежие овощи на сумму в 5 384 млн евро, свежие фрукты – 3 662,2 млн евро, а также сухофрукты и орехи – 3 662,2 млн евро¹.

Другие важнейшие статьи импорта – масличные культуры, которые в 2021 г. были импортированы на сумму в 5 148 млн евро. Германия также зависит от импорта рыбы (4 879 млн евро)², которая используется как для внутреннего потребления, так и для производства продукции, идущей на экспорт. Несмотря на большие объемы импорта зерна, свинины, хлеба и выпечки, шоколада и шоколадных изделий, Германия не только обеспечена этими продуктами, но и является нетто-экспортером.

Важный элемент продовольственной безопасности – надежность поставок. Основной объем импорта продуктов питания и с/х продукции в Германию приходится на страны ЕС (67 342 млн евро в 2021 г.). При этом значительные объемы поставок из Нидерландов и Бельгии частично являются вторичными. За пределами ЕС крупнейшие поставщики в ФРГ – Бразилия (3 098 млн евро), США (2 443 млн евро), Китай (1 752 млн евро), Турция (1 687 млн евро) и Швейцария (1 660 млн евро)³.

Основные поставки овощей в Германию идут в рамках ЕС. Преобладающая часть приходится на Испанию (1 177 тыс. тонн) и Нидерланды (1 065 тыс. тонн). Испания также выступает основным поставщиком фруктов⁴. Растительные масла по статистике в первую очередь поставляются в ФРГ из Нидерландов, однако в данном случае речь идет о частичном экспорте продукции из третьих стран, доставленной в ЕС через нидерландские морские порты. Одним из поставщиков подсолнечного масла в Германию является Украина.

Германия выступает также экспортером продовольствия (4-е место в мире по стоимости экспортированных продовольственных товаров)⁵. Главные экспортируемые продукты – свинина (6 708 млн евро в 2021 г.), сыр и творог (4 587 млн евро), шоколад и шоколадные изделия (4 583 млн евро), зерновые (3 959 млн евро) и др.⁶ Основные потоки экспорта идут в страны ЕС (даже если принимать во внимание эффект Роттердама), где основными импортерами являются Нидерланды, Франция,

¹ Ernährungswirtschaftliche Einfuhr nach Warengruppen. URL: <https://www.bmel-statistik.de/aussenhandel/tabellen-kapitel-f-und-hvi-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

² Там же.

³ Ernährungswirtschaftliche Einfuhr nach wichtigen Ländern. URL: <https://www.bmel-statistik.de/aussenhandel/tabellen-kapitel-f-und-hvi-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Einfuhr von frischem Obst, Südfrüchten und Gemüse nach Ländern. URL: <https://www.bmel-statistik.de/ernaehrung-fischerei/tabellen-kapitel-d-und-hiv-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

⁵ Stellung Deutschlands im Weltagrарhandel. URL: <https://www.bmel-statistik.de/aussenhandel/tabellen-kapitel-f-und-hvi-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

⁶ Ernährungswirtschaftliche Ausfuhr nach Warengruppen. URL: <https://www.bmel-statistik.de/aussenhandel/tabellen-kapitel-f-und-hvi-des-statistischen-jahrbuchs> (дата обращения: 01.04.2023).

Италия, Польша и Австрия. За пределами ЕС большие объемы немецких товаров идут в Великобританию, Швейцарию, США и Китай.

Таким образом, Германия может обеспечить себя значительной частью основных продуктов питания. Импорт продовольствия важен для поддержания разнообразия рациона (обеспечения населения овощами, фруктами, рыбой), при этом значимая доля закупок компенсируется надежностью поставщиков (высокая доля стран-членов Евросоюза). Слабым элементом выступают поставки масличных культур (и масла), значительная доля которых поставлялась из стран за пределами ЕС, в т. ч. из Украины.

Влияние украинского конфликта

Вскоре после начала конфликта на Украине международные организации, аналитические центры и СМИ высказали беспокойство, что боевые действия негативно повлияют на мировую продовольственную безопасность.

Уровень торговли продуктами продовольствия Украины и ФРГ относительно невысок. В 2021 г. импорт украинской с/х продукции в Германию составлял 550,2 млн евро, а импорт продуктов питания и кормов – 277,4 млн евро. В 2022 г. стоимость поставляемых продуктов упала совсем немного (309 млн евро), а стоимость с/х продукции даже выросла (702,3 млн евро), что в первую очередь связано с ростом цен на продукты в целом¹.

Тем не менее картина разнилась в зависимости от категории экспорта. Например, сбой в поставках зерна сильно не повлиял на Германию. В 2021 г. поставки из Украины составляли только 4,5% от всего импорта зерновых в ФРГ (к тому же немецкий экспорт превышает импорт)².

Как было отмечено, слабый элемент самообеспечения – растительное масло (26%). Несмотря на то что Германия является нетто-экспортером соевого и рапсового масла, оно производится преимущественно на импортируемом сырье.

Поставки сои практически не были затронуты кризисом, т. к. основные экспортеры этого продукта – Бразилия (44% в 2019 г.) и США (43%)³. Больше беспокойство вызвала ситуация с рапсовым маслом: только 43% продукта производится на отечественном сырье, а остальной рапс завозится из Австралии (18%), Нидерлан-

¹ Außenhandel mit der Ukraine nach Güterabteilungen des Güterverzeichnis für Produktionsstatistiken. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Aussenhandel/Tabellen/ukreine-xls.html> (дата обращения: 01.04.2023).

² Nahrung. Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Im-Fokus/Ukraine/Nahrung/_inhalt.html (дата обращения: 01.04.2023).

³ Bericht zur Markt- und Versorgungslage. Ölsaaten, Öle und Fette – 2022. Bonn. Bundesanstalt für Landwirtschaft und Ernährung. 2022. P. 32. URL: https://www.ble.de/SharedDocs/Downloads/DE/BZL/Daten-Berichte/OeleFette/Versorgung/2022BerichtOele.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 01.04.2023).

дов (16%), Франции (15%) и Украины (13%)¹. Начало украинского конфликта поставило под угрозу поставки и, соответственно, производство масла и корма для скота на основе жмыха.

Однако, согласно данным Федерального агентства сельского хозяйства и продовольствия, импорт рапса сократился только в летние месяцы (подобное сезонное сокращение характерно для других лет), но с осени начал расти². Таблица 2 свидетельствует о том, что объемы продукта в Германии в 2022 г. снизились по сравнению с прошлым годом, при этом импорт даже повысился. Сокращение объема связано с меньшим производством данной культуры в ФРГ. Данные рисунка 1 показывают, что ранее снижение внутренних закупок Германия компенсировала увеличением импорта. С 2016 по 2020 гг. урожай рапса в ФРГ постепенно уменьшался, и только в 2021 г. отмечается рост производства.

Таблица 2

Обеспеченность ФРГ рапсом, рапсовым маслом и другими масличными культурами в 2016–2022 гг. (в 1000 т)

Продукты	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Имеющиеся в наличии в ФРГ масличные культуры							
Рапс	9 434,4	9 319,5	8 796,4	9 267,8	9147,7	9431,5	8766,1
Рапс, произведенный в Германии	5 261,8	4 079,1	3 877,1	3 971,1	3368,6	4299,0	3349,3
Импортируемый рапс	4 172,6	5 240,4	4 919,3	5 296,7	5779,1	5132,5	5416,9
Другие	3 854,3	3 645,7	3 697,5	3 307,2	3351,6	3593,1	3498,3
Всего	13 288,7	12 965,2	12 493,9	12 575,1	12499,3	13024,6	12264,4
Производство растительных масел и жиров (сырое масло).							
Рапсовое	4065,9	3 978,9	3 793,2	3 828,8	3771,6	4008,9	3714,5
Другие сорта	791,8	770,8	787,0	706,2	723,2	743,8	730,6
Всего	4857,7	4 749,7	4 580,2	4 535,0	4494,8	4752,7	4445,1
Имеющиеся в наличии в ФРГ объем жмыха							
Рапс	5 284,7	5 227,5	4 977,9	5 169,4	5201,4	5444,1	4867,1
Другие сорта	2 977,9	2 773,8	2 887,3	2 502,2	2684,8	2780,1	2660,7
Всего	8 262,6	8 001,3	7 865,2	7 671,6	7886,2	8224,1	7527,8

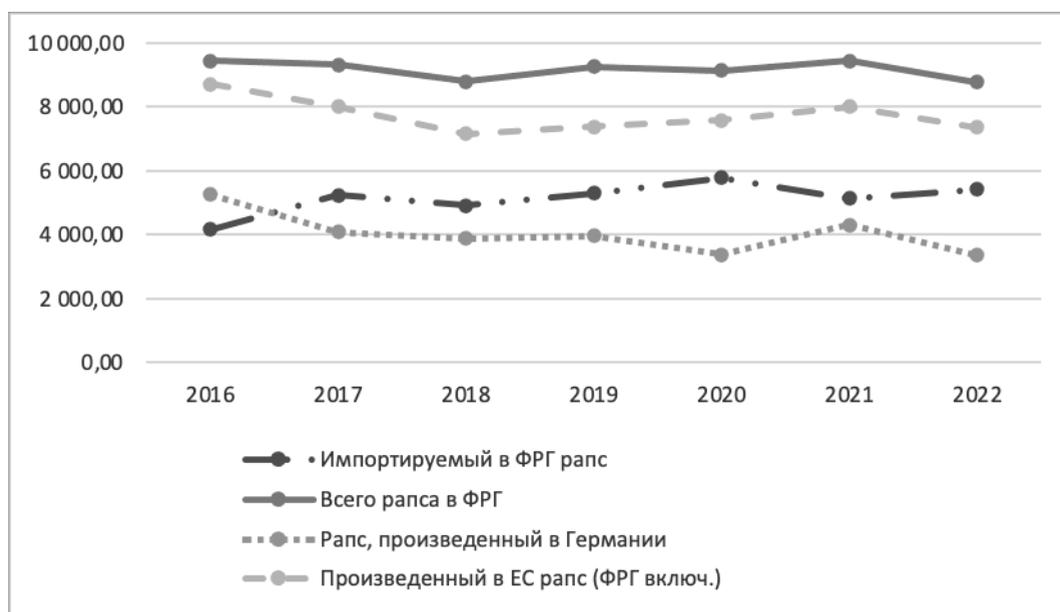
Составлено по: Bericht über Öle und Fette für Deutschland 2022 - vorläufige Zahlen.

¹ Versorgungsbilanz 2021: Selbstversorgungsgrade von Rapsöl und Sonnenblumenöl leicht gestiegen. URL: https://www.ble.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2022/220803_Versorgungsbilanz_Oel.html (дата обращения: 01.04.2023).

² Bericht über Öle und Fette für Deutschland 2022 – vorläufige Zahlen. URL: <https://www.ble.de/DE/BZL/Daten-Berichte/Oele-Fette-Huelsenfruechte/OeleUndFette.html?nn=8904230> (дата обращения: 01.04.2023).

Рисунок 1

Обеспеченность ФРГ рапсом в 2016-2022 гг. (в 1000 т.)

Составлено по: Bericht über Öle und Fette für Deutschland 2022 - vorläufige Zahlen.

Таким образом, в 2022 г. боевые действия на Украине существенно не повлияли на поставки рапса в ФРГ. Кроме того, у Германии есть внутренний потенциал для увеличения производства в случае внешних кризисов.

Сложнее обстоит ситуация с подсолнечным маслом. ФРГ является импортером как семян подсолнечника, так и производимого из него масла. По данным Федерального статистического агентства Германии, основными странами-поставщиками подсолнечного масла были Нидерланды (35%), Венгрия (29%) и Украина (19%), однако, предположительно, значительная часть экспорта из Нидерландов происходила из третьих стран¹.

Импорт подсолнечного масла в Германию в 2022 г. сократился. В прошлом году ФРГ импортировала 298,3 тыс. т масла², в 2021 г. – 347,6 тыс. т, в 2019 г. – 388,7 тыс. т. Однако объем импорта по-прежнему превышает показатели 2017 г.³

¹ Там же.

² Export- und Importmenge von rohem Sonnenblumenöl in Deutschland bis 2022. Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1296611/umfrage/import-export-sonnenblumenoel/> (дата обращения: 02.04.2023); Statistisches Bundesamt. Genesis-online. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=ergebnistabelleUmfang&levelindex=2&levelid=1680383573485&downloadname=51000-0013#abreadcrumb> (дата обращения: 2.04.2023).

³ Там же.

Несмотря на снижение закупок подсолнечного масла, немецкие потребители не столкнулись с нехваткой продукции: широкий ассортимент масел позволил части населения переориентироваться на другие виды продукции (рапсовое, оливковое и др.).

Украинский кризис только частично затронул обеспеченность сельского хозяйства кормами для скота. Большая часть кормов (95%)¹ производится в Германии, и только в белковых кормах страна зависит от импорта. Их значительную долю составляет жмых масличных культур (рапс и соя). Из таблицы 2 видно, что объем рапсового жмыха в 2022 г. действительно сократился. При этом поставки сои в 2021–2022 гг. сельскохозяйственном году продолжались в прежнем масштабе².

Серьезным вызовом для немецкой продовольственной безопасности стали не только сокращение поставок продукции, но и повышение стоимости и сокращение объема удобрений. По данным Федерального статистического агентства Германии в первой половине 2022 г. импорт удобрений снизился на 11%. При этом снижение объемов поставляемого в страну газа и повышение цены на голубое топливо привели к снижению производства удобрений.

По немецкому сельскому хозяйству и пищевой промышленности также ударило повышение цен на энергоносители. Для поддержки национального производства и минимизации негативного эффекта кризиса ФРГ прибегло к субсидированию и в 2022 г. выделило 120 млн евро в помощь частному сектору. Еще 60 млн евро получено из европейского фонда (не более 15 тыс. евро на одного предпринимателя). Переданные средства призваны снизить издержки от роста цен на отопление, электроэнергию, корма и удобрения³.

* * *

В связи с тем, что Германия добилась самообеспечения основными продуктами питания, в продовольственных стратегиях акцент сделан на развитии устойчивого сельского хозяйства, сокращении отходов, повышении качества продовольствия, а также помощь нуждающимся странам.

Важная задача для ФРГ – обеспечение разнообразного питания, т. к. страна покрывает потребности в овощах, фруктах, масличных культурах и масле, а также рыбе за счет импорта. Надежность поставок обеспечивается тем, что большая часть им-

¹ Woher kommt das Futter für unsere Nutztiere? Bundesinformationzentrum für Landwirtschaft. URL: <https://www.landwirtschaft.de/landwirtschaft-verstehen/haetten-sies-gewusst/tierhaltung/woher-kommt-das-futter-fuer-unsere-nutztiere> (дата обращения: 02.04.2023).

² Расчеты по: Tabellenübersicht Futteraufkommen 2021/22 (vorläufig), Futteraufkommen im Wirtschaftsjahr 2020/2021. URL: <https://www.bmel-statistik.de/landwirtschaft/tierhaltung/futtermittel> (дата обращения: 02.04.2023).

³ Hilfsprogramme für die Landwirtschaft. URL: <https://www.bmel.de/DE/themen/landwirtschaft/eu-agrarpolitik-und-foerderung/hilfsprogramme-fuer-die-landwirtschaft.html> (дата обращения: 02.04.2023).

порта фруктов и овощей поступает из стран ЕС. Слабым элементом продовольственной безопасности выступает импорт масла и масличных культур, которые в большем объеме поступают из третьих стран. Несмотря на беспокойства, выраженные весной 2022 г., поставки рапса в Германию не сократились, однако общие запасы культуры упали. Это позволяет предположить, что ФРГ рассчитывала на большие объемы импорта. Одновременно сократились поставки подсолнечного масла.

Большей проблемой для продовольственной системы ФРГ стали увеличение цен и сокращение поставок газа и удобрений, что вынудило Германию и ЕС оказать поддержку немецким фермерам. При этом проблемы с поставками газа сохраняются в Германии в начинающемся сельскохозяйственном году (2023–2024).

Вызовы, с которыми столкнулась ФРГ, побуждают страну продолжать выраженную в стратегических документах политику. Особую актуальность приобретают стратегия увеличения посадок белковых растений и повышение доли органического земледелия. Однако данные меры не смогут в короткий срок и в полном объеме решить существующие проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апанович М., Барабанов О., Кауфманн А., Маслова Е. (2022) *Изменение климата и продовольственная безопасность: ли нас продовольственный тоталитаризм*. Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва. 32 с.

Белов В.Б. (2022) Экономическая политика правительства Германии под влиянием украинского кризиса, *Европейский союз: факты и комментарии*. № 108. С. 32–37.

Белов В.Б., Котов А.В. (2023) Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер. *Общественные науки и современность*. № 2. С. 72–89.

Галищева Н.В. (2018) Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения. *Вестник МГИМО-Университета*. № 1(58). С. 148–168.

Добросоцкий В.И. (2019) *Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического Союза: мировой и региональные аспекты*. Одинцовский филиал МГИМО, Москва. 128 с.

Корнекова С.Ю., Мусникова М.В. (2016) Об опыте обеспечения продовольственной безопасности Германии. *Развитие экономики в нестабильной международной политической ситуации*. Под ред. Л.П. Совершаевой. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург. С. 141–145.

Кудинов В.В., Мухина Е.Г. (2021) Продовольственная безопасность в Европе: от права на обеспечение продовольствием до реализации права на достаточное питание (особенности экономико-правового обеспечения). *Правопорядок: история, теория, практика*. № 4(31). С. 122–131.

Набойщиковас Л. (2012) Продовольственная безопасность в рамках единой аграрной политики стран ЕС: развитие и перспективы. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. № 3. С. 109–112.

Ревенко Л.С., Петрова А.М. (2021) Роль ФАО в решении проблемы глобальной продовольственной безопасности. *Современные экономические процессы*. № 4. С. 18–37.

Ревенко Л.С., Пантелеева О.И., Исаченко, Т.М. (2019) Вопросы обеспечения продовольственной безопасности в Европе. *Современная Европа*. № 2. С. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019129141>

Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. (2022) Продовольственная безопасность Африки: недоедание и ожирение. *Азия и Африка сегодня*. № 5. С. 37–45.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2015) Продовольственная безопасность: проблемы оценки. *Вопросы экономики*. № 5. С. 63–78.

German Food Security in Times of Crisis

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

M.V. Khorolskaya*

Candidate of Sciences (Politics)

Research Associate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

***E-mail:** *khrolskaja.marya@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the German food security during the conflict in Ukraine. The study analyses the German food system resilience and the Ukrainian crisis impact on food security. The author aims to solve several scientific problems as well. The article examines the German understanding of food security and how the national concept corresponds to the approaches of international organisations. The author analyses the level of self-sufficiency in basic food products in Germany and the impact of the Ukrainian conflict on various imported food products. She examines official documents of the UN FAO, the government of Germany, and the Federal Ministry of Agriculture and Food to identify the conception of food security in Germany. The researcher scrutinises statistic data provided by the Federal Ministry of Food and Agriculture, the Federal Office for Food and Agriculture, the Federal Statistical Office and concludes about the level of German self-sufficiency in food. The interpretation of data data of fluctuations in the supply of oilseeds and oil reveals the effect of Ukrainian crisis on German food security as well. Official papers and statistic data analysis shows that Germany achieved self-sufficiency in basic food. The country focuses on strengthening the sustainability of agriculture and improving food quality in its national strategic papers. The weak element of food security is imports of oil and oilseeds, the supply of which declined in 2022. At the same time, raising prices and declining supplies of gas and fertilisers can become a serious threat to food security.

Key words: Germany, food security, food import, food export, oilseeds, fertilisers

DOI: 10.31857/S0201708323050054

EDN: xzwwfeb

REFERENCES

Apanovich M., Barabanov O., Kaufmann A., Maslova, E. (2022) *Izmenenie klimata i prodovol'stvennaya bezopasnost': zhdet li nas prodovol'stvennyi totalitarizm* [Climate Change and Food Security: Should We Expect Food Totalitarianism?], Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba 'Valdai', Moscow, Russia (In Russian).

Belov V.B. (2022) Jekonomicheskaja politika pravitel'stva Germanii pod vlijaniem ukrainskogo krizisa [Economic Policy of German Government amid Ukrainian Crisis], *Evropejskij sojuz: fakty i kommentarii*, 108, pp. 32–37. (In Russian).

Belov V.B., Kotov A.V. (2023) Jekonomicheskie svjazi ES i Rossii v uslovijah ogranichitel'nyh mer [Eu-Russia Economic Relations in condition of Restrictions], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2, pp. 72–89. (In Russian).

Dobrosockij V.I. (2019) *Obespechenie prodovol'stvennoj bezopasnosti v stranah Evrazijskogo jekonomicheskogo Sojuza: mirovoj i regional'nye aspekty* [Ensuring food security in the countries of the Eurasian Economic Union: global and regional aspects], Odincovskij filial MGIMO, Moscow, Russia. (In Russian).

Galishcheva N.V. (2018) Prodovol'stvennaya bezopasnost' v Yuzhnoj Azii: osnovnye problemy i puti resheniya [Food security in South Asia: main problems and solutions], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1(58), pp. 148–168. (In Russian).

Kornekova S.Yu., Musnikova M.V. (2016) Ob opyte obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Germanii [Ways of Ensuring Food Safety Germany], in Sovershaeva L.P. (ed.) *Razvitie ekonomiki v nestabil'noi mezhdunarodnoi politicheskoi situatsii*, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 141–145. (In Russian).

Kudinov V.V., Mukhina Ye.G. (2021) Food Security in Europe: from the Right to Food Security to the Realization of the Right to Adequate Food [Features of Economic and Legal Support], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 4, pp. 122–131. (In Russian).

Nabojszhikovas L. (2012) Prodovol'stvennaja bezopasnost' v ramkah edinoj agrarnoj politiki stran ES: razvitie i perspektivy [Food Security in the Framework of the Common Agricultural Policy of the EU Countries], *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova*, 3, pp. 109–112. (In Russian).

Revenko L.S., Petrova A.M. (2021) Rol' FAO v reshenii problemy global'noi prodovol'stvennoi bezopasnosti. [The Role of FAO in Tackling the Global Food Security Issue], *Sovremennye jekonomicheskie processy*, 4, pp. 18–37. (In Russian).

Revenko L.S., Panteleeva O.I., Isachenko T.M. (2019) Voprosy obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti v Evrope [European Regional Food Security Policy Regulation], *Sovremennaja Evropa*. 2, pp. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019129141>

Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko, N.S. (2022) Prodovol'stvennaya bezopasnost' Afriki: nedoedanie i ozhirenie [Africa's food security: Malnutrition and obesity], *Azija i Afrika segodnja*, 5, pp. 37–45. (In Russian).

Shagaida N.I., Uzun V.Ya. (2015) Prodovol'stvennaya bezopasnost': problemy otsenki [Food security: Problems of assessing], *Voprosy ekonomiki*, 5, pp. 63–78. (In Russian).

УДК 94

НИКОЛЯ САРКОЗИ И КРИЗИС ЕВРОЗОНЫ: ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА ЕС

© 2023 г. **МИХАЙЛОВ Дмитрий Юрьевич***

Кандидат исторических наук

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Начальник отдела Департамента лингвистического обеспечения

Чрезвычайный и полномочный посланник 2-го класса

Выпускник французской Национальной школы администрации

(l'ENA, 2002, promotion «Corpernic») и Парижского института

политических исследований (Science Po de Paris, 2000)

Дом 32/34, Смоленская-Сенная площадь, Москва, Россия, 119200

**E-mail: mikhailov_1ed@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.04.2023

После доработки 26.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В статье посредством анализа стратегии дипломатических действий и выявления целей и мотиваций осмыслен вклад президента Франции Н. Саркози в преодоление кризиса еврозоны в 2010 г. Спасение единой европейской валюты потребовало тесной координации усилий Парижа с Берлином. Несмотря на противоречия во взглядах на модальности реализации проекта европейского экономического правительства, франко-германский тандем сумел убедить партнеров по ЕС согласиться на принятие срочных мер, направленных на оздоровление практик управления государственными финансами. Под предлогом спасения Греции от дефолта, зоны евро от дезинтеграции, а Евросоюза от экономической дестабилизации президент Франции при поддержке канцлера ФРГ добился создания Европейского стабилизационного механизма и Европейского фонда финансовой стабильности – первых в ЕС автономных финансовых структур, напрямую управляемых брюссельской бюрократией. Созданные по инициативе Н. Саркози инструменты коллективного обеспечения финансовой стабильности Евросоюза до сих пор действуют согласно логике, предложенной Францией в разгар кризиса суверенной задолженности в еврозоне.

Ключевые слова: кризис еврозоны, Николя Саркози, европейская политика Франции, еврофедерализм, Европейский союз

DOI: 10.31857/S0201708323050066

EDN: xzxgri

Мировой финансовый кризис, острая фаза которого пришлась на осень 2008 г., весной 2010 г. второй волной ударил по Европе и спровоцировал коллапс в еврозоне, связанный с проблемой суверенной задолженности в ряде стран. В условиях возможного государственного банкротства Греции и серьезного разлада в управлении общественными финансами Испании, Португалии, Ирландии и Италии единая европейская валюта – одно из главных достижений евроинтеграции – оказалась под угрозой.

Причины, ход и последствия кризиса еврозоны глубоко и подробно осмыслены в научной литературе. Цель статьи – рассмотреть роль президента Франции Н. Саркози в урегулировании проблемы. Его вклад в спасение сначала Греции, а потом всей еврозоны академическое сообщество не обошло вниманием. В России эта тема затронута в монографиях крупнейших специалистов по современной Франции: Ю. И. Рубинского [Рубинский, 2011], Е. О. Обичкиной [Обичкина, 2012], Т. В. Зверевой [Зверева, 2014]. Данный сюжет рассмотрен французскими исследователями М. Алои, Ж. Дюфрено, Ф. Пекэн-Фейсоль [Aloy et al., 2017], П. Артю, И. Гравэ [Artus, Gravet, 2012], А. Брендером, Э. Ганя, Ф. Пизани [Brender et al., 2012], Ж. Далегр [Dalègre, 2013], Ж.-К. Гальбрейтом [Galbraith, 2016], Ж. Мистралем [Mistral, 2014]. В статье представлен взгляд на усилия Н. Саркози по урегулированию кризиса еврозоны через призму политической установки французского лидера на ускоренную федерализацию евростроительного проекта. Созданные в 2010 г. по инициативе президента Франции наднациональные механизмы обеспечения финансовой стабильности ЕС в несколько видоизмененном виде действуют до сих пор, а предложенная Н. Саркози антикризисная логика лежит в основе реагирования коммунитарного Брюсселя на вызовы финансово-экономического характера.

Роль международных рейтинговых агентств в кризисе еврозоны

Кредитный рейтинг государств определяют три ведущих международных рейтинговых агентства «Фитч Рейтингс» (*Fitch Ratings*), «Стандарт энд Пуэрз» (*Standard & Poor's, S&P*) и «Мудиз Инвестор Сервис» (*Moody's Investors Service*). В работе французского исследователя М. Роша доказано, что американские рейтинговые агентства сыграли важную роль в обострении долговых проблем еврозоны [Roche, 2011].

Бюджетный дефицит Греции по итогам 2009 г. составлял 13,6% ВВП. Однако у Ирландии он был выше – 14,3% ВВП. Греческий госдолг оценивался в 243 млрд евро (115,1% ВВП). При этом обладателем рекордной государственной задолженности в еврозоне являлась Италия (1 761 млрд евро, 115,8% ВВП). Опасно разбалансированы были общественные финансы Испании (бюджетный дефицит 11,2% ВВП, госдолг 53,2% ВВП) и Португалии (бюджетный дефицит 9,4% ВВП, госдолг 76,8% ВВП)¹.

¹ Дынкин А.А. (ред.) Кризис в зоне евро: причины и последствия для евроатлантического региона. Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI), июль 2010 г. Москва. ИМЭМО РАН. 2010. 34 с.

На этом фоне 8 декабря 2009 г. *Fitch Ratings* (якобы реагируя на статистический скандал с подтасовкой Афинами данных о состоянии госдолга и бюджета страны в октябре 2009 г.) понизило кредитный рейтинг Греции до уровня «BBB+» (обязательства ниже среднего качества). Вскоре *Moody's Investors Service* и *Standard & Poor's* опустили оценки кредитоспособности государства до аналогичных параметров.

9 апреля 2010 г. *Fitch Ratings* понизило суверенный рейтинг Греции до уровня «BBB-» (обязательства ниже среднего качества с выраженными признаками спекулятивных рисков). 23 апреля 2010 г. греческий премьер-министр Г. Папандреу обратился за финансовой помощью к руководству Евросоюза. В ответ 27 апреля 2010 г. *S&P* понизило кредитный рейтинг Афин сразу на три позиции до спекулятивного уровня «BB+». Кредитная ставка по среднесрочным займам (до 10 лет) для Греции превысила 10%¹. В тот же день на две позиции (с «A+» до «A-») агентство пересмотрело суверенный рейтинг Португалии.

11 апреля 2010 г. министры финансов зоны евро впервые обсудили план помощи Афинам² и приняли решение, что в случае необходимости³ предоставят 30 млрд евро в виде межгосударственных займов под льготную ставку в 5%. 2 мая 2010 г. после долгих переговоров Греция согласилась на драконовские меры по сокращению государственных расходов⁴. Взамен Брюссель обещал Афинам межгосударственные пятипроцентные кредиты на сумму в 110 млрд евро. Из них 80 млрд евро должны были предоставить страны еврозоны (Франция – 16,8 млрд евро), а 30 млрд евро Греции рекомендовалось занять у Международного валютного фонда (МВФ).

6 мая 2010 г. Н. Саркози совместно с канцлером ФРГ А. Меркель отреагировал на действия американских агентств: «Решение рейтингового агентства *Fitch* о понижении оценки качества греческого долга ... заставляет задуматься о роли рейтинговых агентств в разрастании кризиса... Мы должны поставить цель срочно провести исследование того, были ли решены задачи улучшения процесса определения рейтингов. В свете последних событий такое исследование должно предметно сосредоточиться на методах присвоения рейтингов суверенным долгам, модальностях коммуникации и распространения информации о рейтинговых изменениях,

¹ См.: Cedro J.-M. La dette grecque dégradé à «spéculative» par Standard and Poor's. // *Les Echos*. 27.04.2010. URL: <https://www.lesechos.fr/2010/04/la-dette-grecque-degradee-a-speculative-par-standard-ans-poops-439931> (дата обращения: 11.03.2023).

² Les ministres des finances de la zone euro ont précisé les modalités du plan d'aide à la Grèce. URL: <https://www.europaforum.public.lu/fr/actualites/2010/eurogroupe-grece/index.html> (дата обращения: 11.03.2023).

³ На тот момент Греция только информировала о возникших трудностях и отказывалась от межгосударственных займов в качестве помощи.

⁴ К 2014 г. Греция обязалась снизить бюджетный дефицит до 2,6% ВВП, а также начать сокращать объем госдолга. См. подробнее: Rabreau M. Accord entre l'UE, le FMI et la Grèce sur le plan d'aide. *Le Figaro*. 02.05.2010. URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/2010/05/02/04016-20100502ARTFIG00067-accord-entre-l-ue-le-fmi-et-la-grece-sur-le-plan-d-aide-.php> (дата обращения: 11.03.2023).

а также принимать в расчет возможную роль рейтинговых агентств в раздувании кризисов и их влияние на финансовую стабильность»¹.

Fitch Ratings не обратило внимания на демарш франко-германского тандема. 28 мая 2010 г. агентство понизило оценку платежеспособности Испании. Вслед за этим (14 июня 2010 г.) *Moody's Investors Service* пересмотрел кредитный рейтинг Греции еще на четыре позиции – с «A3» до «Ba1»².

Противостоять недобросовестной американской конкуренции, инструментом которой выступили мировые рейтинговые агентства, Евросоюз мог только сообща. Однако в европейском законодательстве со времен Ниццкого договора (2001 г.) содержался запрет на федерализацию бюджетно-финансовой сферы.

Запрет на коммунитаризацию бюджетно-финансовой сферы в законодательстве ЕС

В Договоре о функционировании Европейского союза (ДФЕС) прописан запрет на коммунитаризацию бюджетно-финансовой сферы Евросоюза. Параграф 1 статьи 123 ДФЕС гласит: «Европейскому центральному банку и национальным банкам государств-членов, далее именуемым “национальные центральные банки”, запрещается выдавать краткосрочные необеспеченные кредиты и любые другие типы кредитов институтам, структурам и органам Союза, центральным администрациям, региональным и местным властям, иным органам власти, иным организациям или государственным предприятиям государств-членов; также запрещено прямое приобретение у них Европейским центральным банком или национальными центральными банками их долговых обязательств». При этом параграф 2 статьи 122 ДФЕС уполномочивает Совет ЕС оказывать финансовую помощь «государству, столкнувшемуся с трудностями или с угрозой серьезных трудностей в случае естественных катастроф или чрезвычайных обстоятельств, не поддающихся его контролю»³. Во исполнение данного положения в ЕС с февраля 2002 г. существовал Фонд обеспечения стабильности платежных балансов объемом в 50 млрд евро⁴.

¹ Lettre conjointe de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mme Angela Merkel, Chancelière de la République Fédérale d'Allemagne, adressée à MM. Herman Van Rompuy, Président du Conseil européen, et José Manuel Barroso, Président de la Commission européenne, sur le soutien financier à la Grèce, le renforcement de la gouvernance économique de la zone euro et sur la régulation des marchés financiers, le 6 mai 2010. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-12070-fr.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).

² См.: Cedro J.-M. Grèce: Moody's dégrade la note de quatre crans // Les Echos. 14.06.2010. URL: <https://www.lesechos.fr/2010/06/grece-moodys-degrade-la-note-de-quatre-crans-441100> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/oj (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Европейский фонд экстренной финансовой помощи учрежден 18 февраля 2002 г. регламентом ЕС № 332/2002. Фонд был задействован один раз: в октябре 2008 г. Венгрии было предоставлено 6,5 млрд евро в качестве льготного займа.

В кризисе суверенных долгов еврозоны Н. Саркози увидел удобный повод для преодоления законодательного табу на федерализацию бюджетно-финансовой сферы ЕС. На заседании Европейского совета 25–26 марта 2010 г. с подачи Франции¹ учреждена рабочая группа по экономическому управлению под руководством его председателя Х. ван Ромпея, которой было поручено разработать программу реформирования Пакта стабильности и роста 1997 г. на предмет усиления ответственности стран за несоблюдение маастрихтских критериев (госдолг не выше 60% ВВП, бюджетный дефицит не выше 3% ВВП).

Утвержденный в Маастрихте стандарт не соблюдали почти все страны ЕС. Более того, Париж и Берлин на заседании Европейского совета 22–23 марта 2005 г. добились пересмотра применения критериев таким образом, чтобы к государствам-членам, нарушающим Пакт стабильности и роста, было практически невозможно применить реальные финансовые санкции².

Тем не менее в марте 2010 г. (когда маастрихтским критериям из 16 государств еврозоны полностью соответствовали только Люксембург и Финляндия³) с подачи Франции и ФРГ Европейский совет уполномочил «группу ван Ромпея» разработать «меры по улучшению механизмов урегулирования кризисов и совершенствованию бюджетной дисциплины посредством изучения всех возможных опций для укрепления существующей законодательной базы ЕС»⁴.

Франко-германский тандем в урегулировании кризиса еврозоны

Роль франко-германского тандема в урегулировании кризиса еврозоны подробно изучена как российскими (например, в фундаментальном исследовании О. В. Буториной [Буторина, 2020]), так и зарубежными учеными (К. Бэстэсин [Bastasin, 2012], Т. Геллегер [Gallagher, 2020], Ф. Хейнеманн [Heinemann, 2014]). Важные свидетельства представлены в воспоминаниях бывшего министра финансов Греции Й. Папаконстантину [Papakonstantinou, 2016]. Большинство работ спра-

¹ 24 марта 2010 г. в Елисейском дворце состоялся рабочий ужин Н. Саркози с Х. ван Ромпеем, в ходе которого председателю Евросовета было предложено возглавить рабочую группу по реформе экономического управления в ЕС. См. подробнее: UE: Sarkozy déjeune avec Van Rompuy. Le Figaro 24.04.2010. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2010/03/24/97001-20100324FILWWW00657-seisme-de-magnitude-51-en-turquie.php> (дата обращения: 25.03.2023).

² См. подробнее: Marini Ph. Rapport d'information No. 277 fait au nom de la Commission des finances, du contrôle budgétaire et des comptes économiques de la Nation du Sénat de la République Française, sur le Pacte de stabilité et de croissance. 31.03.2005. URL: <https://www.senat.fr/rap/r04-277/r04-2770.html> (дата обращения: 25.03.2023).

³ По итогам 2009 г. государственный долг самой крупной экономики Евросоюза — Германии — составлял 1 762 млрд евро, или 73,2% ВВП. Госдолг Франции был 1 489 млрд евро или 77,6% ВВП. Дынкин А.А. Кризис в зоне евро...

⁴ Conclusions du Conseil européen des 25-26 mars 2010. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/deocument/ST%207%202010%20INIT/FR/pdf> (дата обращения: 05.03.2023).

ведливо выводят на первый план фигуру А. Меркель как неоспоримого лидера в дуэте Берлин – Париж. В статье франко-германское сотрудничество по решению проблемы суверенной задолженности государств еврозоны рассмотрено с точки зрения интересов Франции.

Франция больше других стран была заинтересована в спасении Греции от банкротства. По данным Банка международных расчетов, в начале 2010 г. французские банкиры являлись самыми крупными держателями проблемных авуаров греческих финансовых учреждений (на сумму в 75,172 млрд долл. США)¹. Обесценивание долговых обязательств могло привести к коллапсу французской банковской системы. В Елисейском дворце понимали, что урегулирование кризиса суверенной задолженности еврозоны невозможно без тесной координации усилий двух крупнейших европейских экономик. 6 мая 2010 г. Н. Саркози пригласил А. Меркель в Париж для обсуждения вопроса. По итогам переговоров они направили совместное послание² Х. ван Ромпею и главе Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу, в котором изложен согласованный подход франко-германского тандема. Лидеры Германии и Франции предложили следующее:

- ужесточить бюджетный контроль в зоне евро, включающий санкции за нарушения Пакта стабильности и роста;
- расширить сферу применения контроля над исполнением рекомендаций Евросоюза в области экономической политики;
- в будущем создать рамки для урегулирования подобных кризисов на основании принципа бюджетной ответственности каждого государства-члена.

Во франко-германском документе намерено смешивались форматы Евросоюза и еврозоны, т. к. проблемы суверенной задолженности стран, использующих общую валюту, тандем с подачи Парижа намеревался решать с привлечением финансового ресурса ЕС.

7 мая 2010 г. в Брюсселе по настоянию Франции и ФРГ состоялся экстренный саммит еврозоны. Подводя его итоги, Н. Саркози заявил: «Главы государств и правительств зоны евро приняли очень важные решения. В них были воспроизведены все три приоритета, изложенные во франко-германском послании»³.

¹ Errard G. Les banques françaises très exposées à la dette grecque. // Le Figaro. 06.05.2010. URL: <https://www.lefigaro.fr/societes/2010/05/06/04015-20100506ARTFIG00561-l-exposition-des-banques-francaises-a-la-dette-grecque.php>

² Lettre conjointe de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mme Angela Merkel, Chancelière de la République Fédérale d'Allemagne, adressée à MM. Herman Van Rompuy, Président du Conseil européen, et José Manuel Barroso, Président de la Commission européenne, sur le soutien financier à la Grèce, le renforcement de la gouvernance économique de la zone euro et sur la régulation des marchés financiers, le 6 mai 2010. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-12070-fr.pdf> (дата обращения : 05.03.2023).

³ Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur la confirmation du plan de soutien financier à la Grèce et sur la mise en place d'un mécanisme européen d'intervention pour préserver la stabilisation financière en Europe, à Bruxelles le 8 mai 2010. URL : <https://www.vie-publique.fr/discours/178921-conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique> (дата обращения: 12.03.2023).

9 мая 2010 г. действующий председатель ЕС, премьер-министр Испании Р. Сапатеро созвал срочное заседание Совета ЕС по экономическим и финансовым вопросам (ЭКОФИН). В итоговом документе из трех приоритетов франко-германского тандема акцент сделан на создании нового Европейского стабилизационного механизма (ЕСМ). Вместо Европейского плана помощи Греции от 2 мая 2010 г. объявлено о намерении занять 60 млрд евро на внешних рынках под коллективные гарантии государств-членов. Выводы заседания ЭКОФИНа заканчивались фразой: «Представители правительств 27 государств-членов приняли решение уполномочить Комиссию действовать по запросу стран-участниц зоны евро в данном контексте»¹. Это означало, что Еврокомиссия будет осуществлять заем и распоряжаться заемными средствами. 12 мая 2010 г. на заседании совета министров Франции министр экономики К. Лагард пояснила суть договоренностей, достигнутых на заседании ЭКОФИНа: «Финансовое содействие со стороны Европейского союза позволяет в рамках Европейского стабилизационного механизма привлекать до 60 млрд евро... В практическом плане Еврокомиссия займет их на финансовых рынках под гарантии коммунитарного бюджета»².

Параллельно в еврозоне была создана временная (на три года) целевая структура (*ad hoc*) с правом занимать под коллективные гарантии здоровых экономик (с рейтингами не ниже уровня «ААА»³) до 440 млрд евро. В регламенте ЕС № 407/2010 от 11 мая 2010 г. она обозначена как Европейский фонд финансовой стабильности (ЕФФС)⁴ и представляла собой закрытое акционерное общество, оформленное как специальное юридическое лицо по праву Великого Герцогства Люксембург. Де-факто ЕФФС действовал под управлением Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), т. е. им распоряжалась коммунитарная структура (ЕИБ учрежден Договором о ЕС) в обход статьи 123 ДФЕС.

ЕСМ, помимо 60 млрд евро, занятых на внешних рынках Еврокомиссией, и 440 млрд евро, которые были привлечены под гарантии стран еврозоны в ЕФФС, включал также возможность заимствования 250 млрд евро под гарантии МВФ. Вместе это составляло невиданную по тем временам сумму в 750 млрд евро.

Вопрос о европейском экономическом правительстве

Франция и Германия выступили с единым планом спасения еврозоны, однако их подходы совпадали не полностью. Главное противоречие касалось взглядов на европейское экономическое правительство.

¹ Communiqué de presse № 9596/10. Conseil extraordinaire. Affaires économiques et financières. Bruxelles les 9 et 10 mai 2010. URL: <https://studylibfr.com/doc/1795134/9.-10.v.2010-conseil-de-l-union-europ%C3%A9enne-fr-9596-10> (дата обращения: 12.03.2023).

² Conseil des ministres du 12 mai 2010. Le mécanisme européen de stabilité financière. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/178954-conseil-des-ministres-du-12-mai-2010-le-mecanisme-europeen-de-stabilite> (дата обращения: 21.03.2023).

³ Основные гаранты заимствований ЕФФС – ФРГ (27%), Франция (20%), Италия (17,6%) и Испания (11,9%).

⁴ 1 июля 2013 г. ЕФФС интегрирован в Европейский механизм обеспечения стабильности.

Президент Франции исходил из того, что максимальным уровнем экономической интеграции в ЕС является участие в зоне евро. Соответственно, в общем экономическом правительстве нуждаются прежде всего страны, использующие единую европейскую валюту. В выступлении в Европарламенте 21 октября 2008 г. Н. Саркози изложил видение европейского экономического правительства следующим образом: «Не представляется возможным, чтобы зона евро продолжала существовать без ясно обозначенного экономического правительства... В моем понимании настоящее правительство Еврогруппы – это Еврогруппа, которая собирается на уровне глав государств и правительств»¹. Иначе говоря, под европейским экономическим правительством Н. Саркози подразумевал институционализацию саммитов зоны евро с последующим превращением их в постоянно действующую наднациональную структуру.

А. Меркель считала, что европейское экономическое управление (Берлин последовательно избегал термина «правительство») следует улучшать в масштабах всего Евросоюза, а не только зоны евро. Канцлер была принципиально против создания новых наднациональных структур, т. к. полагала, что Евросовет выступает оптимальной площадкой для углубленного обсуждения рассматриваемых вопросов².

Позиции Парижа и Берлина по модальностям организации европейского экономического правительства носили несовместимый характер, однако задача срочного спасения зоны евро диктовала необходимость компромисса.

14 июня 2010 г. Н. Саркози приехал в Берлин для согласования общего подхода емы. На итоговой пресс-конференции он признал: «Существует проблема соответствия наших подходов... Экономическое правительство, естественно, реализуется в рамках Европейского совета, состоящего из 27 членов, но мы согласились, что в случае необходимости 16 глав государств и правительств могут собираться для того, чтобы обсуждать в таком формате вопросы, касающиеся исключительно еврозоны. Я, как и госпожа Меркель, убежден, что решение проблем Европы кроется не в создании новых институтов, а в способности быстро и оперативно организовывать встречи, исходя из прагматической целесообразности... Мне кажется очень важным, что Франция и Германия в очередной раз смогли продемонстрировать единство взглядов»³. Н. Саркози не рискнул поставить под сомнение единство

¹ Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, devant le Parlement européen, sur l'action de la présidence française du Conseil de l'Union européenne, notamment la gestion du conflit russo-géorgien, la réaction à la crise financière internationale, le paquet énergie-climat, la politique d'immigration et les institutions communautaires, à Strasbourg le 21 octobre 2008. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/172678-declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-devant-le> (дата обращения: 07.03.2023).

² Leparmentier A. Angela Merkel refuse le gouvernement économique limité à la zone euro voulu par Nicolas Sarkozy. Le Monde. 15.06.2010. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2010/06/14/merkel-ne-satisfait-pas-aux-demandes-de-sarkozy-sur-la-gouvernance-economique-de-l-union_1372761_3214.html (дата обращения: 07.03.2023).

³ Conférence de presse conjointe de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mme Angela Merkel, Chancelière de la République fédérale d'Allemagne, sur la régulation des

франко-германского тандема накануне очередного саммита ЕС. По этой причине точка зрения А. Меркель возобладала на встрече лидеров Евросоюза 17 июня 2010 г.¹

21 июля 2010 г. в заседании совета министров Франции принял участие федеральный министр финансов ФРГ В. Шойбле. Он привез на согласование подготовленный Берлином очередной проект совместного франко-германского предложения по реформе европейского экономического правительства. К. Лагард так прокомментировала итоги переговоров с немецким коллегой: «Франция и Германия совместно предлагают:

– разработку всеми европейскими партнерами в течение первого семестра текущего года принципиальных подходов государств-членов к вопросам бюджетной политики и структурных реформ при полном уважении к полномочиям национальных парламентов;

– принятие государствами-членами национальных бюджетных правил, закрепляющих траекторию бюджетной консолидации и соответствующих европейским обязательствам в сфере общественных финансов;

– внимательное отношение к уровню и оценке долговых обязательств, а также к надежности механизмов бюджетного контроля;

– усиленный контроль над сбоями в обеспечении конкурентоспособности, структурными реформами, эволюцией задолженности частного сектора, а также над общей финансовой стабильностью»². Министр подчеркнула, что Франция и Германия совместно высказались за «ужесточение санкционных мер, например, посредством введения политических санкций, таких как временное лишение права голоса государств, регулярно и серьезным образом нарушающих свои обязательства по Пакту стабильности и роста»³.

Эта позиция легла в основу предложений рабочей группы по экономическому управлению под руководством Х. ван Ромпея, которые были одобрены на заседании Евросовета 29 октября 2010 г.: «В развитие выводов доклада рабочей группы и в целях обеспечения длительного и сбалансированного роста главы государств и правительств договорились о том, что государства-члены должны учредить постоянно действующий механизм кризисного реагирования для обеспечения финансовой стабильности зоны евро, и призывают председателя Европейского совета начать с членами Европейского совета консультации по необходимому для этого

marchés financiers, la crise au sein de la Zone euro et sur les relations franco-allemandes, à Berlin le 14 juin 2010. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/179262-conference-de-presse-conjointe-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-re> (дата обращения: 10.03.2023).

¹ Communiqué de la Présidence de la République sur les conclusions du Conseil européen du 17 juin 2010. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/179323-communication-de-la-presidence-de-la-republique-sur-les-conclusions-du-cons> (дата обращения: 10.03.2023).

² Intervention de Mme Christine Lagarde, ministre de l'Économie, de l'industrie et de l'emploi lors de la cession du Conseil des ministres du 21 juillet 2010 sur la contribution franco-allemande au groupe van Rompuy. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/179603-conseil-des-ministres-du-21-juillet-2010-la-contribution-franco-alleman> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Там же.

ограниченному изменению Договоров о Европейском союзе, не затрагивая статью 125 Договора о функционировании Европейского союза»¹.

Таким образом, летом 2010 г. франко-германское противоречие по вопросу европейского экономического правительства было преодолено ценой тактической капитуляции Парижа. Однако по итогам встречи глав государств и правительств зоны евро 26 октября 2011 г. саммиты еврозоны приобрели регулярный характер, как хотел Н. Саркози. Также был учрежден пост председателя правительства еврозоны², на чем настаивал Париж.

Выводы

Президент Франции Н. Саркози в тесном взаимодействии с канцлером ФРГ А. Меркель сыграл ведущую роль в преодолении кризиса суверенной задолженности государств еврозоны летом – осенью 2010 г. Причина заключалась в том, что французский банковский сектор был теснее прочих связан с кредитно-финансовыми учреждениями Греции, чьи проблемы стали основным триггером коллапса. Французский лидер увидел в долговом кризисе еврозоны возможность для коммунитаризации эксклюзивной компетенции государств-членов – бюджетно-финансовой сферы. Как убежденный еврофедералист он решил воспользоваться шансом для дальнейшей федерализации евроинтеграционного проекта.

Н. Саркози исходил из необходимости наделения ЕС коллективными средствами реагирования на экономические вызовы глобального масштаба, несмотря на законодательный запрет на их создание. Учрежденные в мае 2010 г. по инициативе президента Франции ЕСМ и ЕФФС к октябрю 2010 г. стали постоянно действующими структурами Евросоюза. Сегодня они финансируются посредством внешних займов ЕС под коллективные гарантии государств-членов и под фактическим управлением Еврокомиссии, несмотря на запрет в коммунитарном законодательстве.

Предложенная в 2010 г. президентом Франции логика антикризисного финансового реагирования до сих пор лежит в основе стратегии ЕС по противодействию глобальным вызовам, имеющим экономическую составляющую (например, миграционный кризис 2015 г., пандемия *COVID-19*). Под предлогом борьбы с коронавирусом Еврокомиссию уполномочили занять сумму в один трлн долл. США. В результате в 2020 г. у Брюсселя оказались средства, почти в пять раз превышающие официальный годовой бюджет ЕС. Это было бы невозможно без предпринятых по инициативе Н. Саркози и при поддержке А. Меркель шагов по федерализации бюджетно-финансового сектора Евросоюза.

¹ Conclusions du Conseil européen sur le groupe de travail sur la gouvernance économique, le Sommet du G20 à Séoul, la Conférence de Cancun sur le changement climatique et sur les sommets avec les pays tiers, le 29 octobre 2010. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/180381-conclusions-du-conseil-europeen-sur-le-groupe-de-travail-sur-la-gouverna> (дата обращения: 14.03.2023).

² Déclaration du Sommet de la zone euro (26 octobre 2011). URL: https://www.cvce.eu/obj/declaration_du_sommet_de_la_zone_euro_26_octobre_2011-fr-dcaf443b-46eb-4861-b03d-ceda070dfb39.html (дата обращения: 10.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буторина О.В. (2020) *Экономическая история евро*. Весь мир, Москва. 576 с.
- Зверева Т.В. (2014) *Внешняя политика современной Франции*. Канон-Плюс, Москва. 344 с.
- Рубинский Ю.И. (2011) *Франция. Время Саркози*. Международные отношения, Москва. 320 с.
- Обичкина Е.О. (2012) *Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози*. Аспект Пресс, Москва. 382 с.
- Aloy M., Dufrenot G., Péquin-Feissolle Ph. (2017) *Austérité budgétaire : remède ou poison ? La zone euro à l'épreuve de la crise*. Atlante, Paris, France. 349 p.
- Artus P., Gravet I. (2012) *La Crise de l'euro. Comprendre les causes. En sortir par de nouvelles institutions*. Armand Colin, Paris, France. 208 p.
- Bastasin C. (2012) *Saving Europe. How National Politics Nearly Destroyed the Euro*. Brookings Institution Press, Washington, USA. 405 p.
- Brender A., Gagna E., Pisani F. (2013) *La crise des dettes souveraines*. La Découverte, Paris, France. 126 p.
- Dalègre J. (2013) Regards sur la "crise" grecque. Harmattan, Paris, France. 260 p.
- Galbraith J.-K. (2016) *Crise grecque, tragédie européenne*. Seuil, Paris, France. 243 p.
- Gallagher T. (2020) *Europe's path to crisis. Disintegration via Monetary Union*. Manchester University Press, Manchester, UK. 257 p.
- Heinemann F. (2014) Germany: Constraints in the Crisis. *Europe in Crisis. Europe's Future*. Ed. by K. Derviş, J. Mistral. Brookings Institution Press, Washington, USA. P. 110–133.
- Mistral J. (2014) France: Part of the Solution or Part of the Problem? *Europe in Crisis. Europe's Future*. Ed. by K. Derviş, J. Mistral. Brookings Institution Press, Washington, USA. P. 93–109.
- Papaconstantinou G. (2016) *Game Over. The Inside Story of the Greek Crisis*. Kindle Edition, London, UK. 334 p.
- Roch M. (2011) *Le capitalisme hors la loi*. Albin Michel, Paris, France. 269 p.

**Nicolas Sarkozy and the Eurozone Crisis:
Federalisation of the EU Budget and Finance Sector**

D.Yu. Mikhaylov*

Candidate of Sciences (History)

Head of Division, Department of Linguistic Support, Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the Second Class.

*Graduate of the National School of Administration (l'ENA, 2002, promotion «Copernic»)
and the Institute of Political Studies in Paris (Science Po de Paris, 2000).*

32/34, Smolenskaya-Sennaya square, Moscow Г-200, Russia, 119200

***E-mail:** mikhaylov_led@mail.ru

Abstract. The article explores President of France N. Sarkozy's contribution to overcoming the eurozone crisis in 2010 by analyzing the strategy of his diplomatic actions, as well as identifying the goals and motivations underlying them. The rescue of the European currency required a close coordination between Paris and Berlin. Despite differing views on the practical modalities related to the implementation of the European Economic Government project, the Franco-German tandem managed to convince the

EU partners to take immediate action aimed at improving public financial management practices. Under the pretext of saving Greece from default, the euro zone from disintegration, and the European Union from economic destabilisation, the President of France, with the support of the German Chancellor, achieved the creation of the European Stabilization Mechanism and the European Financial Stability Fund, which were the first autonomous financial structures in the European Union to be managed directly by the bureaucracy in Brussels. Nicolas Sarkozy initiated the EU financial stability collective tools, which are still operating in the EU and functioning in accordance with the logic proposed by France in the midst of the eurozone public debt crisis.

Key words: eurozone crisis, Nicolas Sarkozy, French European policy, eurofederalism, European Union

DOI: 10.31857/S0201708323050066

EDN: xzxgri

REFERENCES

- Aloy M., Dufrenot G., Péquin-Feissolle Ph. (2017) *Austérité budgétaire: remède ou poison? La zone euro à l'épreuve de la crise*, Atlante, Paris, France.
- Artus P., Gravet I. (2012) *La Crise de l'euro. Comprendre les causes. En sortir par de nouvelles institutions*, Armand Colin, Paris, France.
- Bastasin C. (2012) *Saving Europe. How National Politics Nearly Destroyed the Euro*, Brookings Institution Press, Washington, USA.
- Brender A., Gagna E., Pisani F. (2013) *La crise des dettes souveraines*, La Découverte, Paris, France.
- Butorina O.V. (2020) *Ekonomicheskaya istoriya evro* [Economic History of the Euro], Vies Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Dalègre J. (2013) *Regards sur la « crise » grecque*, Harmattan, Paris, France.
- Galbraith J.-K. (2016) *Crise grecque, tragédie européenne*, Seuil, Paris, France.
- Gallagher T. (2020) *Europe's path to crisis. Disintegration via Monetary Union*, Manchester University Press, Manchester, UK.
- Heinemann F. (2014) Germany: Constraints in the Crisis, in Derviş K., Mistral J. (ed.) *Europe in Crisis. Europe's Future*, Brookings Institution Press, Washington, USA, pp. 110–133.
- Mistral J. (2014) *France: Part of the Solution or Part of the Problem?*, in Derviş K., Mistral J. (ed.) *Europe in Crisis. Europe's Future*, Brookings Institution Press, Washington, USA, pp. 93–110.
- Obitchkina E.O. (2012) *Vneshnyaya politika Francii ot de Gollya do Sarkozi* [French Foreign Policy from de Gaulle to Sarkozy], Aspect Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Papaconstantinou G. (2016) *Game Over. The Inside Story of the Greek Crisis*, Kindle Edition, London, UK.
- Roch M. (2011) *Le capitalisme hors la loi*, Albin Michel, Paris, France.
- Rubinsky U.I. (2011) *Franciya. Vremya Sarkozi* [France. Sarkozy's Time], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia. (In Russian).
- Zvereva T.V. (2014) *Vneshnyaya politika sovremennoj Francii* [Foreign Policy of Modern France], Canon Plus, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327, 328.1

ДАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ И ПАРЛАМЕНТЕ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

© 2023 г. ГРИГОРЬЕВА Оксана Владимировна*

Кандидат политических наук, доцент

*Кафедра европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный
Университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9*

**E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com*

© 2023 г. ПЛЮСНИН Никита Олегович**

*Аспирант, Кафедра европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный
университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9*

***E-mail: n.plyusnin@spbu.ru*

Поступила в редакцию 20.03.2023

После доработки 26.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Растущее число коалиционных правительств в европейских государствах, многие из которых являются правительствами меньшинства, ставит вопросы об особенностях их формирования и функционирования. Королевство Дания, где подобные правительства давно стали частью политической повседневности, позволяют выявить основные особенности распределения портфелей в правительстве и Фолькетинге в сфере внешней политики. Королевство представляет собой один из наиболее успешных в мировом опыте примеров сотрудничества правительства и парламента в сфере внешней политики и обороны. В статье проанализированы механизмы и факторы распределения внешнеполитических портфелей в 2001–2023 гг. с учетом сменявших друг друга синего и красного партийных блоков. Применены различные теории формирования коалиций и распределения портфелей в коалиционных правительствах для объяснения характерных черт распределения постов и должностей на том или ином историческом этапе. Кроме того, учтены особенности развития датской политической системы на современном этапе, основные тренды и перспективы ее развития. Сделан вывод, что при распределении портфелей в правительстве предпочтение отдается младшим партнерам по коалиции, в парламенте – старшим партнерам; учитывается

мнение Датской народной партии без ее включения в состав правительства; выбор делается в пользу популярных и авторитетных политиков, составляющих внешнеполитическую элиту Дании; функционирование комитета по международным делам Фолькетинга обеспечивает баланс сил в парламенте по вопросам внешней политики и обороны. Стратегии формирования коалиции и распределения портфелей в сфере иностранных дел значительно не различаются у синего и красного блоков, а следуют одной и той же логике, направленной на поддержание стабильности правительства меньшинства.

Ключевые слова: коалиционное правительство, распределение портфелей, анализ внешней политики, процесс принятия решений, Дания, Фолькетинг, синий блок, красный блок

DOI: 10.31857/S0201708323050078

EDN: xjwohy

Многообразие партийных систем современных европейских государств и идейное дробление обществ приводят к нормализации коалиционного характера правительств в парламентских демократиях. Этот тренд наблюдается в странах Старого Света последние двадцать лет [Швейцер, 2020] и особенно заметен в северо-европейских государствах, в частности в Дании, где коалиционные правительства меньшинства давно стали частью политической повседневности. Ключевым при создании коалиции выступает распределение портфелей как в правительстве, так и в важнейших парламентских комитетах. Цель статьи – выявить особенности распределения постов в правительстве и Фолькетинге¹ в сфере внешней политики в Дании в XXI в. (2001–2023 гг.). Теоретической основой исследования выступает ряд моделей анализа распределения министерских портфелей и позиций в парламентских комитетах. В статье продемонстрировано, как различные конфигурации в правительственных коалициях влияют на расстановку сил в сфере принятия внешнеполитических решений. Это обретает особую теоретическую и практическую значимость ввиду диспропорции между количеством успешно функционирующих коалиционных правительств (зачастую правительств меньшинства) и числом академических работ, посвященных причинам успеха данных коалиций. В Дании внешняя политика давно перестала быть исключительной прерогативой исполнительной власти и формируется как членами правительства, так и депутатами парламента [Могунова, 2001]. Датский случай позволяет по-новому взглянуть на процесс формирования коалиции.

Внешняя политика коалиционных правительств: теоретические аспекты

В связи с тем, что коалиционные правительства становятся политической повседневностью европейских парламентских демократий, растущее число академических исследований посвящено механизмам формирования коалиций. В большей

¹ Парламент Дании. – прим. ред.

части публикаций рассмотрены правительства большинства и коалиции, обеспечивающие поддержку большинства в общенациональном законодательном органе [Bassi, 2017]. Правительства большинства более автономны и самостоятельны в процессе принятия решений, в то время как правительствам меньшинства нужно постоянно учитывать позиции различных фракций в парламенте. Кроме того, исследователи зачастую фокусируются на узком понимании коалиции как совокупности партий, входящих в правительство, однако стабильность и успех правительств меньшинства (что часто противоречит прогнозам аналитиков) во многом основываются на расширенной коалиции, которая включает партии, поддерживающие коалицию или занимающие нейтральную позицию [König, Lin, 2021].

В теории распределения портфелей обычно анализируют конфигурацию распределения сил в коалиции или взаимоотношения партий друг с другом и с оппозиционным блоком. Исследователи также оценивают, каким образом передача портфеля влияет на общую коалиционную политику и повестку конкретного министерства [Bassi, 2017]. Таким образом, важно учитывать количественные и качественные характеристики коалиции. Т. Кёниг и Н. Лин дополняют эту модель: выбор партнера по коалиции влияет не только на политику правительства и единство коалиции, но и на восприятие правительства поддерживающими и нейтральными партиями [König, Lin, 2021].

Эффективную модель предлагают К. Опперман и К. Брюмер. Они рассматривают распределение портфеля министра иностранных дел в различных коалиционных правительствах на современном этапе. Исследователи утверждают, что наиболее важными условиями, при которых пост главы внешнеполитического ведомства достается младшему партнеру по коалиции (наиболее частый случай в датских правительствах последних десятилетий), выступают численность партии-партнера и опыт пребывания в правительстве, в т. ч. на посту министра иностранных дел. Обычно оба условия должны выполняться вместе [Oppermann, Brummer, 2018].

Распределения портфелей в сфере датской внешней политики (2001–2023)

В отношении датского правительства на современном этапе действует принцип «негативного парламентаризма»: Фолькетинг не должен вынести вотума недоверия правительству или отдельному министру [Исаев, 2002: 147]. Таким образом, создается рычаг прямого давления парламента на исполнительную власть. Однако процедурная сложность инициирования голосования по вопросу о недоверии кабинету или его члену уравнивает силы сторон и оставляет исполнительной власти возможность договориться с депутатами законодательного органа в неформальном порядке. Ввиду важности поддержки курса кабинета министров Фолькетингом правительство никогда не будет представлять предложения или принимать решения в парламенте без поддержки большинства депутатов [Strøm, 1990].

К началу XXI в. в Дании окончательно сложились два партийных блока: левый красный и правый синий, в которых крупнейшими являются Социал-демократическая партия Дании (СДПД) и Либеральная партия Венстре (Венстре)

соответственно. [Green-Pedersen, Kosiara-Pedersen, 2020]. Правительственную коалицию обычно составляют две–три партии, имеющие поддержку порядка трех–четырёх датских партий наряду с гренландскими и фарерскими, примыкающими к тому или иному блоку.

Один из этапов построения правительственной коалиции – распределение портфелей в правительстве. Традиционно министерства (в первую очередь министерство иностранных дел) обладали широкой автономией: общую линию определяет коалиционное соглашение, а не глава кабинета. Это связано с установленной конституцией личной ответственностью перед парламентом каждого министра и отсутствием понятия коллективной ответственности правительства в основном законе¹. Однако с 1990-х гг. наметились тенденции к президентализации должности премьер-министра, к активному присвоению внешнеполитической повестки главой кабинета, а также к централизации власти и политической воли в датских правительствах [Hansen, 2020]. Это выразалось в возрастающей роли координационных комитетов, усилении контроля со стороны канцелярии премьер-министра и министерства финансов. Именно этими изменениями в процессе принятия решений многие авторы объясняют возросшую устойчивость коалиционных правительств, что стало особенно заметно после выборов 2001 г., когда А.Ф. Расмуссен начал так называемый системный сдвиг (*systemskifte*) в датской политике, приведший к формированию ныне действующих правил игры [Vestermark Køber, 2022]. Тем не менее пост министра иностранных дел остается одним из ключевых при формировании правительственной коалиция. От того, какая партия получит этот портфель, зависит не только общий курс внешней политики, но и во многом целостность всей коалиции.

Наряду с распределением министерских портфелей необходимо также принимать во внимание распределение должностей в парламентских постоянных комитетах [Hansen, 2019]. В сфере внешней политики нужно учитывать, кто будет избран на посты заместителя председателя и председателя комитета по международным делам – конституционно установленного органа парламентского контроля. Без консультации с комитетом не может быть принято ни одно ключевое решение в сфере иностранных дел [Jensen, 2001].

В статье рассмотрены распределение портфелей в период 2001–2023 гг., а также факторы и причины, обусловившие конфигурации сил в правительстве и парламенте.

Объекты исследования – десять датских кабинетов: три под управлением А.Ф. Расмуссена (2001–2009 гг.), два под управлением Х. Торнинг-Шмидт (2011–2015 гг.), три под управлением Л.Л. Расмуссена (2009–2011, 2015–2019 гг.) и два под управлением М. Фредериксен (2019 – н. в.)². Во всех правительствах А.Ф. Расмус-

¹ Конституция Датского Королевства от 5 июня 1953 года. Конституции государств Европейского союза. Под ред. Л.А. Окунькова. Москва. Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА. 1997. С. 295–314.

² Regeringer siden 1848. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/> (дата обращения: 14.03.2023).

сена (2001–2009 гг.)¹ и первом правительстве Л.Л. Расмуссена (2009–2011)² министрами были представители Венстре и Консервативной народной партии (КНП). Первое правительство Х. Торнинг-Шмидт (2011–2014) сформировали СДПД, Радикальная Венстре (РВ), или Социал-либеральная партия Дании, и Социалистическая народная партия (СНП)³. Второе правительство Х. Торнинг-Шмидт (2014–2015) состояло из СДПД и РВ⁴. Второе правительство Л.Л. Расмуссена (2015–2016) являлось однопартийным кабинетом Венстре, что стало революционным событием в современной политической истории Дании⁵. Под угрозой вотума недоверия в ноябре 2016 г. создана коалиция Венстре, «Либерального Альянса» (ЛА) и КНП для формирования третьего правительства Л.Л.Расмуссена (2016–2019)⁶. Первое правительство М. Фредериксен (2019–2022) было однопартийным кабинетом СДПД⁷. Во второе (2022 – н. в.) вошли СДПД, Венстре и «Умеренные»⁸. Наряду с третьим правительством А. Йоргенсена (1978–1979) это единственное правительство большой, или широкой, коалиции СДПД и Венстре после правительств согласия времен Второй мировой войны⁹.

В таблице 1 представлено, каким образом распределены портфели в правительстве и в парламенте в сфере внешней политики в изучаемый период.

Министр иностранных дел во всех трех правительствах А.Ф. Расмуссена (2001–2009) – виднейший представитель КНП П.С. Мёллер. Он пользовался популярностью как среди политических элит, так и среди населения. Это стало причиной выбора при распределении портфелей в коалиции. Популярность и большой политический опыт обеспечили П.С. Мёллеру долголительство в правительстве.

¹ Regeringen Anders Fogh Rasmussen I. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-anders-fogh-rasmussen-i/> (дата обращения: 14.03.2023); Regeringen Anders Fogh Rasmussen II. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-anders-fogh-rasmussen-ii/> (дата обращения: 14.03.2023); Regeringen Anders Fogh Rasmussen III. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-anders-fogh-rasmussen-iii/> (дата обращения: 14.03.2023).

² Regeringen Lars Løkke Rasmussen I. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-lars-loekke-rasmussen-i/> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Regeringen Helle Thorning-Schmidt I. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-helle-thorning-schmidt-i/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴ Regeringen Helle Thorning-Schmidt II. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-helle-thorning-schmidt-ii/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁵ Regeringen Lars Løkke Rasmussen II. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-lars-loekke-rasmussen-ii/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁶ Regeringen Lars Løkke Rasmussen III. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-lars-loekke-rasmussen-iii/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁷ Regeringen Mette Frederiksen I. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-mette-frederiksen-i/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁸ Regeringen Mette Frederiksen II. URL: <https://www.stm.dk/regeringen/regeringer-siden-1848/regeringen-mette-frederiksen-ii/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁹ Pedersen M.L., Bugge M. S og V skal i regering sammen for første gang i over 40 år. DR. 14.12.2022. URL: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/s-og-v-skal-i-regering-sammen-foerste-gang-i-over-40-aar> (дата обращения: 14.03.2023).

Таблица 1

**Распределение портфелей в правительстве и парламенте в сфере
внешней политики в 2001–2023 гг.**

Премьер-министр	Министр иностранных дел	Председатель комитета по международным делам	Заместитель председателя комитета по международным делам
А.Ф. Расмуссен (2001–2009) <i>Blå*</i>	П.С. Мёллер (2001–2010) <i>Blå*</i>	Й.Х. Мадсен (2001–2006) <i>Blå*</i>	Й. Кофод (2001–2008) <i>Rød**</i>
Л.Л. Расмуссен (2009–2011) <i>Blå*</i>		Г.Л. Бек (2006–2010) <i>Blå*</i>	М. Люккетогфт (2009–2011) <i>Rød**</i>
	Л. Эсперсен (2010–2011) <i>Blå*</i>	Э. К. Хансен (2010–2011) <i>Blå*</i>	
Х. Торнинг-Шмидт (2011–2015) <i>Rød**</i>	В. Сёвдаль (2011–2013) <i>Rød**</i>	Й. Кофод (2011–2013) <i>Rød**</i>	С. Эсперсен (2011–2015) <i>Blå*</i>
	Х. Нильсен (2013–2014) <i>Rød**</i>	М. Гьерсков (2013–2015) <i>Rød**</i>	
	М. Лидегорд (2014–2015) <i>Rød**</i>		
Л.Л. Расмуссен (2015–2019) <i>Blå*</i>	К. Йенсен (2015–2016) <i>Blå*</i>	С. Эсперсен (2015–2019) <i>Blå*</i>	Н. Хэккеруп (2015–2019) <i>Rød**</i>
	А. Самюэльсен (2016–2019) <i>Blå*</i>		
М. Фредериксен (2019 – н. в.) <i>Rød**</i>	Й. Кофод (2019–2022) <i>Rød**</i>	М. Лидегорд (2019–2022) <i>Rød**</i>	М. Кнут (2019–2020) <i>Blå*</i>
			М.О. Йенсен (2020–2022) <i>Blå*</i>
	Л.Л. Расмуссен (2022 – н. в.) <i>Rød**</i>	М.О. Йенсен (2022 – н. в.) <i>Blå*</i>	Х. Даль (2022 – н. в.) <i>Blå*</i>
* синяя правая партийная коалиция; ** красная левая партийная коалиция.			

Составлено на основе данных официального сайта Канцелярии премьер-министра Королевства Дания. URL: <https://www.stm.dk/> (дата обращения: 14.03.2023) и сайта Фолькетинга Королевства Дания. URL: <https://www.ft.dk/> (дата обращения: 14.03.2023).

Он сохранил пост в первом правительстве Л.Л. Расмуссена (2009–2011), однако в 2010 г. ввиду кадровых перестановок в преддверии выборов был назначен министром по делам культуры и церкви. Набившая обороты критика Иракской войны, участие в которой непосредственно связано с П.С. Мёллером, делала его нахождение во главе внешнеполитического ведомства нежелательным. Политику была доверена сфера, в которой он сохранял авторитет и поддержку населения (П.С. Мёллер долгое время работал на Датском радио). Кресло министра иностранных дел получила Л. Эсперсен, председатель КНП, занимавшая различные должности в кабинетах обоих Расмуссенов. Это должно было укрепить единство синего блока и лояльность младших партнеров.

Представитель старшего партнера правящей коалиции чаще всего занимает должность председателя комитета по международным делам, а оппозиционной партии – заместителя председателя для создания системы сдержек и противовесов. В период 2001–2011 гг. пост председателя занимали важные функционеры Венстре, имевшие как опыт членства в Европейском парламенте и межпарламентских объединениях, так и занимавшие различные посты в правительстве, включая министерские. Заместителями были не менее видные представители СДПД Й. Кофод, спикер партии по вопросам внешней политики с 2000 по 2013 гг.¹, и М. Люкке-тофт, министр иностранных дел Дании с 2000 по 2001 гг., председатель партии с 2001 по 2005 гг. и спикер по вопросам внешней политики с 2005 по 2009 гг.²

В первом правительстве Х. Торнинг-Шмидт (2011–2014) портфель министра иностранных дел был отдан Социалистической народной партии – второму младшему партнеру в коалиции. Подобное решение объясняется рядом факторов. Во-первых, разница в мандатах СНП и РВ составляла одно депутатское место³, поэтому они выступали равными младшими партнерами СДПД. Во-вторых, с помощью высокой популярности председателя Социалистической народной партии В. Сёвндаля глава правительства хотела заручиться поддержкой населения и политических элит. После его отставки с постов министра и председателя партии из-за проблем со здоровьем внешнеполитическое ведомство возглавил Х. Нильсен, бывший министр по налогам и председатель СНП в 1991–2005 гг. Выбор был сделан в пользу авторитетного и популярного политика, а не нового лидера Социалистической народной партии А. Вильгельмсен, обладавшей неоднозначной репутацией.

Поддержка частичной приватизации энергетической компании «Донг Энерджи» (*DONG Energy*) со стороны СНП стоила значительных репутационных издержек, что вынудило партию выйти из правительственной коалиции⁴. Второе правительство Х. Торнинг-Шмидт (2014–2015) состояло только из СДПД и РВ. Министром иностранных дел стал М. Лидегорд из РВ, ранее занимавший пост министра энергетики, строительства и климата. В этой должности ему удалось добиться принятия самых экологичных не только в ЕС, но и мире норм энергопотребления. Однако М. Лидегорд также не смог избежать крупного политического скандала в связи с принятием новых норм перехода на солнечную энергию⁵. Назначение должно было способствовать росту поддержки правительства со стороны как населения, так и политических элит, обеспокоенных деструктивными трендами в красном блоке.

¹ Jeppe Kofod. URL: https://denstoredanske.lex.dk/Jeppe_Kofod (дата обращения: 14.03.2023).

² Mogens Lykketoft. URL: https://denstoredanske.lex.dk/Mogens_Lykketoft (дата обращения: 14.03.2023).

³ Folketingsvalg torsdag 15. september 2011. Resultater - Hele landet. URL: <https://www.dst.dk/valg/Valg1204271/valgopg/valgopgHL.htm> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴ Sørensen J., Abildtrup U. SF i dyb krise efter ja til salg af Dong. DR. 30.01.2014. URL: <https://www.dr.dk/ligetil/indland/sf-i-dyb-krise-efter-ja-til-salg-af-dong> (дата обращения: 14.03.2023).

⁵ Martin Lidegaard bliver ny udenrigsminister. Information. 02.02.2014. URL: <https://www.information.dk/indland/2014/02/martin-lidegaard-ny-udenrigsminister> (дата обращения: 14.03.2023).

Председателями комитета по международным делам Фолькетинга являлись видные члены СДПД Й. Кофод, выстраивавший карьеру в межпарламентских и межправительственных организациях и объединениях (избранный затем депутатом Европейского парламента), и М. Гьерсков, входившая в ближайший круг премьер-министра и обеспечивавшая поддержку курса кабинета министров в важнейшем парламентарском комитете. Пост заместителя председателя комитета неизменно занимал С. Эсперсен, спикер Датской народной партии (ДНП) по делам внешней политики. Если синие правительства обоих Расмуссенов опирались на поддержку ДНП, то красное правительство Х. Торнинг-Шмидт хотело заручиться нейтралитетом крайне правых и сохранить возможность сотрудничества по ряду вопросов.

В однопартийном втором кабинете Л.Л. Расмуссена (2015–2016) кресло министра иностранных дел досталось К. Йенсену, вице-председателю партии Венстре и правой руке Л.Л. Расмуссена. Во втором коалиционном правительстве Л.Л. Расмуссена (2016–2019) сильнейшим младшим партнером выступал ЛА, поэтому внешнеполитическое ведомство возглавил председатель партии А. Самюэльсен. Он был хорошо известен в общеевропейских институтах как депутат Европейского парламента в 2004–2007 гг. и член правления Альянса либералов и демократов за Европу. Однако с момента создания партии в 2007 г. А. Самюэльсен являлся убежденным евроскептиком и выступал с критикой ЕС и пределов интеграции¹. Такая неоднозначная фигура должна была послать различные сигналы как внутри страны, так и за ее пределами: Дания продолжала быть частью европейской семьи, однако была готова проявлять волю в ряде вопросов, включая общую миграционную политику, которая являлась одним из ключевых вопросов в ходе выборов 2015 г.

Комитет по международным делам возглавил не представитель старшего партнера в коалиции, а представитель второй по численности партии Фолькетинга – Датской народной партии². Поддержка ДНП не одно десятилетие выступала ключевой для правительств синего блока, что обуславливало необходимость позиционного поощрения партнера со стороны коалиции [Плевако, 2019]. Однако радикальный характер идеологии партии ставил под сомнение возможность ее включения в правительство, поэтому парламентарская должность в столь важном комитете стала компромиссным вариантом. Председателем был избран С. Эсперсен. Заместителем – Н. Хэккеруп, занимавший ранее посты министра обороны, министра торговли и европейской политики, а также вице-председателя СДПД.

В однопартийном первом правительстве М. Фредериксен (2019–2022) министром иностранных дел стал Й. Кофод, хорошо известный не только в Дании, но и в общеевропейских и трансатлантических институтах, что должно было обеспечить внешней политике поддержку со стороны широкого круга акторов. Во втором правительстве широкой коалиции (2022 – н. в.) министром иностранных дел – Л.Л.

¹ Heffer G. Sign of the times? Denmark appoints eurosceptic as new foreign minister. Express. 29.11.2016. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/737753/EU-integration-Denmark-appoints-eurosceptic-Anders-Samuelsen-foreign-minister-Brexit> (дата обращения: 14.03.2023).

² Folketingsvalg torsdag 18. juni 2015. Resultater - Hele landet. URL: <https://www.dst.dk/valg/Valg1487635/valgopg/valgopgHL.htm> (дата обращения: 14.03.2023).

Расмуссен, создавший новую партию «Умеренные». Она стала третьей по количеству мандатов после выборов 2022 г.¹ Председатель Венстре Я. Эллеман-Йенсен был назначен вице-премьером и министром обороны. Таким образом, оба младших партнера СДПД получили равнозначные посты в правительстве.

В 2019–2022 гг. для укрепления поддержки однопартийного правительства меньшинства должность председателя комитета по международным делам была отдана представителю Радикальной Венстре – давнего партнера СДПД – М. Лиде-горду, занимавшему пост министра иностранных дел. Заместителем председателя стал М. Кнут (2019–2020). Ранее он был спикером по вопросам внутренней политики и интеграции Венстре и ушел со скандалом в КНП. В 2020 г. заместителем председателя избран М.О. Йенсен, лидер датской делегации в Совете Европы и спикер Венстре по вопросам внешней политики. В 2022 г. он стал председателем комитета. Таким образом, не получив портфель министра иностранных дел, Венстре возглавила парламентский внешнеполитический комитет. Заместителем председателя избран Х. Даль, видный представитель ЛА.

Таким образом, при формировании коалиции каждый премьер-министр стремился учесть конфигурацию сил среди партнеров не только в рамках правительства, но и парламента, а также мнение правительственных, поддерживающих и нейтральных партий. Пристальное внимание уделялось как постам в правительстве, так и в постоянных комитетах Фолькетинга. Численность и влияние партии, а также ее опыт пребывания в правительствах всегда принимались во внимание. Более того, во внешнеполитической сфере посты зачастую занимали одни и те же люди в различные исторические периоды. Все это позволяло правительствам меньшинства проработать весь или почти весь мандатный период.

Заключение

Анализ распределения портфелей в правительстве и Фолькетинге в сфере внешней политики в Дании в XXI в. (2001–2023 гг.) позволяет сделать следующие выводы об особенностях данного процесса:

– пост министра иностранных дел чаще всего отдается представителю младшей партии-партнера по коалиции, являющейся второй в правительстве и имеющей опыт пребывания во власти;

– пост председателя комитета по международным делам Фолькетинга обычно занимает представитель старшего партнера по коалиции, пост заместителя председателя – представитель крупнейшей партии оппозиционного блока;

– оба блока при распределении портфелей стремились заручиться поддержкой или нейтралитетом ДНП, не включая ее в состав правительства;

– важен не только выбор партии, которой отдаются портфели в правительстве и Фолькетинге, но и выбор конкретного представителя: предпочтение отдается политикам, активно вовлеченным во внешнеполитическую и оборонную повестку, име-

¹ Folketingsvalg 2022: Sådan blev resultatet. URL: <https://www.ft.dk/da/aktuelt/nyheder/2022/11/valgresultat-2022> (дата обращения: 14.03.2023).

ющим опыт международной деятельности на различных уровнях и пользующихся популярностью;

– кадровые перемены в составе правительства обычно противостоят позиционной стабильности в комитете по международным делам, что отражает стремление обоих блоков сохранить статус-кво и созданный после выборов баланс сил в парламенте;

– стратегии формирования коалиций и распределения портфелей синего и красного блоков в целом не отличаются друг от друга и следуют схожей логике;

– внешнеполитическая элита Дании с конца XX в. в целом остается стабильной: распределение портфелей в указанной сфере на правительственном и на парламентском уровнях происходило между примерно одними и теми же людьми.

Выявленные для датского кейса особенности позволяют говорить об усложнении датской политической жизни на фоне развития партийной системы и президентализации должности премьер-министра в условиях сохраняющейся автономии министерств в рамках кабинета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Исаев М.А. (2002) *Основы конституционного права Дании*. Муравей, Москва. 344 с.
- Могунова М.А. (2001) *Скандинавский парламентаризм: теория и практика*. РГГУ, Москва. 350 с.
- Плевако Н.С. (2019) Парламентские выборы в Дании. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3(9). С. 42–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320194247>
- Швейцер В.Я. (отв. ред.) (2020) *Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски*. Институт Европы РАН, Москва. 136 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72020_374
- Bassi A. (2017) Policy Preferences in Coalition Formation and the Stability of Minority and Surplus Governments. *Journal of Politics*. Vol. 79. No. 1. P. 250–268. DOI: <https://doi.org/10.1086/687928>
- Green-Pedersen C., Kosiara-Pedersen K. (2020) The Party System: Open yet Stable. *The Oxford Handbook of Danish Politics*. Ed. by P.M. Christiansen, J. Elklit, P. Nedergaard. Oxford University Press, Oxford, UK. P. 212–229. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198833598.001.0001>
- Hansen M.E. (2019) Distributing chairs and seats in committees: A parliamentary perspective. *Parliamentary Affairs*. Vol. 72. Issue 1. P. 202–222. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gy008>
- Hansen M.E. (2020) The Government and the Prime Minister: More than Primus Inter Pares. *The Oxford Handbook of Danish Politics*. Ed. by P.M. Christiansen, J. Elklit, P. Nedergaard. Oxford University Press, Oxford, UK. P. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198833598.001.0001>
- Jensen J.A. (2001) Folketinget og udenrigspolitikken. *Parlamentarismen — hvem tog magten?* Ed. by G.T. Nielsen. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, Denmark. P. 117–146.
- König T., Lin N. (2021) Portfolio allocation patterns and policy-making effectiveness in minority coalition governments. *European Journal of Political Research*. Vol. 60. Issue 3. P. 694–715. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12416>
- Oppermann K., Brummer K. (2020). Who Gets What in Foreign Affairs? Explaining the Allocation of Foreign Ministries in Coalition Governments. *Government and Opposition*. Vol. 55. Issue 2. P. 241–259. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2018.19>

Strøm K. (1990) *Minority Government and Majority Rule*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 304 p.

Vestermark Køber J. (2022) *Det lille systemskifte*. 100 Danmarkshistorier. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, Denmark. 100 p.

Denmark: Portfolio Allocation in the Government and Parliament in the Sphere of Foreign Policy

O.V. Grigoreva*

Candidate of Science (Political)

*Associate Professor, Department of European Studies, Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia*

***E-mail:** *oxana.grigorjeva@gmail.com*

N.O. Plyusnin**

Postgraduate Student

*Department of European Studies, Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia*

****E-mail:** *n.plyusnin@spbu.ru*

Abstract. The growing number of coalition governments in European states, many of which are minority governments, raises questions about how they form and function. The case of Denmark, where such governments have long become a part of political everyday life, helps to identify the main specific features of foreign policy portfolio allocation in the cabinet and the Danish parliament, since the Kingdom is one of the most successful examples of cooperation between the government and parliament in the field of foreign policy and defence. The article analyses the mechanisms and factors for the foreign policy portfolio allocation in 2001–2023, taking into account successive "blue" and "red" party blocs. Various theories of coalition formation and portfolio allocation in coalition governments are used to explain the distinguishing features of such allocation at a particular historical stage. In addition, general features of the development of the Danish political system at the present stage, the main trends and prospects for this development are considered. The authors conclude that when allocating portfolios in the government, preference is given to "junior" coalition partners, while in parliament - to "senior" ones; the opinion of the Danish People's Party is taken into account by coalition partners without the Party's inclusion in the government; the choice is given in favour of popular and authoritative politicians constituting the foreign policy elite of Denmark over the past three decades; the functioning of the Foreign Policy Committee provides some kind of balance of power in the Danish Parliament on foreign and defence policy. It is also found out that the strategies for coalition formation and foreign policy portfolio allocation do not significantly differ between the "blue" and "red" party blocs, but follow the same logic aimed at maintaining the stability of the minority government's position.

Key words: coalition governance, portfolio allocation, foreign policy analysis, decision making, Denmark, the Danish Parliament, the blue party bloc, the red party bloc

DOI: 10.31857/S0201708323050078

EDN: xjwohy

REFERENCES

- Bassi A. (2017) Policy Preferences in Coalition Formation and the Stability of Minority and Surplus Governments, *Journal of Politics*, 79(1), pp. 250–268. DOI: <https://doi.org/10.1086/687928>
- Green-Pedersen C., Kosiara-Pedersen K. (2020) The Party System: Open yet Stable, in Christiansen P.M., Elklit J., Nedergaard P. (ed.) *The Oxford Handbook of Danish Politics*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 212–229. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198833598.001.0001>
- Hansen M.E. (2019) Distributing chairs and seats in committees: A parliamentary perspective, *Parliamentary Affairs*, 72(1), pp. 202–222. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gsy008>
- Hansen M.E. (2020) The Government and the Prime Minister: More than Primus Inter Pares, in Christiansen P.M., Elklit J., Nedergaard P. (ed.) *The Oxford Handbook of Danish Politics*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198833598.001.0001>
- Isaev M.A. (2002) *Osnovy konstitutsionnogo prava Danii* [Basics of the Constitutional Law of Denmark], Muravei, Moscow, Russia. (In Russian).
- Jensen J.A. (2001) Folketinget og udenrigspolitikken, in Nielsen G.T. (ed.) *Parlamentarismen — hvem tog magten?* Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, Denmark, pp. 117–146.
- König T., Lin N. (2021) Portfolio allocation patterns and policy-making effectiveness in minority coalition governments, *European Journal of Political Research*, 60(3), pp. 694–715. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12416>
- Mogunova M.A. (2001) *Skandinavskiy parlamentarizm: teoriya i praktika* [Scandinavian Parliamentarism in Theory and Practice], RGGU, Moscow, Russia. (In Russian).
- Oppermann K., Brummer K. (2020) Who Gets What in Foreign Affairs? Explaining the Allocation of Foreign Ministries in Coalition Governments, *Government and Opposition*, 55(2), pp. 241–259. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2018.19>
- Plevako N.S. (2019) Parlamentskie vybory v Danii [Parliamentary Elections in Denmark], *Nauchno-analiticheskii Vestnik IE RAN*, 3(9), pp. 42–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320194247> (In Russian).
- Shveitser V.Ya. (ed.) (2020) *Koalitsionnye pravitelstva v sovremennoj Evrope: shansy i riski* [Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks], Institute of Europe RA, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72020_374 (In Russian).
- Strøm K. (1990) *Minority Government and Majority Rule*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vestermark Køber J. (2022) *Det lille systemskifte*, 100 Danmarkshistorier, Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, Denmark.

УДК 327; 339

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

© 2023 г. **НАРЫШКИН Андрей Александрович***

*Кандидат политических наук
Советник Члена Коллегии (министра) по торговле
Евразийская экономическая комиссия
115114, Россия, Москва, Летниковская ул. 2с2
E-mail: Andr-Naryshkin@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.04.2023
После доработки 27.06.2023
Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Кризис международных отношений внес существенные корректировки в современные реалии внешнеэкономической деятельности. В условиях санкционного противостояния вводятся ограничения, затрагивающие все новые секторы торговли. Это обуславливает, например, невозможность поддержания ранее купленного оборудования и противоречит юридическим обязательствам по выполнению условий гарантийного обслуживания и поставки запчастей. Покупатели в лице государственных органов, юридических лиц и простых граждан, доверявшие западным, главным образом европейским, производителям, становятся заложниками ситуации. Государство вынуждено искать пути поставок продукции и запасных частей для ранее ввезенного оборудования. Этот процесс получил название «критический импорт». В статье рассмотрены альтернативные пути международного экономического взаимодействия, а также перспективы развития международных отношений в ближайшей и среднесрочной перспективе. Инструментами работы в условиях сложившегося кризиса станут не только параллельный импорт, но и различные новые схемы торговли: бартер, поставки через третьи страны, организация торговых домов.

Ключевые слова: международные отношения, экономическая дипломатия, торговля, санкции, бартер, торговые дома

DOI: 10.31857/S020170832305008X

EDN: yacefb

В научной мысли существует точка зрения о цикличности и повторяемости фаз в ходе развития разных мирохозяйственных укладов [Глазьев и др., 2022]. Современная микрополитическая ситуация может напоминать ряд исторических вех холодной войны, однако имеет характерные черты – ускоренная эскалация конфликта в медийной и экономической плоскостях, существенное влияние на политический контекст взаимодействия. Это позволяет назвать современное состояние международных отношений эмерджентным. Методологический подход к исследованию альтернативных экономических отношений в условиях трансформации международного порядка заключается в формировании прогнозируемых направлений деятельности по защите национальных интересов РФ во внешнеэкономической сфере и исследовании возможностей экономической дипломатии России.

Масштабный кризис международных отношений в экономическом плане выразился в использовании различных методов оказания экономического и политического давления. Широкое распространение получили санкции.

Анализируя структуру мирового порядка после холодной войны, исследователи отмечали возрастающую роль экономических санкций как потенциальной замены применению военной силы. «Если в прошлом основным способом достижения целей было применение насилия, то сегодня соперничество выражается прежде всего в экономической области» [Дунаев, 2010: 35]. Позднее стала преобладать мысль, что санкции могут быть прекурсором применения силы [Тимофеев, 2019: 12]. Считалось, что введение санкционных ограничений в отношении групп товаров или целых отраслей преследует как политические, так и экономические цели. Политические действия, как правило, ограничивались замораживанием депозитов и текущих счетов и не затрагивали имущественные объекты и инвестиции [Катасонов, 2014: 137]. Однако противостояние России и группы западных стран в 2022–2023 гг. проиллюстрировало ситуацию, когда санкции выступают дополнением к поставкам военной техники и противоречат экономическим интересам европейских компаний и экономик. Евросоюз ввел против России 11 пакетов санкций. Они направлены в первую очередь на российскую финансовую систему и высокотехнологичные компании, что свидетельствует о стремлении отбросить назад технологическое развитие потенциального конкурента.

Под ударом санкционной политики также оказалась Республика Беларусь. Евросоюз последовательно оказывал давление на Беларусь, рассматривая данное государство в отрыве от интеграционного взаимодействия с Россией. Политика Минска направлена на сближение с Москвой посредством участия в интеграционных процессах: Евразийском экономическом сообществе, Едином экономическом пространстве, Евразийском экономическом союзе, Организации Договора о коллективной безопасности, Союзном государстве. Эксперты оценивают участие Беларуси в интеграционных объединениях как экономически обоснованное и свидетельствующее о многовекторной политике [Петровская, 2018]. Кризис международных отношений и политическое противостояние обусловили введение жестких санкций в отношении последовательного в своих обязательствах партнера России. Политику

ЕС экспертное сообщество характеризует как беспрецедентное давление на белорусские власти, разрушающее имевшееся взаимодействие [Гузенкова, 2023: 156].

Введенные санкции не только запустили трансформацию международных политико-экономических процессов, но и крайне негативно отразились на экономике Евросоюза [Ершов, Танасова, 2022].

Анализ происходящих изменений демонстрирует, что можно говорить о трех основных направлениях развития событий. Первое – это смена политических приоритетов и попытка разворота торговых путей. Для реализации этого направления основой становятся существенные наработки экономической дипломатии в рамках ЕАЭС, которая может способствовать экономическому продвижению на Восток, в Азию, Латинскую Америку и Африку. Значимыми становятся взаимоотношения со стратегическими партнерами, продолжающими поддерживать активное взаимодействие с Россией. В их числе можно выделить ОАЭ, Турцию, Сербию, Азербайджан, а также Иран. Последний не только значительно нарастил торговлю с Россией, но и демонстрирует примеры функционирования альтернативных экономических отношений в условиях западных санкций. Если Сербия исторически придерживается максимально дружественной линии в отношении России, ОАЭ и Турция в современных условиях вынуждены осуществлять дипломатические маневры, чтобы сохранить политический нейтралитет. Азербайджан декларирует примат международного права и последовательно соблюдает взятые обязательства в Декларации о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, подписанной 22 февраля 2022 г. В пункте 17 документа указано: «Стороны воздерживаются от любых действий, в том числе осуществляемых через третьи государства, направленных против друг друга»¹. Фактически это положение посвящено взаимному невведению санкционных ограничений. В условиях потенциального нарастания напряжения в международных отношениях нельзя исключать давление на другие государства. Сегодня торговля двух стран переживает активный рост, а Азербайджан становится важным покупателем российской продукции, готовым на законных основаниях использовать ее или поставлять в третьи страны.

Второе направление – разрыв торгово-экономических и политических связей с западными странами, который не декларируется руководством России. Напротив, Москва демонстрирует готовность к сотрудничеству при условии открытого и конструктивного диалога. Развивается параллельный импорт – поставки давно привычных западных товаров и оборудования в основном через третьи страны. Более того, будущее сотрудничество будет базироваться на наработках в регионах, где, завоевав экономико-дипломатический авторитет, Россия сможет вернуться к полноценному взаимодействию с западными партнерами в новых реалиях.

Третьим направлением выступает развитие новых форматов экономического сотрудничества, например бартерных схем. Этот тип взаимодействия применяется

¹ Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5777> (дата обращения: 30.05.2023).

на современном этапе и будет распространяться в условиях кризиса международных отношений.

Рассмотрим основные инструменты, которые могут быть применены для реагирования. Можно выделить четыре типа товарообменных операций:

- 1) традиционные операции купли-продажи товаров;
- 2) чисто бартерные товарообменные операции, не предполагающие условия сделок;
- 3) частично товарообменные операции, подразумевающие частичную денежную оплату поставок товаров и услуг из двух стран (при этом применяется принцип стоимостной сбалансированности поставок);
- 4) бартерные товарообменные операции, основанные на использовании альтернативных денег, т. е. денег, не имеющих официального статуса.

Применение бартера расширяется посредством создания специальных учреждений – компаний, которые осуществляют товарообмен, и бартерных бирж, готовых организовывать этот процесс в большем масштабе. Как правило, последние представляют электронную площадку, которая дает возможность автоматической оценки и подбора товаров для осуществления бартера.

В качестве примера площадок, работающих как в европейских странах, так и по всему миру, можно выделить следующие.

«Евробартер» (*Euro-Barter*) – площадка, в которую вовлечены более 17 тыс. компаний малого и среднего бизнеса в основном из Европы и Турции¹. Она предназначена для заинтересованных в продаже продукции превосходного качества на зарубежных рынках, а также в приобретении продуктов из-за рубежа для выхода на итальянский рынок.

В Германии в 1994 г. основана компания «Евро Бартер Бизнес» (*Euro Barter Business, Ebb*)². Она обслуживает более 2,5 тыс. клиентов в ФРГ, Британии, Турции, Болгарии, Румынии, Чехии, Словакии, Сербии и Черногории. *Ebb* также предоставляет услуги международной клиринговой палаты для бартерных сделок со 150 бартерными компаниями в 35 странах, которые обслуживают более 150 тыс. клиентов.

«Бартербанк» (*Barterbank*) – британская биржа, которая зачисляет на счет продавца собственную виртуальную валюту «Контракэш» (*ContraCash*). С помощью нее можно приобретать товары и услуги у других клиентов.

Крупнейшая бартерная биржа в мире «Бартеркард» (*Bartercard*)³ основана в 1991 г. компаниями из Австралии и Новой Зеландии. Позднее были открыты отделения в Великобритании, США, ОАЭ, Таиланде и на Кипре. На сегодняшний день эта бартерная биржа насчитывает 75 тыс. активных членов. Модель работы *Bartercard* позволяет владельцам предприятий по всему миру вести бизнес без ис-

¹ Euro-Barter. URL: <https://www.euro-barter.com/> (дата обращения: 30.05.2023).

² Ebb Euro Barter Business Gmbh URL: http://www.bizearch.com/company/Ebb_Euro_Barter_Business_Gmbh_72980.htm (дата обращения: 30.05.2023).

³ Bartercard. URL: <https://bartercard.com/> (дата обращения: 30.05.2023).

пользования наличных денег. Для взаимозачета и расчета используется собственная цифровая валюта. Такой способ ведения бизнеса позволяет экономить денежные средства, а также перемещать избыточные запасы.

Аналогичную систему использует Иран. Он уже длительное время принимает в качестве оплаты товары китайского производства: производственные станки и оборудование, бытовую технику, одежду, игрушки, косметику и т. д. Речь идет о встречаемых поставках товаров из Китая в Иран за счет средств, которые импортеры иранской нефти перечислили на счета китайских банков. Деньги перечисляются со счетов иранских юридических лиц китайским поставщикам, не покидая китайскую юрисдикцию.

С некоторыми другими странами Иран использует бартер в чистом виде, например с Сирией. По бартеру она экспортирует текстиль и сельскохозяйственные продукты, такие как оливковое масло и цитрусовые, а получает нефть и нефтепродукты [Катасонов, 2014: 107].

Недостатки работы подобных систем можно разделить на две группы: юридическая незащищенность участников ввиду недостаточной проработанности в законодательстве деятельности таких компаний и бирж и проблемы с налогообложением и таможенными платежами. Существуют также сложности из-за дополнительных ограничений по срокам проведения международных бартерных сделок. Это приводит к росту реального налогообложения и налоговой задолженности среди прочего из-за штрафов за несвоевременную уплату налогов. Кроме того, возникают неизбежные трудности равной и справедливой оценки товаров и услуг в условиях отсутствия нормального денежного рынка.

Вторым перспективным инструментом, направленным на преодоление ограничений в торговле и расширение ее географии и номенклатуры, могут стать торговые дома. Можно провести параллель с Японией периода Реставрации Мейдзи (вторая половина XIX в.). Японские торговые дома играют роль посредников в торговле и проведении трансграничных финансовых операций. Они знакомятся с новыми рынками и помогают освоиться другим аффилированным с ними японским компаниям [Нарышкин, Оганезов, 2020: 79].

Сегодня создание торговых домов прорабатывается на уровне ЕАЭС. В публичной плоскости это предложение последовательно поддерживается президентами и премьер-министрами пяти стран. «Целесообразно развивать общие для континента институты по ключевым точкам роста, в том числе подумать над созданием Евразийского экспортного центра и торговых домов»¹, – заявлял президент РФ В.В. Путин на Евразийском экономическом форуме в Бишкеке 26 мая 2022 г. По словам президента Киргизии С.Н. Жапарова на II Евразийском экономическом форуме в Москве 24 мая 2023 г., «торговые дома, а также реальные потребности не только евразийских экспортеров и производителей, с учетом складывающейся ситуации, в

¹ Первый Евразийский экономический форум. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/126/events/68484> (дата обращения: 30.05.2023).

том числе различных ограничений, набирают особую актуальность также и для финансовых и государственных институтов»¹.

Торговые дома ЕАЭС должны не только активизировать торговлю внутри Союза, но и стать площадкой для совместного выхода на рынки третьих стран. Организация крупных международных торговых домов может решить ряд системных проблем. Введение 11 пакетов санкций Евросоюзом, а также санкционные ограничения других стран серьезно усложнили российским торговым компаниям международные расчеты. Проблемы с взаиморасчетами ложатся тяжелой ношей на отечественный бизнес. Развитие крупных системных торговых домов позволит легче развивать возможность использования расчетов в национальных валютах и бартерных схем. Разрозненные компании-трейдеры на рынке ЕАЭС не могут справиться с данной задачей. Необходимо создание торгового дома, сравнимого по масштабу решаемых задач с международными корпорациями «Марубэни» (*Marubeni*) и «Глобальные энергетические сырьевые товары и ресурсы» (*Global Energy Commodities and Resource, Glencore*). На основе опыта этих компаний охват номенклатуры торговых операций должен быть ограничен. *Glencore* специализируется на торговле металлами, минералами и энергоресурсами. У *Marubeni* номенклатура шире и включает потребительские товары (одежду и продукты питания), энергоресурсы, продукцию химической промышленности, лесопромышленного комплекса, индустриального машиностроения и авиатехники. Аналогичная структура в России может сосредоточиться на основных позициях экспорта, включая энергоресурсы, металлы, продукцию агропромышленного комплекса, а также на критическом импорте прежде всего оборудования и запасных частей для ранее поставленных машин.

Торговые дома также расширяют способы выхода на новые рынки. В настоящее время отмечается недоиспользование возможностей и установленных в рамках соглашений о свободной торговле преференций: не осуществляются поставки по вновь открытым сегментам товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД). Главным образом данная ситуация касается третьих стран, с которыми заключены такие соглашения: Вьетнама², Сингапура³, Сербии⁴, – а так-

¹ Пленарное заседание Евразийского экономического форума. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/71198> (дата обращения: 30.05.2023).

² Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201610110001?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны, от 1 октября 2019 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сингапуром.aspx> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны, от 25 октября 2019 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сербией.aspx> (дата обращения: 30.05.2023).

же перспективных стран-партнеров, с которыми проекты соглашений находятся в высокой степени готовности, включая Иран, Египет, Индонезию, Монголию, Индию. Развитие торгового и инвестиционного сотрудничества с этими государствами неоднократно отмечалось как наиболее перспективное [Глазьев, 2022: 386]. Проблема освоения новых рынков сложна для малых и средних компаний. Наличие крупного трейдера поможет осуществлять регулярные поставки продукции из стран-членов ЕАЭС. Схема взаимодействия через торговый дом (или трейдера) может напоминать продажу золота в слитках: некрупные золотодобывающие компании продают золото банкам, а те в свою очередь экспортируют его. Такая схема работы существенно упрощает операционную деятельность малых и средних предприятий, т. к. пропадает необходимость содержания сотрудников, ответственных за ВЭД, а также сложных оформлений экспортных лицензий. Кроме того, крупный игрок, обладающий большими ресурсами и товаропотоками, будет способствовать выстраиванию новых логистических цепочек.

Торговля остается локомотивом выхода из кризисных ситуаций. При снижении напряженности торговые пути между Россией и Европой придут в движение, однако некоторые из происходящих процессов будут иметь долгосрочные последствия. Кризис международных отношений запустил масштабную трансформацию торговли. Во-первых, произошло смещение географии товаропотоков, угрожающее ранее существовавшей технологической и торговой монополии ЕС в России. Во-вторых, использование бартерных схем может изменить правила торговли, снизив издержки и маркетинговую составляющую в ряде товаров. При закупке определенных товаров крупная организация будет ориентироваться в большей степени на соотношение стоимости и качества и в меньшей на бренд. В-третьих, учреждение крупных торговых домов даст толчок к централизации экспортно-импортных операций без введения монополии на внешнюю торговлю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глазьев С.Ю. (2022) Евразийская интеграция: расширение рубежей. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество ежегодник*. Отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 5. Ч. 1. ИНИОН РАН, Москва. С. 386–387.

Глазьев С.Ю., Митяев Д.А., Толкачев С.А., Айрапетян М.С., Арефьев П.В., Перминова Е.А., Попов А.К., Тепляков А.Ю., Ткачук С.П. (2022) *Циклические закономерности развития технологических и мирохозяйственных укладов*. КноРус, Москва. 280 с.

Гузенкова Т.В. (2023) Диктатура санкций. Белорусский вектор политики. *Свободная мысль*. № 1(1697). С. 145–158.

Дунаев А.Л. (2010) Система международных отношений – ответы прошлого на вопросы будущего. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. № 3. С. 29–50.

Ершов М.В., Танасова А.С. (2022) Новые проблемы в мире: нарастание неопределенности. *Современная Европа*. № 7. С. 120–134. DOI: 10.31857/S0201708322070105.

Катасонов В.Ю. (2014) *Экономическая война против России и сталинская индустриализация*. Алгоритм, Москва. 272 с.

Нарышкин А.А. Оганезов Д.С. (2020) Развитие мировой торговли. Содействие продвижению экспорта. Мировой опыт. *Инновации и инвестиции*. № 3. С. 78–81.

Петровская О.В. (ред.) (2018) *Опыт и перспективы белорусско-российских интеграционных проектов*. РИСИ, Москва. 246 с.

Тимофеев И.Н. (2019) Политика санкций: однополярный или многополярный мир? *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 3. С. 9–26.

Alternative Economic Relations under Sanctions

A.A. Naryshkin*

Candidate of Sciences (Politics)

Eurasian Economic Commission

Advisor to the Member of the Board - Minister in charge of Trade

2-2, Letnikovskaya street, Moscow, Russia, 115114

***E-mail:** *Andr-Naryshkin@yandex.ru*

Abstract. The current international relations crisis caused significant adjustments to the foreign economic activity. During the sanctions confrontation, new restrictions affect more and more tradable sectors, which makes it impossible to maintain previously purchased equipment. It also contradicts legal obligations and the terms of warranty service in the field of spare parts supplies. Buyers represented by government agencies, legal entities and ordinary citizens who trusted Western (mostly European) manufacturers find it hard to deal with the situation. The state is forced to look for ways to supply products and spare parts for previously imported equipment. This process is called “critical import”. Alternative ways of trade development will in fact not only increase the chances to overcome the current international relations crisis, but will also give impetus to variety of possible scenarios for the world trade evolution. This article examines alternative ways of developing international economic cooperation, as well as the development of international relations in the short and medium term prospects. Parallel import is likely to increase during the current crisis and also various trade schemes are likely to develop, namely, barter, deliveries through third countries, the organisation of trading houses.

Key words: international relations, economic diplomacy, trade, sanctions, barter, general trading companies

DOI: 10.31857/S020170832305008X

EDN: yacefb

REFERENCES

Glaz'ev S.Y. (2022) Evrazijskaya integraciya: rasshirenie rubezhej [Eurasian integration: expanding the frontiers], in Gerasimov V.I. (ed.) *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo ezhegodnik*, 5(1), INION RAN, Moscow, Russia, pp. 386–387. (In Russian).

Glaz'ev S.Y., Mityaev D.A., Tolkachev S.A., Ajrapetyan M.S., Aref'ev P.V., Perminova E.A., Popov A.K., Teplyakov A.YU., Tkachuk S.P. (2022) *Ciklicheskie zakonomernosti razvitiya tekhnologicheskikh i mirohozyajstvennykh ukkladov*. [Cyclic patterns of development of technological and world economic structures], KnoRus, Moscow, Russia. (In Russian).

Guzenkova T.V. (2023) Diktatura sankcij. Belorusskij vektor politiki [Dictatorship of sanctions. Belarusian policy vector], *Svobodnaya mysl'*, 1(1697), pp. 145–158. (In Russian).

Dunaev A.L. (2010) Sistema mezhdunarodnyh otnoshenij – otvety proshlogo na voprosy budushchego [International system: what can the analysis of the past tell us about the future?], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 3, pp. 29–50. (In Russian).

Ershov M.V., Tanasova A.S. (2022) Novye problemy v mire: narastanie neopredelennosti [New problems in the world: growing uncertainty]. *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 120–134. DOI: 10.31857/S0201708322070105. (In Russian).

Katasonov V.Y. (2014) *Ekonomicheskaya vojna protiv Rossii i stalinskaya industrializaciya* [Economic war against Russia and Stalinist industrialization], Algoritm, Moscow, Russia. (In Russian).

Naryshkin A.A. Oganezov D.S. (2020) Razvitie mirovoj trgovli. Sodejstvie prodvizheniyu eksporta. Mirovoj opyt [World trade development. Export promotion. International practices], *Innovacii i investicii*. 3, pp. 78–81. (In Russian).

Petrovskaya O.V. (ed.) (2018) *Opyt i perspektivy belorussko-rossijskikh integracionnykh projektov* [Experience and prospects of Belarusian-Russian integration projects], RISI, Moscow, Russia. (In Russian).

Timofeev I.N. (2019) Politika sankcij: odnopolyarnyj ili mnogopolyarnyj mir? [Sanctions' Policy: Unipolar or Multipolar World?], *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*, 14(3), pp. 9–26. (In Russian).

УДК 339.9

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

© 2023 г. **РЕВЕНКО Николай Сергеевич***

Кандидат политических наук

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49*

**E-mail: reni100@yandex.ru*

Поступила в редакцию 11.04.2023

После доработки 30.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Трансграничное перемещение рабочей силы сопряжено с объективной необходимостью для принимающей страны принимать ее и выполнять соответствующие правила. Для Евросоюза и входящих в него стран эта проблема существовала всегда в силу привлекательности региона для трудовых мигрантов из-за относительно высокого уровня жизни и широко диверсифицированной отраслевой структуры экономики. В статье на основе анализа директив дана периодизация этапов регулирования международной трудовой миграции в ЕС с акцентом на современный этап. Регуляторная практика ЕС особое внимание уделяет проблемам привлечения высококвалифицированной и сезонной рабочей силы, студентов и научных работников, облегчения внутрикорпоративных переводов. В сфере международной трудовой миграции ЕС нацелен на получение преимуществ от притока необходимой рабочей силы через создание благоприятных условий для ее интеграции в европейский социум. Реализация соответствующей директивы о квалифицированных мигрантах будет зависеть от применительной практики государств-членов ЕС. Сделаны выводы о дуализме получаемых Евросоюзом экономических эффектов от международной трудовой миграции: позитивных в виде относительного снижения затрат на единицу продукции за счет трудовых компонентов, перетока технологических знаний и негативных, связанных с вытеснением части местных трудовых ресурсов, оттоком денежных средств иностранных работников, изменением структуры совокупного спроса, влиянием на уровень оплаты труда, обострением межнациональных и межкон-

фессиональных конфликтов на фоне низкого уровня интеграции иностранцев в местный социум.

Ключевые слова: Европейский союз, трудовая миграция, высококвалифицированные специалисты, голубая карта, внутрикорпоративные переводы, студенты и исследователи, интеграция мигрантов

DOI: 10.31857/S0201708323050091

EDN: xytxex

Международная миграция рабочей силы в условиях трансформации глобальных экономических, политических, социальных процессов приобретает все более важную роль в функционировании стран, региональных объединений и интеграционных группировок. Для Европейского союза – наиболее глубокого и устоявшегося интеграционного объединения – проблемы трудовой миграции всегда были значимы. Современный этап привнес новые импульсы в регулирование трансграничного перемещения рабочей силы.

Тематика международной трудовой миграции имеет несколько уровней и предметных полей осмысления, тесно переплетенных и неразрывно связанных между собой. Данная проблема анализируется в экономическом, юридическом, социальном, гуманитарном ракурсах. Соответственно, в научном поле сложился плюралистический подход к рассмотрению этой темы. Авторский взгляд основан на понимании трансграничного перемещения рабочей силы как одной из форм международных экономических отношений.

Основные направления регулирования трудовой миграции в ЕС и их анализ в научном дискурсе

Диспропорции, возникающие между спросом и предложением рабочей силы на национальном рынке труда, вынуждают правительства искать способы их устранения. Один из них – привлечение трудовых мигрантов из числа граждан третьих стран, что делает необходимым регулирование международной мобильности рабочей силы. Однако до 1990-х гг. диспропорции не были значительными, поэтому государства-члены ЕС сфокусировались на регулировании форм миграции, которые в соответствии с их законами являются нежелательными, таких как нелегальная миграция и предоставление убежища. Только когда государства-члены столкнулись с проблемой нехватки рабочей силы, вызванной прежде всего дисбалансом в возрастной структуре населения вследствие старения и несоответствием числа кадров, подготовленных по отдельным специальностям, с имеющимися потребностями на рынке труда [Пасякина, 2011: 94], многие страны стали переходить от рестриктивной к более либеральной миграционной политике. Одновременно повышалась роль общеевропейских структур в регулировании трудовой миграции.

Такие вопросы, как число принимаемых мигрантов и их интеграция в общество, очень чувствительны для всех стран среди прочего с точки зрения их национальной идентичности [Потемкина, 2020b: 105]. В связи с этим даже после формирования

общей политики в области миграции и предоставления убежища вопросы трудовой миграции продолжали рассматриваться многими государствами-членами ЕС как внешнеполитическая проблема [Lavenex, 2006: 331].

О результатах изменения политики в сфере трудовой миграции в последнее десятилетие свидетельствует увеличение количества единых разрешений, впервые выданных в целях трудоустройства, с 77,8 тыс. в 2013 г. до 565,5 тыс. в 2019 г. В 2019 г. из-за пандемии *COVID-19* произошло сокращение их количества до 322,0 тыс., но в 2021 г. оно вновь увеличилось до 402,2 тыс.¹ Эти цифры подтверждают, что 41% из примерно 3 млн впервые выданных в 2019 г. видов на жительство связан с трудоустройством².

Различные аспекты внешней трудовой миграции в ЕС глубоко проработаны в публикациях многих российских и зарубежных исследователей. Процесс разработки политики Евросоюза в этой сфере проанализирован Г. Огузом [Oğuz, 2020], правовые рамки иммиграционной политики – Д. Тимом и К. Хайльброннером [Thum, Nailbronner, 2022], регулирование трудовой миграции в ЕС – П. Миндерхаудом [Minderhoud, 2021], Д.Г. Мартирисян [Мартирисян, 2018] и Н.Е. Журбиной [Журбина, 2018], механизмы управления трудовой миграцией в отдельных европейских странах и влияние директив ЕС на их законодательную базу – Дж. Карлоффом [Chaloff, 2016]. Обзор исследований о роли и результатах миграционной политики Евросоюза содержится в исследовании М. Шмид-Дрюнер [Schmid-Drüner, 2020].

Проблемы, снижающие потенциал интеграции на европейском рынке труда, рассмотрены Д. Дорном и Й. Цваймюллером [Dorn, Zweimüller, 2021], нетипичной занятости (неполный рабочий день, временное трудоустройство и т. д.) и социальной защиты мигрантов в Европе – К. Калдарини [Caldarini, 2022], взаимодействие наднационального и межправительственных методов регулирования легальной миграции, внешнее измерение миграционной политики ЕС и роль этого объединения в интеграции мигрантов – Л.С. Биссон [Биссон, 2020]. Ограниченный характер принятых в Евросоюзе директив и нереалистичность проведения действительно единой политики в сфере трудовой миграции отмечены Ж-Б Фарси [Farcy, 2022]. Влияние пандемии *COVID-19* на положение трудовых мигрантов в ЕС проанализировано Г.В. Семеко [Семеко, 2021], сезонных рабочих – О.Ю. Потемкиной [Потемкина, 2020a].

Усилия ЕС в сфере международной трудовой миграции сфокусированы на следующих направлениях: привлечении высококвалифицированных и сезонных работников, студентов и исследователей и облегчении внутрикорпоративных переводов.

¹EuroStat.URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_RESSING__custom_5634822/default/table?lang=en (дата обращения 07.05.2023)

² 3 million first residence permits issued in the EU in 2019. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20201127-2> (дата обращения: 05.05.2023)

В 2009 г. принята директива о высококвалифицированных работниках¹, нацеленная на стимулирование приезда в ЕС специалистов высокой квалификации посредством выдачи им так называемой голубой карты. В целях обеспечения найма предписано, что ежегодный заработок соискателя не может быть ниже определяемого государством-членом Евросоюза порога, который должен как минимум в полтора раза превышать сумму среднего годового заработка в этом государстве.

Каждому государству-члену предоставлено право самостоятельно устанавливать срок действия карты, который не может быть менее одного и более четырех лет. Основаниями для отказа в ее выдаче или возобновлении могут служить невыполнение предъявляемых к соискателю требований, предоставление недостоверных сведений или поддельных либо недействительных документов, нарушение работодателем норм национального законодательства о незаконном использовании рабочей силы, нехватка квалифицированной рабочей силы на рынке труда страны соискателя.

Одновременно директива закрепляет за трудовыми мигрантами минимальный набор процессуальных гарантий, включая трехмесячный срок рассмотрения заявления и ответственность компетентных органов за его несоблюдение, обязанность компетентных органов мотивировать отказ в выдаче голубой карты, возможность обжаловать их решения об отказе в выдаче или отзыве (изъятии) разрешения на работу. В случае увольнения обладатели карты вправе в течение трех месяцев искать новую работу. Они также имеют равные с гражданами страны пребывания права, включая достойные условия труда, его оплату и законные основания увольнения; свободу собраний, ассоциаций и членства в профессиональных союзах; получение образования и профессионального обучения; социальное обеспечение; пенсионное обеспечение по старости; приобретение жилья. Однако государства-члены могут ограничить некоторые из них, в частности право на образовательные гранты и займы.

В качестве ограничений определено, что в течение первых двух лет трудовой деятельности обладатель голубой карты не вправе менять работодателя. Если это происходит по независящим от мигранта причинам, он обязан уведомить компетентные органы государства-члена. По истечении этого периода держатель карты может начать поиск другой высококвалифицированной работы на равных условиях с гражданами страны проживания.

После 18 месяцев легального проживания в одной из стран ЕС обладатель карты имеет право переехать вместе с членами семьи в другую и устроиться на новую высококвалифицированную должность, где ему вновь предстоит пройти всю процедуру получения разрешения на работу и проживание. По истечении пяти лет обладания картой, из которых два последних года он должен непрерывно проживать в одном из государств Евросоюза, работник вправе претендовать на получение постоянного вида на жительство.

¹ Council Directive 2009/50/EC of 25 May 2009 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0050&from=EN> (дата обращения: 14.05.2023).

Другой документ, относящийся к трудовой миграции, – директива о сезонных работниках 2014 г.¹ Она предоставляет странам-членам ЕС право разрешить гражданам третьих стран пребывание на территории от пяти до десяти месяцев в течение любого двенадцатимесячного периода для работы в отдельных секторах экономики, например для сбора сельскохозяйственных культур. Работники получают равные с гражданами страны пребывания права на условия работы (размер заработной платы, рабочее время, праздничные дни, отпуска, увольнение), охрану труда, социальное обеспечение, включая оплату временной нетрудоспособности по болезни, за исключением предоставления государственного жилья, пособий по безработице, семейных пособий, налоговых льгот и образования.

Еще один нормативный документ – директива о внутрикорпоративных переходах 2014 г.² Она содержит условия, при которых граждане третьих стран могут находиться и работать в Евросоюзе при переводе в филиалы компаний на территории ЕС. Цели директивы – повышение привлекательности работы высококвалифицированных специалистов и упрощение процедуры перехода специалистов и менеджеров.

Директива о студентах и исследователях 2016 г.³, принятая на замену директив о студентах 2004 г. и исследователях 2005 г., устанавливает условия приема и права граждан третьих стран, прибывающих в ЕС для проведения исследований, учебы и добровольной службы в Корпусе европейской солидарности⁴, а также факультативные правила для школьников и помощников по хозяйству.

На трудовых мигрантов распространено действие еще нескольких нормативных документов. Директива о едином разрешении 2011 г.⁵ утверждает процедуру подачи заявлений на получение единых разрешений для граждан третьих стран на про-

¹ Directive 2014/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on the conditions of entry and stay of third-country nationals for the purpose of employment as seasonal workers. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0036&from=EN> (дата обращения: 14.05.2023).

² Directive 2014/66/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on the conditions of entry and residence of third-country nationals in the framework of an intra-corporate transfer. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0066&from=EN> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Directive (EU) 2016/801 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016L0801> (дата обращения: 08.05.2023).

⁴ Европейский корпус солидарности (до 2016 г. Европейская добровольческая служба) – международная волонтерская программа Европейской комиссии, в рамках которой молодые люди индивидуально или в составе групп направляются в другую страну для некоммерческой работы.

⁵ Directive 2011/98/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on a single application procedure for a single permit for third-country nationals to reside and work in the territory of a Member State and on a common set of rights for third-country workers legally residing in a Member State. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011L0098&from=EN> (дата обращения: 03.05.2023).

живание и работу на территории государства-члена. Директива о воссоединении семей 2003 г.¹ регулирует условия приема и проживания членов семей граждан третьих стран. В соответствии с директивой о долгосрочных резидентах 2003 г.² граждане третьих стран, непрерывно проживающие на легальных основаниях в государстве-члене в течение пяти лет, имеют право получить статус долгосрочного резидента ЕС с вытекающими из него правами. План действий по интеграции граждан третьих стран 2016 г.³ определяет направления работы в этой сфере.

Миграция высококвалифицированной рабочей силы: стимулирующие и сдерживающие факторы

Проведенный Европейской комиссией анализ реализации директив подтвердил своевременность принятых решений. Однако цели директивы о высококвалифицированных работниках не были достигнуты. Такие недостатки, как рестриктивные условия приема специалистов, ограниченная мобильность внутри ЕС и наличие параллельных правил, условий и процедур для приема одной и той же категории работников в разных государствах-членах, негативно повлияли на заинтересованность иностранных специалистов в получении голубой карты.

Приток высококвалифицированных работников из третьих стран недостаточен для решения проблемы нехватки рабочей силы. Выгоду от использования карты получило небольшое число стран-членов ЕС, прежде всего Германия (на нее пришлось около 86,2% общего количества в 30480 карт, выданных в 2012–2014 гг.), Франция (3,6%), Люксембург (2,2%), Австрия (1,2%) и Румыния (1,0%). Венгрия выдала только 10 карт, Мальта – 6, Нидерланды – 4, Кипр – 0⁴. О недостаточных результатах свидетельствует тот факт, что в это время на ЕС пришлось только 31% общего числа высококвалифицированных мигрантов из третьих стран, приезжающих на работу в страны Организации экономического сотрудничества и развития⁵.

¹ Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the right to family reunification. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003L0086> (дата обращения: 08.05.2023).

² Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003L0109> (дата обращения: 02.05.2023).

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Action Plan on the integration of third country nationals. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016DC0377&from=EN> (дата обращения: 29.04.2023).

⁴ Questions and Answers: An improved EU Blue Card scheme and the Action Plan on Integration. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_16_2071 (дата обращения: 04.05.2023).

⁵ Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the Conditions of Entry and Residence of Third-Country Nationals for the Purposes of Highly Skilled Employment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016PC0378&from=EN> (дата обращения: 16.05.2023).

В последующие годы ситуация изменилась. Согласно официальной статистике ЕС, в предпандемийном 2019 г. было выдано 36803 голубых карт, что составило 79,2% от общего количества первоначально выданных разрешений высококвалифицированным работникам¹. В 2020 г. их количество сократилось почти втрое, но в 2021 г. снова выросло. Аналогичная ситуация произошла с выдачей разрешений членам семей владельцев голубых карт (Табл. 1). Германия сохранила лидерство по количеству карт, выданных в 2021 г. (67,3%), на второе место вышла Польша (10,3%), а Франция опустилась на третью позицию (4,5%). Четвертую, пятую и шестую строки заняли Литва (4,4%), Люксембург (2,4%) и Чехия (2,3%) соответственно².

Таблица 1

Количество выданных голубых карт и разрешений членам семей владельцев голубых карт

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Голубые карты	3664	12964	13869	17102	20979	24310	32648	36803	12573	28992
Разрешения	1107	3821	5905	9698	13945	15894	20098	23180	4825	16580

Составлено по: Eurostat. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_resbc1/default/table?lang=en;

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_RESBC2__custom_6074054/default/table?lang=en (дата обращения: 02.05.2023).

Больше всего голубых карт в 2021 г. получили граждане Индии (6399), России (2626), Белоруссии (1789), Украины (1739), Турции (1693), Китая (1645), Ирана (938), США (909), Бразилии (839) и Египта (774)³.

Вместе с тем проблемы привлечения высококвалифицированных работников остались после пандемии. В этой связи Еврокомиссия предложила изменить правила применения голубой карты, предусмотрев более гибкие условия приема работников, упрощение процедуры выдачи карты, предоставление ее обладателям больших прав и облегчение их перемещения в пространстве ЕС⁴.

После тщательной проработки предложений экспертами и обсуждения в Европейском парламенте в октябре 2021 г. принята новая директива⁵. Она внесла ряд

¹ EuroStat. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_RESOCC__custom_5634993/default/table?lang=en. (дата обращения: 27.04.2023).

² EuroStat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/3/3a/T2n_EU_Blue_Cards_and_linked_family_residence_permits_issued%2C_2019%E2%80%932021_v2.png (дата обращения: 27.04.2023).

³ EuroStat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/d/d4/T3n_Top_10_countries_whose_citizens_were_granted_EU_Blue_Cards%2C_by_main_issuing_EU_Member_States%2C_2021_v2.png (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ EU blue card – entry and residence of highly qualified workers (until 2023). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:114573> (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Directive (EU) 2021/1883 of the European Parliament and of the Council of 20 October 2021 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purpose of highly quali-

изменений в документ 2009 г. В частности, с 12 до 6 месяцев сокращен минимальный срок действия первоначального трудового договора, необходимого для получения голубой карты; до 2 лет увеличен минимальный срок действия карты; с 18 до 12 месяцев снижен минимальный срок работы в стране выдачи первой голубой карты, по истечению которого обладатель может переехать в другую страну. Кроме того, установлен минимальный шестимесячный период для поиска владельцем карты новой работы, если он проработал не менее 2 лет. С 1,5 до 1,0 для держателя карты снижен порог минимального уровня средней брутто заработной платы в стране проживания (80% для выпускников вузов стран ЕС, закончивших учебу не более трех лет назад, и работников профессий, по которым на национальном рынке имеется дефицит). При этом размер зарплаты не должен превышать этот уровень более чем в 1,6 раза. Разрешена выдача голубой карты лицам, которые пользуются международной защитой и работают в ЕС в соответствии с правилами предоставления убежища. Члены семей держателя голубой карты получили право совместно приезда и доступ к рынку труда Евросоюза.

Среди положительных моментов новой директивы следует отметить повышение уровня гармонизации национальных и общеевропейского законодательства о трудовой миграции при неизблемости прерогативы государств-членов осуществлять контроль за границами и рынками труда. Облегчена мобильность обладателей голубой карты в пространстве ЕС вследствие сокращения с 18 до 12 месяцев срока их проживания в первом государстве-члене и снижения требований к их приему на работу в другом государстве. Гармонизированы правила, регулирующие предпринимательскую деятельность за пределами одного государства, которые, как правило, установлены национальными законодательствами. Однако владельцам голубых карт разрешено заключать контракты, но не предоставлять услуги на объектах клиентов в других странах ЕС [De Lange, Vankova, 2022: 502].

Неизменной остается прерогатива государств-членов сохранять национальные схемы и устанавливать число принимаемых мигрантов. Директивой предусмотрено использование ускоренной процедуры найма сотрудников так называемыми признанными работодателями, однако существуют проблемы с недостаточно ясными правилами и необязательным характером их применения. Не введены упрощенные процедуры признания квалификации специалистов для работы в секторах экономики, испытывающих нехватку высококвалифицированных сотрудников, например в здравоохранении.

У стран-членов ЕС остается достаточно возможностей для конкуренции друг с другом посредством создания привлекательных условий для работы высококвалифицированных специалистов. Они также могут понизить национальные стандарты, чтобы не предоставлять держателям голубых карт широкие права на доступ к рынку труда и равному обращению. Привлекательность долгосрочной мобильности

fied employment, and repealing Council Directive 2009/50/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021L1883&from=EN> (дата обращения: 04.05.2023).

внутри ЕС влияет на право государств-членов вводить дополнительные требования, например, касательно прохождения теста или представления документов для подтверждения квалификации.

Вопросы вызывает положение о возможности получения высококвалифицированными мигрантами статуса ЕС. Вначале планировалось, что он может быть предоставлен после трех лет проживания в одном из государств-членов, но во время переговоров не удалось достичь согласия по этому пункту. Это расценивается как еще одна упущенная возможность сделать рынок труда ЕС более привлекательным. При этом в Германии статус долгосрочного резидента можно получить через 33 месяца, в отдельных случаях через 21 месяц при условии владения немецким языком [Kolb, 2017: 18], поэтому ФРГ по-прежнему будет выдавать наибольшее количество голубых карт.

В качестве примера сложностей с получением статуса постоянного резидента можно привести ситуацию с индийскими специалистами в сфере информационно-коммуникационных технологий, работающих в Нидерландах: по истечении пяти лет действия трудового договора работодатели вынуждают их возвратиться в Индию [De Lange, 2019: 210].

С учетом права государств-членов проверять знание языка сложности возникают с переездом членов семей трудовых мигрантов. Это выступает сдерживающим фактором для увеличения количества выдаваемых голубых карт.

Достоинства и недостатки других нормативных документов

Оценка функционирования других документов в целом положительная. Эксперты особо выделяют такие положения директивы о сезонных работниках 2014 г., как обязанность работодателей обеспечить равное обращение с работниками и предоставить достойное жилье; наказание работодателей, нарушающих иммиграционное законодательство и плохо обращающихся с работниками¹. При этом отмечается географическая дисперсия разрешений, выдаваемых странами-членами в первый раз: 42% от их общего количества в 2019 г. пришлось на Польшу [European Parliament, 2021: 4].

Однако намерение Еврокомиссии предоставить сезонным работникам более широкие права противоречит интересам государств-членов, стремящихся избежать негативных последствий для своих граждан и принятия обременительных административных требований. В этой связи на усмотрение государств-членов оставлено, например, принятие решений о том, возлагать ли на работодателей возмещение сборов за подачу заявлений, оплату временной нетрудоспособности и командировочных расходов [Fudge, Olsson, 2014: 463–464].

Директива о внутрикорпоративных переходах 2014 г. позволила упростить иммиграционные формальности при переводе сотрудников компаний из числа граждан третьих стран на территорию ЕС. Несмотря на то что преимущества ее применения

¹ Peers S. Ending the exploitation of seasonal workers: EU law picks the low-hanging fruit. URL: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2015/02/ending-exploitation-of-seasonal-workers.html> (дата обращения: 29.04.2023).

не в полной мере реализованы во всех странах, достоинств у документа больше, чем недостатков. К последним, в частности, относятся необходимость выезда работников компаний за пределы ЕС и ожидания от трех (в Бельгии и Италии) до шести месяцев (в двенадцати государствах-членах) для подачи нового заявления и отсутствие определения понятия «зависимый иждивенец». В результате супругам в гражданском браке и однополым партнерам сложнее получить этот статус. В ряде стран отсутствует доступ иждивенцев к рынку труда и применяются ограничения на их самозанятость¹.

Привлекательным положением директивы о студентах и исследователях 2016 г. выступает право на трудоустройство. Однако после ее принятия сохранилось большое количество национальных правил, регулирующих деятельность в этой области, а правила мобильности стали более сложными. На усмотрение государств-членов оставлено применение требования о необходимости выезда студентов и исследователей, уже находящихся на их территории на законных основаниях, для подачи заявлений о трудоустройстве². Странам также дано право отказывать студентам и исследователям в повторной выдаче разрешения или в его продлении и требовать от них и членов их семей уплаты сборов за обработку документов и выдачу разрешений [De Lange, 2019: 211]. Нет также единой интерпретации понятия «примлемый прогресс в учебе», подтверждение которого необходимо для продления разрешения. Например, в Австрии студент должен представить письменные подтверждения успешного прохождения курса обучения в университете и продолжения учебы, а в Италии достаточно подтвердить сдачу в течение учебного года минимального количества экзаменов [Chaloff, 2016: 32–33].

Проведенные экспертами Еврокомиссии опрос и анализ плана действий по интеграции 2016 года выявили серьезные проблемы: недостаточное знание мигрантами языка страны пребывания; сложности с признанием их квалификации и ее повышением; дискриминация, ксенофобия и расизм; трудности с поиском работы; ограниченное взаимодействие с местным населением³. В результате доля взрослых (15–64 лет) с низким уровнем образования среди мигрантов составляет 38,5% по сравнению с 19,6% среди коренного населения, имеющих работу лиц трудоспособного возраста (20–64 лет) – соответственно 64,2 и 73,9%. Мигранты также чаще сталкиваются с проблемой обеспечения медицинским обслуживанием⁴.

¹ ICT Permit Study. Facilitating Intra-Corporate Transfers in the EU. Deloitte, December 2021, p. 23. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ch/Documents/tax/deloitte-ch-en-intra-corporate-transferees-study-2021.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).

² Peers S. The new Directive on immigration of students and researchers: a small step or a big leap forward? URL: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2015/11/the-new-directive-on-immigration-of.html> (дата обращения: 02.05.2023).

³ Analysis of the responses to the public consultation on the integration and inclusion of migrants and people with a migrant background. Synthesis report. November 2020. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files_en?file=2020-11/synthesis_analysis_responses_public_consultation_integration_inclusion_2020.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Action Plan on the integra-

В этой связи в 2020 г. принят план действий по интеграции на 2021–2027 гг.¹. Акцент в нем сделан на инклюзивное образование и профессиональную подготовку с раннего детства до получения высшего образования и изучение языка принимающего государства при поддержке фондов ЕС. Другие направления работы – повышение возможности трудоустройства и признание навыков, содействие доступу к медицинским услугам, информирование людей об их правах, доступ к достойному и доступному по цене жилью и обмен опытом борьбы с дискриминацией на рынке жилья и сегрегацией.

Заключение

Для Евросоюза и входящих в него государств регулирование трудовой трансграничной миграции имеет большое значение. В отдельных отраслях развитых европейских стран сформировались количественные и качественные диспропорции на рынке труда, не восполняемые за счет привлечения местной рабочей силы. В этой связи для нормального функционирования экономического механизма требуется создание таких правил работы граждан третьих стран, которые не нарушают права и не ухудшают конкурентные преимущества местных работников и не дискриминируют трудовых мигрантов.

Регулирование международной трудовой миграции в ЕС нацелено прежде всего на решение задач восполнения дефицита рабочей силы и повышения качества и профессионального уровня работников при минимизации затрат на их подготовку. Одновременно, как и в других регионах мира с активной трансграничной трудовой (и другими видами) миграции, принимающая сторона получает не только позитивные эффекты в виде относительного снижения затрат на единицу продукции за счет трудовых компонентов, перетока технологических знаний, но и негативные. К числу последних можно отнести экономические, связанные с вытеснением части местных трудовых ресурсов, оттоком денежных средств иностранных работников, определенное изменение структуры совокупного спроса, влияние на уровень оплаты труда, и социальные, важнейшими из которых можно считать обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов и низкий уровень интеграции иностранцев в местный социум.

Турбулентность как свойство современных международных отношений, в т. ч. экономических, накладывает отпечаток на географическую и отраслевую структуру перемещения рабочей силы разного уровня квалификации. Регуляторный вектор в сфере международной трудовой миграции в ЕС нацелен на получение преимуществ от притока необходимой высококвалифицированной и сезонной рабочей силы через создание благоприятных условий для ее интеграции в европейский социум.

tion and inclusion 2021–2027. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0758&from=EN> (дата обращения: 27.04.2023).

¹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л.С. (2020) *Регулирование легальной миграции в Европейском союзе*. ИЕ РАН, Москва. 150 с. DOI: 10.15211/report42020_371
- Журбина Н.Е. (2018) Политические проблемы урегулирования трудовой миграции в Европе. *Вопросы политологии*. № 8(36). С. 460–470.
- Мартиросян Д.Г. (2022) Регулирование легальной трудовой миграции из третьих стран в соответствии с законодательством Европейского союза. *Научное обозрение. Серия 1: экономика и право*. № 1. С. 121–131. DOI: 10.26653/2076-4650-2022-1-09
- Пасякина Л. (2011) ЕС и трудовая миграция. *Современная Европа*. № 3 (47). С. 92–105.
- Потемкина О.Ю. (2020а) Европейский союз: сезонные рабочие в условиях пандемии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 5(17). С. 45–51. DOI: 10.15211/vestnikieran520204551
- Потемкина О.Ю. (2020б) Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 2. С. 100–110. DOI: 10.15211/soveurope22020100110
- Семко Г.В. (2021) Трудовая миграция в Европейском союзе в условиях кризиса COVID-19. *Экономические и социальные проблемы России*. № 4(48). С. 110–128. DOI: 10.31249/espr/2021.04.06
- Caldarini C. (2022) *Atypical work and the social protection of migrants in Europe*. FEPS, Brussels, Belgium. 35 p.
- Chaloff J. (2016) *The Impact of EU Directives on the labour migration framework in EU countries*. OECD Social, Employment and Migration Working Papers 180. OECD Publishing, Paris, France. 86 p. DOI: 10.1787/5jlwxbzpw33-en
- De Lange T. (2019) A ‘Guildian’ Analysis of The Equivocal Trusted Sponsorship under EU Labour Migration Law. *Caught In Between Borders: Citizens, Migrants and Humans*. Ed. by P.E. Minderhoud, S.A. Mantu, K.M. Zwaan. Wolf Legal Publishers, Tilburg, Netherlands. P. 209–216.
- De Lange T., Vankova Z. (2022) The Recast EU Blue Card Directive: Towards a Level Playing Field to Attract Highly Qualified Migrant Talent to Work in the EU? *European Journal of Migration and Law*. No. 24. P. 489–515. DOI: 10.1163/15718166-12340138
- Dorn D., Zweimüller J. (2021) Migration and Labor Market Integration in Europe. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 35. No. 2. P. 49–76. DOI: 10.1257/jep.35.2.49
- European Parliament (2021) *Legal Migration Policy and Law*. European Parliament Research Service, Brussels, Belgium. 98 p. DOI: 10.2861/912905
- Farcy J-B. (2020) Labour Immigration Policy in the European Union: How to Overcome the Tension between Further Europeanisation and the Protection of National Interests? *European Journal of Migration and Law*. No. 22. P. 198–223. DOI: 10.1163/15718166-12340074
- Fudge J., Olsson P.H. (2014) The EU Seasonal Workers Directive: When Immigration Controls Meet Labour Rights. *European Journal of Migration and Law*. No. 16. P. 439–466.
- Kolb H. (2017) From Brakeman to Booster: Policy change. *International Migration*. Vol. 55. Issue S1. P. 11–21. DOI: 10.1111/imig.12368
- Laubenthal B. (2017) Introduction: Labour Migration in Europe: Changing Policies – Changing Organizations – Changing People. *International Migration*. Vol. 55 (S1). P. 3–10. DOI: 10.1111/imig.12408
- Lavenex S. (2006) Shifting Up and Out: The Foreign Policy of European Immigration Control. *West European Politics*. Vol. 29. No. 2. P. 329–350.
- Minderhoud P. (2021) Regulation of EU labour migration: At a crossroads after the new Pact on Migration and Asylum. *Utrecht Law Review*. Vol. 17 (4). Special Issue: Mobility in a European Post-Crisis Scenario: Regulatory Dynamics and Enforcement Challenges. P. 31–44. DOI: 10.36633/ulr.749.

Oğuz G. (2020) *Labour Migration in the European Union*. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-030-36185-3_3

Schmid-Drüner M. (2020) *New avenues for legal and labour migration*. European Parliament, Brussels, Belgium. 29 p.

Thym D., Hailbronner K. (ed.) (2022) *EU Immigration and Asylum Law: Article-by-Article Commentary*. Verlag C.H. Beck oHG, München, Germany. 1806 p.

International Labor Migration Policy of the European Union

N.S. Revenko*

Candidate of Sciences (Politics)

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Propekt, Moscow, Russia, 125993

***E-mail:** *reni100@yandex.ru*

Abstract. The cross-border movement of labour is associated with an objective need for the host country to accept and comply with the relevant rules. This problem has always existed for the European Union and its member states due to the attractiveness of the region for migrant workers, relatively high standard of living and the widely diversified sectoral structure of the economy. Based on the analysis of the relevant directives, the article chronologises the stages of regulation of international labour migration in the EU with an emphasis on the present. Close attention is given to the EU regulatory practice of the issues of attracting highly qualified and seasonal labour third-countries workers, students and researchers, facilitating intra-corporate transfers. In this context the regulatory vector in the area of international labour migration to the EU is aimed at obtaining benefits from the influx of the necessary labour force through the creation of favorable conditions for its integration into European society. The implementation of Directive on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purpose of highly qualified employment will depend on the applicable practices of the EU member states. The study reveals the dualism of the economic effects of international labor migration received by the EU at present: positive in the form of a relative reduction in unit costs due to labor components, the flow of technological knowledge and negative ones associated with the displacement of part of local labor resources, the outflow of funds from foreign workers, changes in the structure of aggregate demand, the impact on the level of wages, aggravation of interethnic and interfaith conflicts against the background of a low level of integration of foreigners into local society.

Key words: European Union, labour migration, highly qualified workers, blue card, intra-corporate transfers, students and researchers, integration of migrants

DOI: 10.31857/S0201708323050091

EDN: xytex

REFERENCES

Bisson L.S. (2020) *Regulirovanie legal'noj migracii v Evropejskom sojuze* [Legal Migration Governance in the European Union], IE RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Caldarini C. (2022) *Atypical work and the social protection of migrants in Europe*, FEPS, Brussels, Belgium.

Chaloff J. (2016) *The Impact of EU Directives on the labour migration framework in EU countries*, OECD Social, Employment and Migration Working Papers 180, OECD Publishing, Paris, France.

De Lange T. (2019) A 'Guildian' Analysis of The Equivocal Trusted Sponsorship under EU Labour Migration Law, in *Caught In Between Borders: Citizens, Migrants and Humans*, P.E. Minderhoud, S.A. Mantu, K.M. Zwaan (ed.), Wolf Legal Publishers, Tilburg, Netherlands, pp. 209–216.

De Lange T., Vankova Z. (2022) The Recast EU Blue Card Directive: Towards a Level Playing Field to Attract Highly Qualified Migrant Talent to Work in the EU? *European Journal of Migration and Law*, 24, pp. 489–515.

Dorn D., Zweimüller J. (2021) Migration and Labor Market Integration in Europe, *Journal of Economic Perspectives*, 35(2), pp. 49–76.

European Parliament (2021) *Legal Migration Policy and Law*, European Parliament Research Service, Brussels, Belgium.

Farcy J-B. (2020) Labour Immigration Policy in the European Union: How to Overcome the Tension between Further Europeanisation and the Protection of National Interests? *European Journal of Migration and Law*, 22, pp. 198–223.

Fudge J., Olsson P.H. (2014) The EU Seasonal Workers Directive: When Immigration Controls Meet Labour Rights, *European Journal of Migration and Law*, 16, pp. 439–466.

Kolb H. (2017) From Brakeman to Booster: Policy change, *International Migration*, 55(S1), pp. 11–21.

Laubenthal B. (2017) Introduction: Labour Migration in Europe: Changing Policies – Changing Organizations – Changing People, *International Migration*, 55(S1), pp. 3–10.

Lavenex S. (2006) Shifting Up and Out: The Foreign Policy of European Immigration Control, *West European Politics*, 29(2), pp. 329–350.

Martirosyan D.G. (2022) Regulirovanie legal'noj trudovoj migracii iz tret'ih stran v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Evropejskogo sojuza [Legal Labor Migration Regulation from Third Countries Under European Union Law], *Nauchnoe Obozrenie, Serija 1 Ekonomika i Pravo*, 1, pp. 121–131. (In Russian).

Minderhoud P. (2021) Regulation of EU labour migration: At a crossroads after the new Pact on Migration and Asylum, *Utrecht Law Review*, 17(4), Special Issue, pp. 31–44.

Oğuz G. (2020) *Labour Migration in the European Union*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Pasiakina L. (2011) ES i trudovaja migracija [the EU and labour migration], *Sovremennaya Evropa*, 3(47), pp. 92–105. (In Russian).

Potemkina O.Yu. (2020a) Evropejskij sojuz: sezonnye rabochie v uslovijah pandemii [European Union: Seasonable Workers Under COVID-19 Pandemic], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 5(17), pp. 45–51. (In Russian).

Potemkina O.Yu. (2020b) Multilevel Governance of the EU Migration Policy, *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 100–110. (In Russian).

Schmid-Drüner M. (2020) *New avenues for legal and labour migration*, European Parliament, Brussels, Belgium.

Semeko G.V. (2021) Trudovaja migracija v Evropejskom sojuze v uslovijah krizisa COVID-19 [Labor Migration to the European Union in the Context of COVID-19 Crisis], *Economic and Social Problems of Russia*, 4(48), pp. 110–128. (In Russian).

Thym D., Hailbronner K. (ed.) (2022) *EU Immigration and Asylum Law: Article-by-Article Commentary*, Verlag C.H. Beck oHG, München, Germany.

Zhurbina N.E. (2018) Politicheskie problemy uregulirovanija trudovoj migracii v Evrope [Political Problems of Settling Labor Migration in Europe], *Political Science Issues*, 8(36), pp. 460–470. (In Russian).

УДК 331.1

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТКЛЮЧЕНИЕ

© 2023 г. КОЛЕСОВ Денис Иванович*

Младший научный сотрудник

*Отдела социальных и политических исследований, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3*

**E-mail: deniskolesov@gmail.com*

Поступила в редакцию 12.05.2023

После доработки 23.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В статье проанализирована реализация права на отключение в рамках социальной защиты работников. Технологическое развитие привело к развитию и распространению труда на основе информационных и коммуникационных технологий, включая удаленную занятость. Дистанционная занятость меняет пространственные и временные характеристики трудовых отношений и способствует развитию культуры труда на основе принципа «всегда на связи». В исследовании представлены различные подходы к определению нового права. Право на отключение (*R2D*) может быть применимо к регулярной телеработе, к гибридным формам трудовых отношений, к коммуникации по рабочим вопросам на неформальной основе. *R2D* проанализировано исходя из адресности и универсальности социальной защиты, жестких и мягких мер, а также из компонентов нового права: возможность работников, обязанность работодателя, коммуникация с работодателем и работником, защита от неблагоприятных последствий. Правовые акты, служащие основой для права на отключение, создают отдельный трудово-правовой режим занятости телеработников, исходя которого формируется адресный подход к социальной защите. Вместе с тем регулирование отключения, предложенное в рамочном соглашении о цифровизации и резолюции Европарламента от 21 января 2021 г. с рекомендациями Комиссии по праву на отключение, предполагает более универсальный подход. Резолюция признает право на отключение основным правом и предполагает жесткие нормативные и технологические меры для соблюдения периодов работы и отдыха. Соглашение основывается на изменении корпоративной культуры – мягкий подход. Сделан вывод, что на сегодняшний день право на отключение – единственный проект организации цифровых трудовых отношений и социальной защиты телеработников. Дискуссии о праве на отключение затрагивают вопрос эффективности социального диалога в условиях адаптации к цифровой организации труда, а также возможности сохранения бинарного понимания периодов работы и отдыха.

Ключевые слова: право на отключение, право на офлайн, социальная защита, цифровизация, цифровой труд, удаленная работа, телеработа

DOI: 10.31857/S0201708323050108

EDN: yaglzl

Технологическое развитие меняет социальные отношения, оказывает влияние на политику, экономику и культуру. Технологии создают новую темпоральность, основанную на мгновенном времени в противовес индустриальному часовому [Урри, 2012]. Индустриальное общество строго разделяло труд и досуг, а современное характеризуется пористостью, в которой они тесно переплетаются друг с другом, что обуславливает интенсификацию труда [Маяцкий, 2015]. Научно-технический прогресс привел к появлению цифровых форм труда, включающих удаленную работу. Дистанционная занятость меняет пространственные и временные характеристики трудовых отношений. Цифровизация позволяет работнику находиться всегда на связи, выполнять работу независимо от физического расположения. Пространства новых технологий дали возможность разорвать связь с рабочим местом и поместили человека «в рамки постоянного, хотя и прерывистого рабочего цикла», что способствовало «созданию трудовой этики и дисциплины, основанной на принципе “всегда на связи”» [Паяль, 2015: 100]. Рост использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) поднимает вопрос формирования и защиты будущих цифровых прав [Custers, 2022]. Самые сложные инициативы в этой области связаны с так называемым правом на отключение (*right to disconnect*, *R2D*). Оно должно ограничить негативные последствия внедрения информационных технологий и решить проблемы, связанные с трансформацией труда и трудовых отношений, такие как «работа без конца» [Eurofound, ILO, 2017: 49].

Право на отключение как инструмент социальной защиты

Согласно Европейскому словарю производственных отношений, «право на отключение относится к праву работника иметь возможность отключиться от работы и отказаться от использования связанных с работой электронных коммуникаций, таких как электронные письма или другие сообщения, в нерабочее время»¹. Впервые *R2D* введено во Франции в 2017 году. Несмотря на опасения, что после окончания пандемии *COVID-19*, регулирование удаленной занятости перестанет быть актуальным², *R2D* продолжает обсуждаться в рамках национальных законодательств и социального диалога. Например, 13 июня 2023 г. парламент Люксембурга принял законопроект об изменении трудового кодекса, включающий введение права на отключе-

¹ Right to disconnect. European Industrial Relations Dictionary. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/right-to-disconnect> (дата обращения: 16.05.2023).

² См., например: Tsolaki E. The right to disconnect: EU lost in translation? LegalPost.eu. 06.02.2021. URL: <http://www.legalpost.eu/2021/02/the-right-to-disconnect-eu-lost-in.html> (дата обращения: 16.06.2023).

ние¹; 26 мая 2023 г. подписаны коллективные соглашения итальянской банковской группы «Интеза Санпаоло» с профсоюзами, включающие *R2D*². По данным Евростата, доля занятых постоянно из дома в ЕС выросла почти в два раза после пандемии – с 5,4% в 2019 г. до 10,2% в 2022 г.³ При этом, согласно опросу Еврофонда и Европейского фонда образования весной 2022 г., 65% респондентов хотели бы работать из дома несколько раз в неделю или в месяц⁴. Переход от удаленной занятости к гибридной (совмещение надомной работы и работы на территории работодателя) – один из сценариев развития европейского рынка труда после пандемии. Это поднимает проблему применимости *R2D* к традиционной удаленной занятости на регулярной основе дома или временной дистанционной работе. Вместе с тем коммуникации по рабочим вопросам могут осуществляться на неформальной основе в рамках стандартной занятости, что также может рассматриваться как форма цифрового труда.

Среди исследователей распространены разные трактовки права на отключение. *R2D* может рассматриваться как часть более широкого права на офлайн, связанного с постоянным присутствием технологий [Custers, 2022]. Право на отключение трактуется как регулирование рабочих обязанностей в нерабочее время, которые противоречат уже существующему законодательству [Glowacka, 2020], как часть права на справедливые условия труда [Chesalina, 2021] или как новое трудовое право [Dagnino, 2020].

В широком смысле право на отключение содержит три основных элемента: право работника не выполнять работу в нерабочее время; право не подвергаться наказанию за отказ решать рабочие вопросы в нерабочее время; обязанность уважать право другого человека (например, не посылать сообщения по электронной почте или не звонить в нерабочее время). В отношении работодателя *R2D* включает негативную обязанность – воздерживаться от вступления в контакт с работником и позитивную обязанность – обеспечивать работников средствами для осуществления права [Chesalina, 2021: 39]. *R2D* может реализовываться через жесткие и мягкие меры. Первые включают блокировку сообщений и доступа к электронной почте в определенные периоды времени, вторые – напоминания о соблюдении, создание корпоративной культуры, обучение [Eurofound, 2021].

R2D обычно рассматривается как инструмент защиты в сферах занятости на основе ИКТ. К отрицательным последствиям телеработы⁵ относятся сверхзанятость,

¹ Obert M. Parliament passes bill on right to disconnect. Delano. 14.06.2023. URL: <https://delano.lu/article/a-new-right-to-disconnect-and-> (дата обращения: 16.05.2023).

² Well-being at the heart of Italian collective bargaining. ETUC. 19.06.2023. URL: <https://etuc.org/en/well-being-heart-italian-collective-bargaining> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Employed persons working from home as a percentage of the total employment, by sex, age and professional status (%). Eurostat. 27.04.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFSA_EHOMP__custom_7001015/default/table?lang=en (дата обращения: 16.05.2023).

⁴ Eurofound, ETF. Living, working and COVID-19 in the European Union and 10 EU neighbouring countries. Luxembourg. Publications Office of the European Union. P 23. DOI: 10.2806/442725

⁵ В ЕС и США для определения понятий «удаленная», «дистанционная работа» и «работа на основе ИКТ» получил распространение термин «телеработа».

негативные влияние на баланс между работой и личной жизнью, а также последствия для физического здоровья. Стресс и представления о негативном влиянии работы на здоровье чаще возникают среди телеработников [Eurofond, ILO, 2017: 40]. Телеработа наделяет работодателя большими властным потенциалом и возможностями для злоупотребления договорными отношениями¹. Она может приводить к карьерной ловушке, когда удаленные работники лишены таких возможностей, как повышение, или ограничены менее оплачиваемой и привлекательной деятельностью, и контрактному дистанцированию, связанному с классификацией работников как самозанятых². Введение *R2D* в ряде стран Евросоюза создает возможности для нового вида социального демпинга: «компании могут перенести часть своей деятельности в страны ЕС, где такие ограничения не были введены, а “брать работу на дом” – обычное явление»³.

Негативные стороны удаленной занятости предполагают адресную социальную защиту. Проблема выделения определенной категории для защиты сопровождается меняющимся характером занятости и организации рабочих процессов. Многие профессии, включая предполагающие стандартную занятость на территории работодателя, обладают технической возможностью для удаленной занятости [Sostero et al., 2020]. «Поскольку сам процесс труда приобретает сетевой характер и осуществляется зачастую с обязательным использованием информационно-коммуникационных технологий, а взаимодействие работодателя с работником происходит все чаще дистанционно, то все это позволяет говорить о переходе к цифровой организации труда» [Офман, 2021: 25]. *R2D* для занятых на основе ИКТ приведет к неравенству со стандартными занятыми, вовлеченными в коммуникацию в период отдыха, но не попадающими под категорию «телеработник». Кроме того, сама телеработа рассматривается как инструмент социальной защиты не только во время кризисов, например, в директиве 2019/1158 от 20 июня 2019 г. о балансе между профессиональной и личной жизнью родителей и лиц, осуществляющих уход.

Таким образом, с одной стороны, потенциал телеработы для повышения благосостояния и баланса работы и жизни должен подкрепляться законодательным регулированием, с другой – предоставление дополнительной социальной защиты для удаленных работников может повлечь ошибки в выделении категории для адресной помощи. В связи с этим появляется необходимость универсального регулирования как в пространственном, так и в социальном измерениях. В вопросе конструирования категории для социальной защиты, *R2D* находится в классической ловушке между универсализмом и адресностью. Последняя связана с дифференциацией правового регулирования, главная цель которого – предоставление гарантий и пре-

¹ Tsolaki E. The right to disconnect: EU lost in translation?

² Countouris N., De Stefano V. Working from a distance: remote or removed? Social Europe. 16.06.2022 URL: <https://www.socialeurope.eu/working-from-a-distance-remote-or-removed> (дата обращения: 16.06.2023).

³ Kubiak S., Magnuska K. The right to Disconnect: Real relief for employees or just additional obligations for employers? Wardynski & Partners. 06.2021. URL: <https://wardynski.com.pl/upload/2021/06/the-right-to-disconnect.pdf> (дата обращения: 23.06.2023)

имуществ работникам в худших по сравнению с другими условиях [Рогалева, Рогалева, 2017: 88]. Выделение категории удаленных занятых приводит к созданию специального трудового статуса работника (адресный подход). Однако он вызывает проблемы в выделении групп – низкий или высокий порог вхождения в группу, игнорирование позиции индивидуумов, упрощение сложности группы. Универсализм предполагает распространение *R2D* на всех работников в целом, но также обладает рядом недостатков, например: невозможность отказаться от социальной защиты, помощь благополучным группам [Spicker, 2014: 78–80].

Современный этап развития Европейской социальной модели основывается на Европейской опоре социальных прав (ЕОСП) [Борко, Биссон, 2019]. 9 принцип «Баланс между работой и жизнью» и 10 принцип «Здоровая, безопасная и хорошо адаптированная рабочая среда и защита данных»¹ связаны с регулированием телеработы. В Европейской декларации о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия *R2D* относится к справедливым условиям труда: «Мы обязуемся обеспечить каждому возможность отключиться и воспользоваться гарантиями баланса между работой и личной жизнью в цифровой среде»². В тексте декларации не употребляется понятие «права» применительно к отключению – речь идет о возможности отключиться, как декларируемом принципе.

В феврале 2023 г. сформированная Еврокомиссией (ЕК) Группа высокого уровня по будущему социальной защиты и государства всеобщего благосостояния в ЕС представила доклад «Будущее социальной защиты и государства всеобщего благосостояния в ЕС» и рекомендации, которые включают «доступ к социальной защите для всех занятых, независимо от их статуса» и «высокое качество работы в течение трудовой жизни»³. Под доступом к социальной защите подразумевается, что каждый, независимо от контракта или формы работы, должен иметь доступ к адекватной и доступной на протяжении всей жизни социальной защите и вносить свой вклад, а качество работы – достойный и надежный доход, автономию, физическое и психическое здоровье, возможности карьерного роста и баланс между работой и личной жизнью⁴.

R2D выступает одним из важнейших инструментов социальной политики и постепенно становится частью Европейской социальной модели, но остается аморфной конструкцией. Право на отключение может включать различные параметры, такие как возможность работников не вступать в коммуникацию, обязанность работодателя, защита от неблагоприятных последствий. Ключевыми вопросами для реализации *R2D* выступает универсальность и адресность, мягкие и жесткие меры. Направленность на телеработников должна предоставить им дополнительную защиту от психосоциальных рисков, уравнивать в правах, качестве жизни со стандарт-

¹ The European Pillar of Social Rights in 20 principles. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1606&langId=en> (дата обращения: 23.06.2023)

² European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade. OJ C 23. 23.01.2023. P. 1–7.

³ Ensuring the future of social protection and of the welfare state in the EU. 03.02.2023. 3 p. DOI: 10.2767/806964

⁴ The Future of Social Protection and of the Welfare State in the EU. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2023. 98 p. DOI: 10.2767/35425

ными занятыми, но может привести к дополнительным гарантиям для групп, которые находятся в лучших условиях, и усилить социальное неравенство.

Регулирование режима занятости телеработников

Одним из ключевых нормативных актов в трудовом праве ЕС выступает директива 2003/88/ЕС от 4 ноября 2003 г. о некоторых аспектах организации рабочего времени (*WTD*). *WTD* применима во всех секторах, тем самым носит универсальный характер, но предполагает ряд исключений, в частности, для работников, рабочее время которых не может быть измерено, или заранее обговорено, или работник сам определяет рабочее время¹. На национальном уровне это исключение может распространяться на надомных работников². В марте 2023 г. ЕК обновила интерпретативное сообщение 2017 г., включающее 80 решений Суда ЕС на сентябрь 2022 г., основанных на *WTD*. В нем отмечается, что распространение гибкой занятости может привести к более широкому использованию отступлений директивы и что она не предполагает отдельных промежуточных периодов между работой и отдыхом. С этой позиции *R2D* не имеет сферы регулирования, т. к. подключение не относится к двум последним категориям. Однако оно полностью не попадает под критерии рабочего времени: пространственный – рабочее место или место, определенное работодателем; временной – работник находится в распоряжении работодателя и готов оказать соответствующие услуги немедленно в случае необходимости; качественный – работник должен выполнять должностные обязанности³.

Обсуждения пересмотра директивы сосредоточены на следующих вопросах: точное формулирование положения об отказе, отступления, определение автономных работников, учетный период для исчисления рабочего времени, время дежурства (*on-call time*), компенсационный отдых, применение директивы к каждому работнику или к контракту. В 2023 г. ряд государств-членов предложили пересмотреть положения *WTD* с учетом новых форм занятости. Несколько стран выступили за более подробное законодательство касательно рабочего времени, предоставления периодов отдыха удаленным работникам и общения работодателя с сотрудниками⁴. Несмотря на дискуссии о применении директивы к нестандартным условиям труда, можно отметить движение в сторону универсальности за счет расширения

¹ Directive 2003/88/EC of the European Parliament and of the Council of 4 November 2003 concerning certain aspects of the organisation of working time. OJ L 299. 18.11.2003. P. 9–19.

² Report on the implementation by Member States of Directive 2003/88/EC concerning certain aspects of the organisation of working time. 26.04.2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017DC0254> (дата обращения: 24.06.2023).

³ Corrigendum to Communication from the Commission Interpretative Communication on Directive 2003/88/EC of the European Parliament and of the Council concerning certain aspects of the organisation of working time. OJ C 143. 26.04.2023. P. 8–77.

⁴ Detailed report on the implementation by Member States of Directive 2003/88/EC concerning certain aspects of the organisation of working time. 15.03.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=SWD:2023:40:FIN> (дата обращения: 24.06.2023).

применения *WTD* к дифференцированным режимам, например: к волонтерам¹ и военнослужащим².

Среди решений на основе *WTD* следует отметить дело C- 518/15 Вилле де Нивеллес против Руди Мацака и дело профсоюза «*Federación de Servicios de Comisiones Obreras (CCOO)*» против Дойче Банка³. В первом деле Суд ЕС определил: «время ожидания, которое работник проводит дома с обязанностью отвечать на звонки своего работодателя в течение 8 минут, что весьма существенно ограничивает возможности для другой деятельности, должно рассматриваться как “рабочее время”»⁴. Дело Мацака ввело новый временной промежуток «время ожидания (*stand-by time*)» наравне с работой, отдыхом и временем дежурства. Решение ввело качество (возможность заниматься деятельностью, не связанной с работой) как критерий для определения периодов работы и отдыха. Таким образом, подключение и отключение могут представлять промежуточные категории, которые будут зависеть от качества и интенсивности деятельности. По результатам дела C-55/18 государства-члены ЕС должны требовать от работодателей создания системы, которая измеряет продолжительность рабочего времени, ежедневно отработанного каждым работником. Решение Суда ЕС предполагает создание технологических инструментов для классификации практик подключения. В зависимости от продолжительности и качества временем работы может считаться как сам факт подключения, так и весь период, в который работник связывается с коллегами или работодателем.

20 июня 2019 г. принята директива 2019/1152 о прозрачных и предсказуемых условиях труда, которая, в частности, регулирует полностью или в основном непредсказуемый режим работы. Согласно статье 10, при таком режиме работа должна выполняться в течение заранее установленных часов и дней, а работодатель обязан проинформировать работника о назначении в течение разумного срока уведомления. В случае невыполнения одного из требований работник имеет право отказаться от задания без неблагоприятных последствий⁵. Тем самым директива предполагает наличие *R2D* в случае отсутствия информирования. Вместе с тем это не препятствует неофициальному выполнению телеработы за пределами рабочего времени [Vargas-Llave et al., 2020: 11]. Директива затрагивает также только рабочие обязанности, а не коммуникацию с сотрудниками или работодателями.

¹ Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 21 February 2018 *Ville de Nivelles v Rudy Matzak*. C-518/15. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-518/15> (дата обращения: 24.06.2023).

² Judgment of the Court (Grand Chamber) of 15 July 2021 *B. K. v Republika Slovenija (Ministrstvo za obrambo)*. C-742/19. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?lgrec=fr&td=%3BALL&language=en&num=C-742/19&jur=C> (дата обращения: 24.06.2023).

³ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 14 May 2019 *Federación de Servicios de Comisiones Obreras (CCOO) v Deutsche Bank SAE*. C-55/18. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-55/18> (дата обращения: 24.06.2023).

⁴ Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 21 February 2018 *Ville de Nivelles v Rudy Matzak*.

⁵ Directive (EU) 2019/1152 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on transparent and predictable working conditions in the European Union. OJ L 186. 11.07.2019. P. 105–121.

В рамках реализации 10 принципа ЕОСП в 2021 г. ЕК приняла стратегическую рамочную программу по безопасности и гигиене труда на 2021–2027 гг. Первая цель «предвидеть и управлять изменениями в новом мире труда» предполагает задачи модернизации и упрощения системы охраны труда с фокусом на психосоциальных рисках, вызванных переходом на телеработу. К практическим шагам новой программы относятся пересмотр директивы о рабочем месте, подготовка законодательной инициативы, касающейся психологических рисков и приглашение социальных партнеров найти решение для вызовов телеработы, цифровизации и права на отключение¹. Документ предполагает более тесное включение телеработы в законодательную структуру охраны труда, но в основном она затрагивает мониторинг и обновление уже существующего законодательства и оставляет реализацию *R2D* в рамках социального диалога.

Регулирование телеработы в рамках социального диалога основывается на рамочном соглашении о телеработе 2002 г.² и рамочном соглашении о цифровизации 2020 г.³ В первом соглашении адресная категория определяется трудовым договором, регулярностью, использованием информационных технологий, работой за пределами территории работодателя, которая возможна также на его территории. Документ не затрагивает рост использования ИКТ на случайной и неформальной основе [Eurofound, ILO, 2017: 44], современные характеристики телеработы, а также гибридную и временную занятости. Значительная часть телеработников не попадает под его действие, что приводит к ограниченности права на отключение [Gschwind, Vargas, 2019: 70], т. е. социальная защита телеработников включает ошибку исключения (*exclusion error*), характерную для адресного подхода к социальной защите [Devereux, 2021]. *R2D* стало элементом рабочей программы социальных партнеров на 2022 – 2024 гг. Один из практических шагов – пересмотр соглашения о телеработе 2002 г. Новое соглашение будет предложено в качестве юридически обязательного, реализуемого посредством директивы⁴. Новые принципы регулирования должны включать тенденции развития телеработы за последние двадцать лет. Пересмотр соглашения изменит группу для социальной защиты и заложит основы права на отключение. Таким образом, *R2D* выступает адресной социальной защитой, применимой в первую очередь к узкой группе телеработников, что осложняет выделение категории для защиты и появлению возможностей для обхода законодательства. Изменение понятия «телеработа» приведет к расшире-

¹ EU strategic framework on health and safety at work 2021-2027. Occupational safety and health in a changing world of work. 28.06.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0323> (дата обращения: 24.06.2023).

² Framework agreement on telework. 16.07.2002. URL: https://resourcecentre.etuc.org/sites/default/files/2020-09/Telework%202002_Framework%20Agreement%20-%20EN.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

³ European Social Partner framework agreement on digitalisation. URL: <https://www.etuc.org/system/files/document/file2020-06/Final%2022%2006%20Agreement%20on%20Digitalisation%202020.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

⁴ European Social Dialogue. Work Programme 2022–2024. URL: <https://resourcecentre.etuc.org/work-programmes> (дата обращения: 24.06.2023).

нию группы для социальной защиты, но не к решению проблем, связанных с социальным неравенством и будущим развитием удаленной занятости.

Противоречие между мягким и жестким регулированием

Универсальный подход представлен в рамочном соглашении о цифровизации 2020 г. и резолюции Европарламента от 21 января 2021 г. с рекомендациями Комиссии по праву на отключение¹, но они предполагают разные меры по реализации *R2D*. Первое предполагает регулирование модальностей подключения и отключения. Оно фокусируется на профилактике рисков, соблюдении существующего законодательства, предоставлении информации об использовании цифровых устройств, создании корпоративной культуры, позволяющей избегать контакты в нерабочее время, достижении организационных целей для поддержания процедур в культуре отсутствия вины². Таким образом, соглашение основывается на регулировании отключения в первую очередь посредством усовершенствования корпоративной культуры и информирования. Вместе с тем оно устанавливает, что работник не обязан контактировать с работодателем в нерабочее время, а любое дополнительное отработанное время должно быть компенсировано. Меры в соглашении можно подразделить на нормативные и культурные. Первые ограничиваются соблюдением законодательства и компенсацией сверхурочной занятости, тем самым основное внимание уделяется культурным, или организационным [Senatori, 2020]. В итоге, соглашение не включает *R2D* как обязанность работодателя и требует для реализации желание со стороны работодателя продвигать корпоративную культуру.

В соглашении отсутствует определение понятий «подключение» и «отключение», более того модальности предполагают различные способы подключения и отключения, а значит множественность возможных способов регулирования. В соглашении также не указано, что понимается под цифровой занятостью и цифровыми средствами, которые могут включать различные формы контакта работодателя с работниками или между последними. Тем самым, абстрактные меры и категории придают соглашению универсальный характер, но поднимает вопросы о реализации *R2D* на национальном уровне в зависимости от понимания цифровой занятости и цифровых средствах. Меры в соглашении являются мягкими, т. к. не предполагают нормативных или технологических ограничений.

Резолюция Европарламента от 21 января 2021 года предлагает законопроект отдельной директивы для регулирования права на отключение. Она признает *R2D* как основное право и важный инструмент социальной политики на уровне Союза для обеспечения защиты прав всех работников³. Рекомендованная директива применима к любому виду занятости и включает как возможность отключиться, так и обязанность работодателей не требовать от работников подключения, а также защиту от неблаго-

¹ European Parliament resolution of 21 January 2021 with recommendations to the Commission on the right to disconnect. OJ C 456. 10.11.2021. P. 161–176.

² European Social Partner framework agreement on digitalisation.

³ European Parliament resolution of 21 January 2021 with recommendations to the Commission on the right to disconnect.

приятных последствий и карьерной ловушки. Рекомендованная директива предполагает жесткий подход, включающий как нормативные, так и технологические меры. Меры по реализации включают, в частности, отключение цифровых рабочих инструментов, в т. ч. инструменты мониторинга и системы учета рабочего времени; оценку безопасности и гигиены труда и психосоциальные риски. Кроме того, документ содержит организационные меры: работодатель не должен продвигать культуру «всегда на связи».

Проект директивы вводит понятие отключения, но не вносит изменения в трактовку рабочего времени: «“отключиться” означает не заниматься связанной с работой деятельностью или общением с помощью цифровых инструментов, прямо или косвенно, вне рабочего времени»¹. Резолюция содержит отступления, которые намного уже чем в *WTD*. Отступления в директиве касаются только «исключительных обстоятельств, таких как форс-мажор или другие чрезвычайные обстоятельства», при этом работодатель должен предоставить объяснения их необходимости в письменном виде².

Вместе с тем в резолюции указано, что принятие директивы во время действия Соглашения пренебрегает ролью социальных партнеров. Таким образом, принятие директивы отложено. Комиссия в ответ на резолюцию также подчеркнула роль социальных партнеров в определении и реализации мер, касающихся *R2D* [Ridley, 2021]. В Плане действий ЕОСП³ и в Программе по охране труда отметила, что собирается предпринять дальнейшие шаги согласно резолюции без указания конкретных действий. Меры в соглашении должны быть предприняты в течение трех лет с даты подписания. В итоге, принятие директивы зависит от оценки результатов соглашения ЕК и социальными партнерами.

Конфедерации европейского бизнеса *BusinessEurope* считает, что *R2D* должно основываться на соглашении. Европейская конфедерация профсоюзов (*European Trade Union Confederation, ETUC*) призвала ЕК без промедления выступить с законодательной инициативой в виде директивы. Продвижение права на отключение является частью программы действий организации на 2019-2023 годы⁴. *ETUC* критикует положения соглашения о модальностях подключения и отключения и решение Комиссии отложить реализацию законодательной инициативы. Положение об отсрочке нарушает институциональный баланс, т. к. такая рекомендация не входит в компетенции Европарламента. *ETUC* исходит из того, что работодатели оказали давление на ЕП и тем самым задерживают достижение целей сообщества⁵. В сообщении Комиссии 2004 г. «Партнерство во имя перемен в расширенной Европе – усиление вклада европейского социального диалога» отмечается, что ЕК может воспользоваться правом законодательной инициативы в период реализации авто-

¹ Там же.

² Там же.

³ The European Pillar of Social Rights Action Plan. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2021. 48 p. DOI: 10.2767/89

⁴ ETUC Action Programme 2019-2023. URL: <https://www.etuc.org/en/publication/etuc-action-programme-2019-2023> (дата обращения: 29.07.2023).

⁵ ETUC Position on the Right to Disconnect. 22.03.2021. URL: https://www.etuc.org/en/document/etuc-position-right-disconnect#_ftn10 (дата обращения: 29.07.2023).

номного соглашения, если она придет к выводу, что руководство или работники препятствуют достижению целей сообщества¹. Кроме того, соглашение не является юридически обязательным, а представляет план переговоров на национальном, корпоративном и секторальном уровнях², поэтому не может подменять нормативный акт. Таким образом, это создает прецедент отсрочки законодательной инициативы во время реализации соглашения. По мнению *ETUC*, право на отключение должно быть универсальным, т. е. распространяться также на профессиональный и руководящий состав, и учитывать обучение, отсутствие неблагоприятных последствий, профилактические меры. Сотрудники также должны воздержаться от общения с коллегами по рабочим вопросам в периоды отдыха.

Наряду с регулированием права на отключение *ETUC* призывают к директиве, касающейся рабочего стресса и психосоциальных рисков. Вместе с тем эти проблемы, согласно мнению организации, полностью взаимосвязаны и существует опасность, что регулирование *R2D* может подменить защиту от психосоциальных рисков. В таком случае право на отключение будет выступать одной из форм социальной защиты от психосоциальных рисков в рамках регулирования дистанционной работы, что поставит вопросы об универсальности социальной защиты и будет ли новая директива содержать прямое признание *R2D*. С принятием отдельной директивы не согласна *BusinessEurope*, которая считает, что проблема уже регулируется рамочным соглашением о стрессе, связанном с работой, и существующей системой охраны и гигиены труда.

Заключение

Право на отключение выступает предметом дискуссий о развитии Европейской социальной модели и ее адаптации к цифровизации. Несмотря на неопределенность *R2D*, оно в среднесрочной перспективе станет частью европейского трудового права. При этом остается вопрос, насколько эффективен такой проект социальной защиты работников, на кого новое право будет направлено и какие компоненты оно будет включать. Изменение адресной группы телеработников при реализации *R2D* должно предоставить механизмы для социальной защиты и обеспечить соблюдение баланса между работой и личной жизнью, однако может усугубить социальное неравенство. Механизмы универсальной социальной защиты привели к вопросу о жестких и мягких мерах, а также к обвинениям со стороны профсоюзов в адрес Еврокомиссии, Европарламента и организаций работодателей. Дискуссии о праве на отключение затрагивают проблему эффективности социального диалога в условиях адаптации к цифровой организации труда и поиска компромисса между гибкостью и защищенностью. Несмотря на критику права на отключение как инструмента социальной защиты, альтернативного проекта, кроме использования существующего

¹ Communication from the Commission - Partnership for change in an enlarged Europe - Enhancing the contribution of European social dialogue. 12.08.2004. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52004DC0557> (дата обращения: 29.07.2023).

² Right to disconnect – Joint ETUC/ETUFs Letter to the Members of the European Parliament. 19.01.2021. URL: <https://www.etuc.org/en/document/right-disconnect-joint-etucetufs-letter-members-european-parliament> (дата обращения: 30.07.2023).

законодательства, не предложено. Таким образом, *R2D* выступает единственным проектом защиты от психосоциальных рисков удаленных занятых.

Кроме того, дискуссии о праве на отключение поднимают вопрос о бинарности труда и досуга, а также об определении рабочего места не для отдельной категории работника, а в сфере труда в целом. Цифровая организация труда предполагает универсальность социальной защиты. Еврокомиссия, Европарламент и социальные партнеры стремятся сохранить бинарность за счет причисления различной деятельности к работе или отдыху, что также приводит к созданию отдельных режимов труда. Определение подключения и отключения в рамках бинарности предполагает усиление технологического контроля и создание новых периодов труда. Однако это не снизит интенсивность труда и не изменит трудовую культуру. *R2D* нацелено на противодействие последствиям изменения социальных отношений в результате технологического развития, но нормативное регулирование в текущих условиях может повлечь за собой не только снижение гибкости и сложность в организации рабочего времени, но и интенсификацию выполнения рабочих обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борко Ю.А., Биссон Л.С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы». *Современная Европа*. № 6. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>
- Маяцкий М. (2015) Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля. *Философско-литературный журнал «Логос»*. Т. 25. № 3(105). С. 72–87.
- Офман Е.М. (2021) Цифровая организация труда: прорыв в постиндустриальное общество? *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. Т. 21. № 3. С. 24–29. DOI: 10.14529/law210304
- Паяль А. (2015). Фабрика досуга: производство в цифровой век. *Философско-литературный журнал «Логос»*. Т. 25. № 3(105). С. 88–119.
- Рогалева Г.А., Рогалева И.Ю. (2017) Анализ концептуальных положений о дифференциации в правовом регулировании труда. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 10. С. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.084-089/11430>
- Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. Изд. Дом Высшей школы экономики, Москва. 336 с.
- Chesalina O. (2021) The Legal Nature and the Place of the Right to Disconnect in European and in Russian Labour Law. *Russian Law Journal*. Vol. 9. Issue 3. P. 36–59. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2021-9-3-36-59>
- Custers B. (2022) New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era. *Computer Law & Security Review*. Vol. 44. 105636. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105636>
- Dagnino E. (2020) “Working Anytime, Anywhere” and Working Time Provisions. Insights from the Italian Regulation of Smart Working and the Right to Disconnect. *E-Journal of International and Comparative Labour Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 1–19.
- Devereux S. (2021) Targeting. *Handbook on Social Protection Systems*. Ed. by E. Sch ring, M. Loewe. Edward Elgar Publishing Limited, Cheltenham, UK. P. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781839109119.00027>
- Eurofound (2021) *Right to disconnect: Exploring company practices*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 61 p. DOI: 10.2806/748556
- Eurofound, ILO (2017) *Working anytime, anywhere: The effects on the world of work*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg; the International Labour Office, Geneva, Switzerland. 72 p. DOI: 10.2806/372726

Glowacka M. (2020) A little less autonomy? The future of working time flexibility and its limits. *European Labour Law Journal*. Vol. 12(2). P. 113–133. DOI: 10.1177/2031952520922246

Gschwind L., Vargas O. (2019) Telework and its effects in Europe. *Telework in the 21st Century: An Evolutionary Perspective*. Ed. by J.C. Messenger. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK; International Labour Office, Geneva, Switzerland. P. 36–75. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781789903751>

Ridley S. (2021) The European Parliament as legislator. *ERL - Zeitschrift für Europäische Rechtslinguistik*. Europäische Rechtslinguistik, Köln, Germany. DOI: 10.18716/ojs/zerl.2021/1366.

Senatori I. (2020). The European Framework Agreement on Digitalisation: a Whiter Shade of Pale? *Italian Labour Law E-Journal*. Vol. 13. No. 2. P. 159–175. DOI: <https://doi.org/10.6092/issn.1561-8048/12045>

Sostero M., Milasi S., Hurley J., Fernández-Macías E., Bisello M. (2020) *Teleworkability and the COVID-19 crisis: a new digital divide?* JRC121193. European Commission, Seville, Spain. 70 p.

Spicker P. (2014) *Social Policy: Theory and practice*. Policy Press, Bristol, UK. 499 p.

Vargas-Llave O., Weber T., Avogaro M. (2020) *Industrial relations Right to disconnect in the 27 EU Member States*. WPEF20019. Eurofound. 77 p. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/wpef20019.pdf> (accessed: 15.06.2023).

Features of Social Protection by Implementing The Right to Disconnect

D.I. Kolesov*

Junior Researcher

Department of social and political studies, The Institute of Europe RAS.

11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009

**E-mail: deniskolesov@gmail.com*

Abstract. The article examines the realisation of the right to disconnect in the framework of workers' social protection. The study explores different approaches to the definition of a new right. The right to disconnect is analysed on the basis of targeting and universality of social protection, soft and hard measures, the components of the new right, which include workers' opportunity, employers' responsibility, communication between employers and workers, protection from adverse consequences. The legal acts that serve as a foundation of the right to disconnect create a separate work pattern of teleworkers, which affects the formation of the targeting approach to social protection. The regulation of the right to disconnect introduced in European Social Partner framework agreement on digitalisation and European Parliament resolution of 21 January 2021 with recommendations to the Commission on the right to disconnect gives a more universal approach. The Resolution acknowledges the right to disconnect as a fundamental right and proposes hard regulatory and technological measures to ensure observation of work and rest periods. The agreement is based on the change in corporate culture. It is revealed that nowadays the right to disconnect serves as the only project aimed at regulating digital working relations in the framework of social protection of remote workers, however *R2D* can be limited by a narrow category of teleworkers. Debates over the right to disconnect touch upon the issue of the effectiveness of social dialogue in the context of adaptation to digital work organisation, as well as the possibility of keeping binary understanding of work and rest periods.

Key words: right to disconnect, right to offline, social protection, digitalisation, digital work, remote work, telework

DOI: 10.31857/S0201708323050108

EDN: yagzlj

REFERENCES

- Borko Y.A., Bisson L.S. (2019) Evropeiskaya integratsiya: perezapusk idei "Sotsial'noi Evropy" [European Integration: A Restart of the Idea of "Social Europe"], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517> (In Russian).
- Chesalina O. (2021) The Legal Nature and the Place of the Right to Disconnect in European and in Russian Labour Law, *Russian Law Journal*, 9(3), pp. 36–59. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2021-9-3-36-59>
- Custers B. (2022) New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era, *Computer Law & Security Review*, 44, 105636. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2021.105636>
- Dagnino E. (2020) "Working Anytime, Anywhere" and Working Time Provisions. Insights from the Italian Regulation of Smart Working and the Right to Disconnect, *E-Journal of International and Comparative Labour Studies*, 9(3), pp. 1–19.
- Devereux S. (2021) Targeting, in Sch ring E., Loewe M. (ed.) *Handbook on Social Protection Systems*, Edward Elgar Publishing Limited, Cheltenham, UK, pp. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781839109119.00027>
- Eurofound (2021) *Right to disconnect: Exploring company practices*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. DOI: 10.2806/748556
- Eurofound, ILO (2017) *Working anytime, anywhere: The effects on the world of work*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg; the International Labour Office, Geneva, Switzerland. DOI: 10.2806/372726
- Glowacka M. (2020) A little less autonomy? The future of working time flexibility and its limits, *European Labour Law Journal*, 12(2), pp. 113–133. DOI: 10.1177/2031952520922246
- Gschwind L., Vargas O. (2019) Telework and its effects in Europe, in Messenger J.C. (ed.) *Telework in the 21st Century: An Evolutionary Perspective*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK; International Labour Office, Geneva, Switzerland, pp. 36–75. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781789903751>
- Mayatsky M. (2015) Osvozhdenie ot truda, bezuslovnoe posobie i glupaya volya [Liberation from Work, Unconditional income and Foolish Will], *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 25(3), pp. 88–119. (In Russian).
- Ofman E.M. (2021) Tsifrovaya organizatsiya truda: proryv v postindustrial'noe obshchestvo? [Digital organization of labor: a break-through to post-industrial society?] *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 21(3), pp. 24–29. DOI: 10.14529/law210302 (In Russian).
- Payal A. (2015) Fabrika dosuga: proizvodstvo v tsifrovoi vek. [The Leisure Factory: Production in the Digital Age], *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 25(3), pp. 88–119. (In Russian).
- Ridley S. (2021) The European Parliament as legislator, *ERL - Zeitschrift für Europäische Rechtslinguistik*, *Europäische Rechtslinguistik*, Köln, Germany. DOI: 10.18716/ojs/zerl.2021/1366.
- Rogaleva G.A., Rogaleva I.Y. (2017) Analiz kontseptual'nykh polozhenii o differentsiatsii v pravovom regulirovanii truda [Analysis of conceptual provisions on differentiation in the legal regulation of labour], *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 10, pp. 84–89. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.084-089> (In Russian).
- Senatori, I. (2020). The European Framework Agreement on Digitalisation: a Whiter Shade of Pale? *Italian Labour Law E-Journal*, 13(2), pp. 159–175. DOI: <https://doi.org/10.6092/issn.1561-8048/12045>
- Sostero M., Milasi S., Hurley J., Fernández-Macias E., Bisello M. (2020) *Teleworkability and the COVID-19 crisis: a new digital divide?* JRC121193, European Commission, Seville, Spain.
- Spicker P. (2014) *Social policy: Theory and practice*, Policy Press, Bristol, UK.
- Urry J. (2012) *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*, Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian).
- Vargas-Llave O., Weber T., Avogaro M. (2020) *Industrial relations Right to disconnect in the 27 EU Member States*, WPEF20019, Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/wpef20019.pdf> (accessed: 15.06.2023).

УДК 322

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ В ИТАЛИИ

© 2023 г. ЯЗЬКОВА Вероника Евгеньевна*

Кандидат исторических наук

*Старший научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества
Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

**E-mail: yazkova@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.04.2023

После доработки 15.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена новых религиозных движений (НРД) в современной Италии. Цели работы – выявить и проанализировать направления исследований Итальянского центра по изучению новых религий (CESNUR), отмежевать их от секулярного сектоборческого антикультизма и церковного сектоведческого противокультурного. Сторонники антикультизма изучают прежде всего поведенческие тактики религиозных групп, противокультурного – доктринальные аспекты верований. Сделан вывод, что намерение выволить адептов из секты не продиктовано заботой об их дальнейших духовных исканиях и преследует цель привести их в лоно ортодоксии. Ярко выражено стремление криминализировать проблему на основе апелляций к преступлениям отдельных НРД и экстраполяции чудовищных преступных фактов на любые проявления нетрадиционной религиозности. Итальянское научное сообщество с 1990-х гг. выступает против такой практики, поскольку она гипотетически создает прецедент для регламентации государством любых форм религиозной жизни граждан, ставит под сомнение закон о религиозной свободе, стигматизирует определенную часть общества. По мнению итальянских ученых, НРД должны стать предметом научного, а не криминологического интереса. При их изучении нежелательно использовать критерии «истинно/ложно» и рассматривать их исключительно в оптике отклонения от общепризнанной нормы. Исследование таких движений предоставляет ценный материал для изучения макро- и микроидентичностей об-

щества, уровня и качества его духовности, открытости новому религиозному опыту, приверженности традициям.

Ключевые слова: Новые религиозные движения, НРД, секты, сектоборчество, антикультизм, противокультизм, Италия, Ватикан

DOI: 10.31857/S020170832305011X

EDN: yahwiw

Обусловленная глобализацией взаимозависимость мира, урбанизация, стремительное развитие технологий способствуют росту духовных исканий в обществе. Вследствие спада волны религиозного возрождения, носившего межконфессиональный и неинституциональный характер, с середины 2000-х – начала 2010-х гг. кривая религиозного напряжения в целом пошла вниз [Филиппов, 2015: 112]. Естественным образом отошла на второй план медийная шумиха вокруг новых религиозных движений (НРД) и оживляется только по конкретным информационным поводам.

Таким поводом в Италии стала беатификация монахини Марии Лауры Майнетти в июне 2021 г., зверски убитой в 2000 г. тремя девушками-сатанистками. Событие всколыхнуло в Италии сектоборческие дискуссии об опасности альтернативной религиозности, вредоносности феномена НРД и гуруизма. Как заметил Р.Н. Лункин, именно потому, что учения некоторых новых религиозных движений «часто не вписывается в рамки общепринятых норм», общество и сторонники секулярного религиоведения «склонны упрощать и осуждать как эти движения и их эволюцию, так и самих основателей» [Лункин, 2008]. Отмечая информационную и эмоциональную предвзятость в этом вопросе, К.М. Антонов подчеркнул, что в обществе нередко можно встретить отношение к сектантам как к субъектам, «специально и злонамеренно нацеленным на причинение... как можно большего вреда» [Антонов, 2017: 20]. В этой связи оценка явления начинается с его названия, которое становится частью анализа. Будучи «прекрасным идеологическим термином» для движений, не «вписывающихся в устоявшуюся классификацию религий», подчеркивает И.Я. Кантеров, аморфная аббревиатура НРД сложна для научного изучения и удобна для идеологических споров [Кантеров, 2007: 87, 89]. С.Б. Филатов пояснил, что ее можно трактовать широко: борцы с сектами придают негативную коннотацию, правозащитники, напротив, используют для защиты от возможных преследований [Филатов, 2002]. Примечательно, что в Италии предметом дискуссий стало не религиозное сектантство как способ мировоззрения, а феномен секты как движения, религиозной группы.

В условиях постсекулярного мира эта тема приобретает особую актуальность. Не исключено, что пандемия коронавируса, сопутствующие ей паника и страх активизируют новую волну религиозного напряжения в Европе, в т. ч. в Италии, будут способствовать (возможно, на новой основе) укреплению старых и возникновению новых религиозных движений.

Важной исследовательской проблемой становятся данные о численности приверженцев нетрадиционной религиозности среди населения Италии. Существенный

вклад в это направление внесли разработки С. Феррари, Дж. Б. Варнье¹, в последние годы – труды С. Бильярди. В монографии 2023 г. «Новые религиозные движения и наука»² последний предпринял исследование научных концепций об основных этапах развития доктрин НРД, природе их теологии на базе анализа саентологии³, Фалуныгун, движения раёлитов, Санто-Дайме, Детей сатаны.

В обширном материале, посвященном НРД как в Италии, так и за ее пределами, особое место занимают научные труды итальянского социолога Массимо Интровинье, главы Итальянского центра изучения новых религий (*Centro Studi sulle Nuove Religioni, CESNUR*), и Энциклопедия религиозных феноменов Италии, составленная под руководством ученого. По материалам *CESNUR* за 2022 г., в стране насчитывается 53.789.453 итальянских граждан, включая 1.470.680 неитальянского происхождения. Члены религиозных меньшинств составляют приблизительно 10,6% граждан Италии (Табл. 1).

Таблица 1

Религиозные меньшинства среди граждан Италии

Католики вне РКЦ	24500	1,1%
Православные	415000	18,5%
Протестанты	385000	17,1%
Свидетели Иеговы	420000	18,7%
Мормоны	28000	1,2%
Мусульмане	528000	23,5%
Бахаи и др.	4500	0,2%
Индуисты и неоиндуисты	55000	2,4%
Буддисты	217000	9,7%
Ошо и производные	4000	0,2%
Сикхи, Радхасоами	24000	1,1%
НРД Японии	3800	0,2%
Эзотерика	16800	0,8%
Человеческий потенциал	30000	1,3%
Нью Эйдж и Некст Эйдж	20000	0,9%
Другие	18000	0,8%

Источник: *Dimensioni del pluralismo religioso in Italia (2022). Le Religioni in Italia. Sotto la direzione di M. Introvigne, P.L. Zoccatelli. 2022. URL: <https://cesnur.com/dimensioni-del-pluralismo-religioso-in-italia/> (дата обращения: 19.05.2023).*

¹ Ferrari S. Varnier G.B. *Le minoranze religiose in Italia*. Cinisello Balsamo. San Paolo. 1997. 207 p.

² Bigliardi S. *New Religious Movements and Science (Elements in New Religious Movements)*. Cambridge University Press. 2023. 82 p.

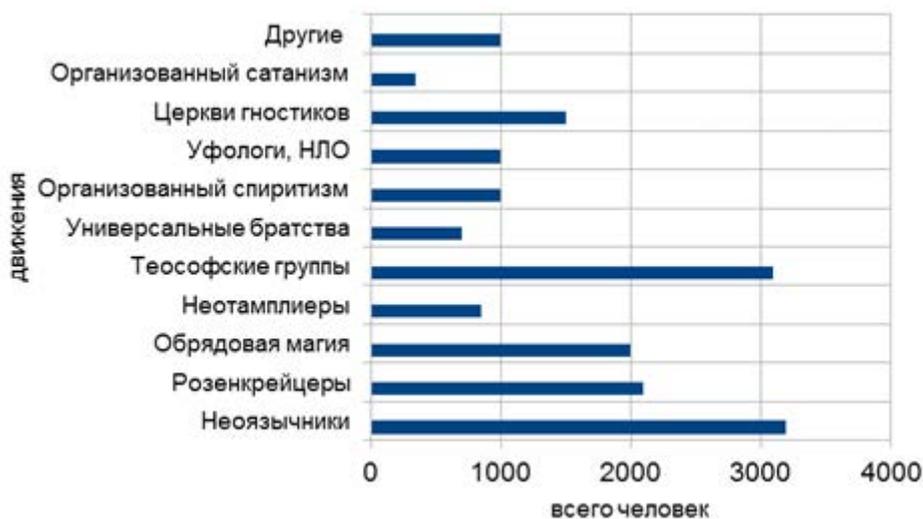
³ Деятельность организаций сайентологии признана нежелательной в РФ с 2021 г.

В этой группе лидируют мусульмане, численность которых оценивается приблизительно в 528 тыс. человек; Свидетели Иеговы¹ и близкие к ним группы; православные (415 тыс.); протестанты (385 тыс.); буддисты (217 тыс.). Религиозная принадлежность иммигрантов характеризуется следующим образом: 1 млн 769 тыс. человек, или 34,2% от числа иммигрантов, считают себя мусульманами, 1 млн 403 тыс. – православными, 913 тыс. – католиками, 267 тыс. – атеистами и агностиками.

Группы эзотерики и так называемого древнего знания – именно здесь сосредоточена большая часть НРД – представлены скромно: их сторонниками назвали себя 16 тыс. 800 граждан Италии из 53-миллионного населения страны (Рис. 1). Из них около 3,2 тыс. человек считают себя неоязычниками, неошаманистами, викканами, 3,1 тыс. – приверженцами теософских групп и производных, 2,1 тыс. – розенкрейцерами, 2 тыс. – адептами обрядовой магии, мартинизма, креммерцианства. О приверженности спиритизму заявили только 1 тыс. человек, столько же – уфологии и НЛО-религиям, 350 – сатанизму.

Рисунок 1

Группы эзотерики и «древнего знания» в Италии

Составлено по: Dimensioni del pluralismo religioso in Italia (2022).

Таким образом, речь идет о достаточно заметной части итальянского общества, однако приведенные цифры побудили сотрудников *CESNUR* если не опровергнуть, то, по крайней мере, пересмотреть представление о «наводнении» Италии сектами².

¹ 20 апреля 2017 года Верховный суд РФ признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

² Dimensioni del pluralismo religioso in Italia (2022).

Официальная позиция Католической церкви

В документе 1986 г. «Феномен сект или новые религиозные движения: пасторский вызов», подготовленном Секретариатом по содействию христианскому единству, Секретариатом по работе с нехристианами и неверующими, а также Папским советом по культуре, подчеркивается, что Католическая церковь руководствуется в вопросе НРД принципами межрелигиозного диалога, сформулированными в догматических конституциях и декретах Второго ватиканского собора *Lumen gentium* («О Церкви», 1964), *Unitatis redintegratio* («Об экуменизме», 1964), *Nostra aetate* («Об отношении к нехристианским религиям», 1965). Такой подход диктует Церкви необходимость жить сообразно «знамениям времени», быть открытой миру, уважать права человека, его религиозную свободу. На практике это означает уделять большее внимание евангелизации, катехизации, образованию прихожан, духовенства, монашества. Президент Папского совета по межрелигиозному диалогу, кардинал Ф. Аринце признал в документе 1991 г. «Вызов сект или новые религиозные движения: пастырский подход» ряд позитивных сторон НРД, в частности успехи в излечении от алкоголизма. Кардинал подчеркнул, что задачи духовенства заключаются в том, чтобы, оберегая паству от «ложных и опасных ассоциаций», избегать «обобщений, которыми изобилует литература об НРД», и огульного осуждения; «не проецировать малую часть наблюдаемой реальности» на весь феномен, «применяя ко всем НРД негативные аспекты некоторых»; относиться к приверженцам таких групп «не как к врагам, которых следует атаковать, а как к людям... которые сейчас прибывают в заблуждении, но с которыми Церковь хочет разделить свет и любовь Христа»¹ [Introvigne, 1991].

В то же время католические иерархи осознают, что деятельность и методы некоторых движений «способствуют разрушению личности, дезорганизации семей и общества... В некоторых странах мы можем заподозрить – и даже быть в том уверенными, – что посредством секты под предлогом защиты всего человеческого оперируют идеологические силы и политико-экономические интересы, совершенно чуждые интересам человечества, преследующие бесчеловечные цели»². В таких случаях Церковь считает необходимым предостерегать прихожан, особенно молодежь, от участия в деятельности организаций, привлекать профессиональные службы охраны законности и порядка и допускает радикальное вмешательство государства в ситуациях, когда этого требуют обстоятельства³. В документе 1991 г. не исключалось, что в подобных эпизодах в возникновении и распространении НРД об-

¹ Arinze F. La sfida delle sette o nuovi movimenti religiosi: un approccio pastorale. GRIS. 05.04.1991. URL: https://www.gris-imola.it/setta_religione/doc_chiesa_1991.php (дата обращения: 21.05.2023).

² Il fenomeno delle sette o nuovi movimenti religiosi. La Chiesa Cattolica. 07.05.1986. URL: <https://www.chiesacattolica.it/documenti-segreteria/il-fenomeno-delle-sette-o-nuovi-movimenti-religiosi-sfida-pastorale/> (дата обращения: 21.05.2023).

³ Там же.

наруживается «рука дьявола», о чем не подозревают вовлеченные в них люди¹. Необходимость соблюдать золотую середину и воздерживаться от иренизма и сектоборчества в отношениях с НРД подчеркивается в соответствующей ноте Итальянской епископской конференции от 21 июня 1993 г.²

Необходимость жестких мер в ряде случаев была продиктована самой жизнью. Массовые самоубийства и убийства адептов Ордена солнечного храма в Канаде, Франции и Швейцарии в 1994, 1995 и 1997 гг., НЛО-движения «Небесные врата» в 1997 г., отошедшего от католицизма движения за «Восстановление Десяти заповедей Божьих» в Уганде в 2000 г., зариновая атака последователей «Аум Синрикё»³ в метрополитене Токио в 1995 г. и другие трагические события XX в. активизировали законодательство многих европейских стран, прежде всего Франции, Бельгии, в несколько меньшей степени Германии и Швеции, Италии и др., на борьбу с любыми НРД. Страх общества был настолько силен, что призывы Церкви отказаться от генерализаций не были услышаны.

Между двумя полюсами

Опираясь на пасторское послание архиепископа Фоджа-Бовино, кардинала Дж. Казале «Новая религиозность и новая Евангелизация» (1993 г.), М. Интровинье провел четкую грань между антикультизмом и противокультурным, понимая под первым движение светского характера, а под вторым – церковное сектоведение. Сторонники антикультизма, среди которых немало профессиональных психиатров, юристов, чаще не декларируя свою религиозную принадлежность, подчеркивают, что их интересуют исключительно поведенческие тактики религиозных групп, а не доктринальные аспекты верований. Желая избавить жертв от эксплуатации секты, они совершенно не интересуются, какими будут философские и религиозные убеждения вчерашних адептов. Подобная установка глубоко ошибочна, т. к. за рамками остаются духовные потребности.

Итальянская писательница-антрополог Чечилия Гатто Трокки убеждена, что людей привлекают антисциентизм, антитехнологическая направленность НРД, притягательность тайного знания и магии, внимание к человеческой личности, критика «убогого, затхлого, скомпрометировавшего себя связью с властью католицизма». Пытаясь создать образ потенциального адепта НРД, исследовательница в книге «Магия и эзотерика в Италии» вывела следующие психологические типы: «фрустрированный современностью» человек, который «прежде 12 часов в день работал бы на фабрике или в полях», а теперь проводит время за изучением тайных доктрин; вегетарианец, «презирающий мясо именно потому, что может его купить»; домохозяйка, «использующая контрацептивы, но ненавидящая науку и офи-

¹ Arinze F. La sfida delle sette o nuovi movimenti religiosi: ...

² L'impegno pastorale della Chiesa di fronte ai nuovi movimenti religiosi e alle sette. Notiziario della conferenza episcopale Italiana a cura della segreteria generale. 21.06.1993. P. 189.

³ Верховный суд РФ запретил деятельность международного религиозного объединения «Аум синрикё» (Алеф) на территории России.

циальную медицину»; страдающий от одиночества юноша, обесценивающий блага культуры потребления, которые с трудом добывают его родные; идейный наследник 1968 г., который кипит при слове «священник», но «не может не задавать себе вопросы о духовности» [Gatto Trocchi, 2022]. Исследовательница утверждает, претендуя на полноту антропологического анализа, что наиболее уязвимый для НРД тип – лица в возрасте от 20 до 35 лет, европейцы, неженатые, преимущественно мужского пола, имеющие высшее образование, восприимчивые к влиянию иностранных культур, часто незрелые и «испытывающие трудности с адаптацией в обществе личности, с дефицитом сверх-Я, возмещаемом ими в культурах» НРД. В крайних случаях, отмечает Гатто Троцки, могут отмечаться «стереотипия, маниакальное отрицание депрессивных расстройств, нереалистичные, идеализированные объектные отношения» [Gatto Trocchi, 2022].

В подобном случае происходит генерализация вышеуказанного образа сектанта: патологические случаи выдаются за типичные, а не подходящие под общее правило люди и факты опускаются. Антикультизм полностью игнорирует мормонов и не занимается масонством, в которых представители церковного сектоведения склонны усматривать элементы, «социально “уважаемые”, или мейнстрим, но доктринально опасные, с точки зрения христианства» [Introvigne, 1993].

Сторонники антикультистского секулярного религиоведения и противокультистского церковного сектоведения, состоящие в Европе из христиан-католиков и протестантов-евангелистов, предлагают вызволить адептов из НРД различными способами: от распространения книжной, журнальной и медиапродукции до насильственного перепрограммирования.

Характер перепрограммирования во многом зависит от рационалистической или пострационалистической ориентаций движений по борьбе с сектами. Приверженцы рационалистического антикультизма, будучи «скептиками по профессии», в стремлении «разоблачить» паранормальные и магические явления» обычно приводят следующей аргумент: люди по природе своей слишком наивны, а потому часто становятся жертвой тщательно спланированного мошенничества, особенно лжечудес [Introvigne, 1993]. В Италии разоблачением занимается Итальянский комитет по контролю за паранормальными явлениями (*Il Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sulle Pseudoscienze, CICAP*), созданный в 1989 г. П. Анджела и группой интеллектуалов.

Рационалистический противокультизм, делая акцент на манипулировании Священным писанием и теологией, также склонен объяснять обманом притягательность НРД для неофита. Самая известная организация такого рода – изначально созданный лютеранами, а затем ставший экуменическим Международным центром диалога с центром в городе Орхус в Дании.

Выразители пострационалистического противокультизма и антикультизма, напротив, склонны приписывать лидерам НРД и гуру сверхчеловеческие способности. Пострационалистический противокультизм усматривает в ложных верованиях ересь, которая «нарушает закон Божий и лежит в основе сомнительного поведения, нарушающего закон человеческий», и объявляет, что лидеры секты находятся в прямом контакте с сатаной, демоническими и оккультными силами. Сторонники

этих идей на Апеннинском полуострове немногочисленны: в основном речь идет о ряде итальянских пятидесятников и католиках-традиционалистах.

Антикультисты объясняют успех НРД магнетизмом, искусной «промывкой мозгов», психическими техниками форсированного подчинения сознания контрольно лидера-психопата, сопротивляться которому человек не способен, «новой версией порчи» [Hargrove, 1983: 303]. В Европе противостоянию такому воздействию долгое время была посвящена деятельность таких организаций, как Ассоциация спасения семей и индивида во Франции (*Union Nationale des Associations de Defense des Familles et de L'Individu, UNADFI*), Фонд выживания семьи в Великобритании (*The Family Survival Trust, FST*), Ассоциация поиска и информации относительно сект (*Associazione ricerca e informazione sulle sette, ARIS*) в Италии [Introvigne, 1993].

В настоящее время *ARIS* прекратила существование, и флагманом секулярного сектоборчества в Европе стала Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве (*Fédération européenne des centres de recherche et d'information sur le sectarisme, FECRIS*), основанная в 1994 г. в Париже и существующая сегодня в 30 странах. В Италии *FECRIS* представлена Центром изучения психологических злоупотреблений (*Centro Studi Abusi Psicologici, CeSAP*) и Ассоциацией родных жертв сект (*Associazione Familiari delle vittime delle sette, FAVIS*). *FECRIS* считает сектой любую организацию, а гугу любого индивида, которые коммерциализируют «верования или деструктивные поведенческие техники, используют ментальное программирование, злоупотребляет доверием, вымогает согласие» [Di Marzio, 2019]. Противокультизм представлен католической Группой исследований и информации о сектах (*Gruppo di Ricerca e di Informazione sulle Sette*), ныне Группой социально-религиозных исследований и информации (*Gruppo di Ricerca e Informazione Socio-religiosa, GRIS*). С начала 2000-х гг. жертвы НРД могли воспользоваться телефоном доверия Дона Альдо Бонаюто, священника Ассоциации папы Иоанна XXIII, работающего во взаимодействии с командой полиции «Антисекта».

Закон против ментального рабства: за и против

Расцвет борьбы с сектами в Италии пришелся на вторую половину 80-х гг. XX в., что было вызвано стремлением противостоять прозелитизму сайентологии и Свидетелей Иеговы¹. Убежденность в том, что юноша из хорошей семьи по собственной воле не может стать членом такого движения и его выбор стал следствием промывки мозгов, побудила в 1970–1990-е гг. ряд представителей антикультизма заговорить о таком преступлении, как ментальное рабство [Champion, Cohen, 1999: 364–365] или даже ментицид, т. е. «краже разума». Важнейшим направлением деятельности, помимо ограничения злоупотреблений НРД, стала попытка в 2011 г. возродить утраченную силу в 1981 г. ст. 603 Уголовного кодекса Италии, которая карала заключением на срок от 5 до 15 лет того, кто «подчинит человека своей власти вплоть до его полного порабощения». Как отмечает Рафаэлла ди Марцио, стремление представите-

¹ 20 апреля 2017 года Верховный суд РФ признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

лей *CeSAP* и *FAVIS* восстановить 603 статью под именем закона о ментальном манипулировании противоречит документу Ассамблеи Совета Европы от 1999 г., в котором указано, что развитие законодательства по вопросу о сектах «нежелательно, так как оно может затронуть свободу совести и религии, гарантированную 9 статьей европейской Конвенции по правам человека, и может нанести вред традиционным религиям»¹. Согласно ст. 9, индивид может понести наказание за несоблюдение принципов безопасности, порядка, здоровья, общественной морали, уважения прав и свобод других людей своими действиями, устно или письменно, но он не может быть наказан за сам факт принадлежности к религиозной группе [Champion, Cohen, 1999: 361]. Выступая против ужесточения государственной политики, направленной против НРД, французские исследователи Ф. Шампьон и М. Коэн расценили подобные действия как «попытку разрушить демократию» и выступили в пользу создания посреднического органа между НРД и государством. Под религией, поясняли они, подразумевается сфера, в которой в отличие от политики, экономики и идеологии «современное светское государство некомпетентно» [Champion, Cohen, 1999: 367].

В 2017 г. Италия отнеслась критически к разработке законодательства о защите прав родителей и детей от религиозных меньшинств, т. к. преступления в отношении несовершеннолетних могут быть осуществлены не только в НРД, но и в семьях, со стороны государства или его представителей. Закон также может представлять собой новый этап «охоты на ведьм». По словам С.Б. Филатова, в условиях «роста религиозной энтропии» борьба государства, общества и церкви с верованиями, даже если будут ликвидированы лидеры и последователи НРД, «оказывается подобной войне с собственной тенью – потому что сами они spolна заражены “нетрадиционной религиозностью”» [Филатов, 2002]. Секулярное законодательство в таком случае рискует уничтожить любое «нон-конформистское меньшинство» [Mat-Hasquin, 1983: 99].

Как утверждает Р. ди Марцио, член итальянского Общества психологии религии, в тех случаях, когда люди были обмануты или подвергнуты злоупотреблениям со стороны религиозной группы, силы правопорядка, бесспорно, обязаны вмешаться со всей строгостью закона. Однако часто, по мнению исследовательницы, представители секулярного религиоведения рассматривают членов секты вне связи с ближайшим окружением. В стремлении защитить права участников религиозных групп они полностью игнорируют вопрос, что заставило индивида обратиться к НРД, что именно он не нашел в семье или в церкви, к которой принадлежал раньше [Di Marzio, 2019].

НРД в оптике миров К. Понпера

Нередко объектом критики светских сектоборческих движений становятся группы, действующие внутри церквей и христианских общин. Об этом свидетельствует неоднозначное, подчас враждебное отношение к «Опус Деи», обвинения в «сектантстве», «духовной педерастии», «манипулировании личностью адепта», «доведении

¹ Rapporto Consiglio d'Europa in materia di sette. Spiritualità Religioni e Settarismi. 13.04.1999. URL: <http://www.dimarzio.info/it/articoli/liberta-religiosa/47-rapporto-del-consiglio-d-europa-in-> (дата обращения: 22.05.2023).

до «шизофрении»» и т. д. [Introvigne, 1994: 10]. Подобную трактовку трудно встретить в церковном сектоведении итальянских евангелистов, поскольку «Опус Деи» не располагает доктриной, отличной от учения Католической церкви и, следовательно, даже формально не может считаться отпавшей от нее [Introvigne, 1994: 5].

Антикультизм понимает под сектой группу, чья религиозная деятельность «расценивается как слишком интенсивная, несовместимая с моделями, которые готов выдержать современный мир», «морально неприемлемая», независимо от того, является ли эта группа признанной частью традиционных Церквей [Introvigne, 1993]. Недостатком научного религиоведения антикультисты считают безучастное отношение к сомнительным и непонятным проявлениям деятельности НРД, а противокультисты – равнодушие к ложным доктринам, предполагающее релятивизм в трактовке вопроса об истине.

Опираясь на работу Карла Поппера (1902–1994) от 1972 г. «Предположения и опровержения», американский социолог религии Родни Старк (1934–2022) скептически отзывался о роли научных теорий об истинности или ложности религиозности человека. Исследователь заявлял, что «независимо от власти люди и определенные группы людей будут пытаться компенсировать религиозно... то, что они не обнаруживают в этой жизни» [Cipriani, 1997: 241]. Итальянский публицист В. Мессори продолжил эту мысль и отметил, что многие интеллектуалы забыли «очевидную истину, ляпались-аду», а именно: «религиозный опыт необходимо изучать при помощи религиозных категорий»¹. Этой позиции вторит К.М. Антонов. Он утверждает, что критерии различения истинного и ложного пришли в современную науку главным образом из естествознания, где они находят подтверждение экспериментальным путем. Использование тех же критериев для оценки религиозного опыта неправомерно [Антонов, 2017: 35].

Как полагают Интровинье и Цоккателли, традиционное со времен Макса Вебера (1864–1920) и Эрнста Трёлча (1865–1923) деление на церковь как тип организации общества, пребывающий с ним в гармонии; секту, отвергающую общество, и мистический тип, равнодушный к обществу и фокусирующий внимание на самосовершенствовании членов, со временем устаревает и уступает место новым формам. По словам Р. Чиприани, сегодня дихотомия церковь – секта затруднена, т. к. трудно обнаружить в чистом виде оба типа [Cipriani, 1997: 151]. Дихотомическая пара «консервативная церковь и перфекционистская секта» также устарела [Кантеров, 2007: 79]. В религиозных движениях заложена склонность к изменчивости. Те, которые могли считаться классической сектой в XIX в., во второй половине XX в. прекрасно интегрированы в общество. Под впечатлением тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных некоторыми религиозными группами в Европе, особенно во Франции и Бельгии, само явление НРД стало рассматриваться не как объект социологического изучения, а как «опасная... криминологическая» проблема. Между тем слияние криминологического и социологического аспектов вопроса может привести к «опасной двусмысленности» [Introvigne, Zoccatelli, 2006] именно в силу балансирования на грани прошлого и настоящего, хорошо знакомого старого и нового в религии, рациональности и иррациональности [Bigliardi, 2015]. По этой причине исследователи в

¹ Messori V. *Opus Dei. Un'indagine*. Milano. Mondadori. 1994. P. 114–115.

полном согласии с Католической церковью, стремясь выработать беспристрастное, свободное от эмоциональных оценок понятие, предпочитают говорить не о сектах, а о новых религиозных движениях или новых религиях. В 2012 г. внимание итальянского научного сообщества привлекло предложение социологов Д. Дж. Бромли и Дж. Г. Мелтона различать доминирующие, альтернативные и новые религии и религиозные группы в зависимости от их большей или меньшей восприимчивости к господствующим в обществе ценностям [Introvigne, Zoccatelli, 2006].

Как полагает М. Интровинье, представители научного религиоведения рассматривают этот вопрос с трех позиций, предложенных Карлом Р. Поппером. Речь идет о так называемых мире количественно измеряемых фактов; мире идей и состояний души; мире теорий, которые могут быть исключительно предметом научных дискуссий. Задача первого мира – проверка правдивости или ложности статистических данных. Применительно к НРД это касается, например, статистики ритуальных убийств, если они действительно происходили и подтверждены, а не подаются как один из «самых живучих и распространенных» в СМИ мифологических сюжетов¹ [Кантеров, 2007: 79].

Область компетенции второго мира простирается на сферу верований религиозной группы. Задача исследователя на данном этапе состоит в проверке, исповедует ли НРД доктрину, или оно исповедовало ее в прошлом, или это приписывается движению идейными противниками.

Наконец, третий мир К. Поппера напрямую связан с религиозными воззрениями, которые могут трактоваться как проявление ортодоксии или ереси. Примечательно, подчеркивает М. Интровинье, что стремления следовать этому канону не чужды сторонникам секулярного сектоборчества. Например, американский психиатр Маргарет Сингер (1921–2003) еще в 1984 г. расценивала как сектантские те НРД, которые позиционируют себя вне «мира науки, либерализма, рационализма» и «выступают против всеобщего научного понимания причинно-следственных связей» и современной демократии [Introvigne, 1993].

Подобный подход не вполне объективен. Некритическое сектоборчество рождает антагонизм религии и рациональности, формирует «негативное представление о религии как принципиально инородной разуму и стихии человеческой жизни» [Антонов, 2017: 23]. Обсуждение темы о «приемлемости/ неприемлемости, “девиантности”, “асоциальности”, “деструктивности”» и любое отклонение от нормы в религиозном поле [Антонов, 2017: 30, 35] должно стать предметом научной дискуссии, проводимой в оптике всех трех миров К. Поппера с учетом критериев различных наук, а не осмысляться исключительно в категориях «грех», «истинное/ложное».

* * *

Вне зависимости от процессов секуляризации и наступления предрекаемого с конца XX в. секулярного века в части общества по-прежнему сильна потребность в трансцендентном. Спад религиозного напряжения не привел, вопреки прогнозам, к

¹ Прикладная конфликтология. Москва. «Права человека». 2006. С. 79–80.

тотальному отказу от религиозности, несмотря на то что сопровождался кризисом исторических церквей, ослаблением привычных и активизацией альтернативных религиозных практик. В то же время, сколь трагическими ни были преступные акции представителей отдельных НРД, стремление экстраполировать отношения к ним на любые проявления нетрадиционной религиозности в итальянском научном сообществе было признано неправомерным. Такое стремление создает атмосферу конфликтности современной секулярной рациональности с религиозным чувством, предпосылки для регламентации государством любых форм религиозной жизни граждан, компрометирует закон о религиозной свободе, стигматизирует любые проявления нетрадиционной религиозности как потенциально преступные.

Исследователи *CESNUR* относятся скептически к обоим полюсам сектоборчества – секулярному антикультуризму и церковному противокультуризму. Ученые центра убеждены, что само явление призвано стать предметом не криминологического, а научного интереса социологов религии, религиоведов, антропологов, историков, философов. В условиях постсекулярного постпандемического мира религиозное творчество таких групп дает ценный материал для изучения макро- и микроидентичностей общества, «температуры» его духовности, готовности или неготовности воспринимать новое, приверженности традициям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов К.М. (2017) Нужно ли нам «бороться с сектами»? Размышления о работе церкви в области нетрадиционной религиозности. *Сектоведение*. Под ред. В.А. Мартиновича. Т. 6. Издательство Минской духовной академии, Минск, Беларусь. С. 18–44.

Кантеров И.Я. (2007) *Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ)*. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. 472 с.

Лункин Р.Н. (2008) Церковь Виссарiona: божество с человеческими страстями. *Русское ревью*. Кестонский институт. № 30. URL: https://web.archive.org/web/20150111141015/http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition31/03vissarion.html (дата обращения: 29.05.2023).

Филатов С.Б. (2002). Новые религиозные движения – угроза или норма жизни? *Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России*. Отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. Летний сад, Санкт-Петербург. С. 401–449. URL: <https://web.archive.org/web/20131230232248/http://www.keston.org.uk/encyclo/20%20Sects.html> (дата обращения: 29.05.2023).

Филиппов Б.А. (2015) О волне духовного напряжения конца 60-х гг. XX в. – начала XXI в. *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия*. Вып. 5(61). С. 112–130.

Bigliardi S. (2015) Che cosa sono, come funzionano e che cosa ci insegnano i nuovi movimenti religiosi? *NonCredo*. 39. P. 44–47.

Champion F., Cohen M. (1999) *Sectes et démocratie*. Editions de Seuil, Paris, France. 400 p.

Cipriani R. (1997) *Manuale di sociologia della religione*. Edizioni Borla, Roma, Italy. 252 p.

Di Marzio R. (2019) Il movimento antisette: storia, caratteristiche e attivismo. *Coscienza e libertà*. No. 57–58. URL: <https://coscienzaeliberta.it/testimonianze/il-movimento-anti-sette-storia-caratteristiche-e-attivismo-raffaella-di-marzio-n-57-58-anno-2019/> (accessed: 22.05.2023).

Gatto Trocchi C. (2022) *Nuovi Culti e Movimenti religiosi*. URL: http://www.corsodireligione.it/religioni/movimenti%20e%20culti/nmr_2.html (accessed: 21.05.2022).

Hargrove B. (1983) Social Sources and Consequences of Brainwashing Controversy. *The Brainwashing/Deprogramming Controversy: Sociological, Psychological, Legal and Historical Perspectives*. Ed. by D.G. Bromley, J.T. Richardson. The Edwin Mellen Press, New York, USA. P. 299–308.

Introvigne M. (1991) La sfida delle Sette o nuovi movimenti religiosi: un approccio pastorale. *Cristianità*. No. 195–196. URL: <https://alleanzacattolica.org/la-sfida-delle-sette-o-nuovi-movimenti-religiosi-un-approccio-pastorale/> (accessed: 21.05.2023).

Introvigne M. (1993) Il movimento «anti-sette» laico e il movimento «contro le sette» religioso: strani compagni di viaggio o futuri nemici? *Cristianità*. No. 217. URL: <https://alleanzacattolica.org/il-movimento-anti-sette-laico-e-il-movimento-contro-le-sette-religioso-strani-compagni-di-viaggio-o-futuri-nemici/> (accessed: 17.05.2023).

Introvigne M. (1994) L'Opus Dei e il movimento anti-sette. *Cristianità*. No. 229. P. 3–12.

Introvigne M., Zoccatelli P.L. (2006) La questione delle “sette”. *Le religioni in Italia*. URL: <https://cesnur.com/la-questione-delle-sette-2/> (accessed: 23.05.2023).

Mat-Hasquin M. (1983) *Les sectes contemporaines*. Editions de l'Université de Bruxelles, Bruxelles, Belgium. 119 p.

New Religious Movements as an Object of Scientific Study in Modern Italy

V.E. Yazkova*

Candidate of Sciences (History)

*Senior Researcher, Center for religion and society studies, Institute of Europe RAS
11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009*

***E-mail:** yazkova@yandex.ru

Abstract. The study focuses on the phenomenon of new religious movements (NRM) in Italy. The work aims at identifying and analysing the main research directions of the Italian Center for Studies on New Religions (CESNUR) in order to distinguish its ideas from those of the secular anti-cult movement and the ecclesiastical movement against the sects. The supporters of the antisectarians study tactics of behavior of the NRMs, the movement against the sects explore the doctrinal aspects of the beliefs. The author concludes that the attempt to save adherents from the sect is not conditioned by concerns about their spirituality but aims to bring them into the fold of orthodoxy. There is a desire to criminalise the problem by appealing to the crimes of individual NRMs and extrapolating them to any manifestation of non-traditional religiosity. Since the 90s of the 20th century, the Italian scientific community opposes this practice, as it hypothetically creates a precedent whereby the state can regulate any form of religious life of its citizens, question the law on religious freedom, stigmatise certain groups of society. According to Italian scientists, NRMs should become an object of a scientific rather than criminological interest. It is therefore not recommended to use the criteria of "true/false" in their study and to consider them exclusively from the point of view of deviation from the generally recognised norm. The exploration of such movements provides valuable material for the study of such topics as macro- and micro-identity of society, "temperature" of social spirituality, openness to new religious experiences, fidelity to traditions.

Key words: New religious movements, NRM, sects, sectarianism, anti-cultism, Italy, Vatican

DOI: 10.31857/S020170832305011X

EDN: yahwiw

REFERENCES

- Antonov K.M. (2017) Nuzhno li nam «borot'sya s sektami»? Rasmыshlenija o rabote tserkvi v oblasti netraditcionnoj religioznosti [Do we need to "fight sects"? Reflections on the work of the church in the field of non-traditional religiosity], in Martinovich V.A. (ed.) *Sektovedenije*, 6, pp. 18–44. (In Russian).
- Filatov S.B. (ed.) (2002) Novye religyosnye dvizhenija – ugroza ili norma zhiz'ni? [Are new religious movements the threat or the norm of life?], *Religija i obschestvo: Oчерki religioznoj zhiz'ni sovremennoj Rossii*, Letnii sad, Saint Petersburg, Russia, pp. 401–449. URL: <https://web.archive.org/web/20131230232248/http://www.keston.org.uk/encyclo/20%20Sects.html> (accessed: 29.05.2023). (In Russian).
- Filippov B.A. (2015) O volne duhovnogo napryazhenija konca 60-h gg. XX v. – nachala XXI v. [About the wave of spiritual tension of the late 60s. XX century – the beginning of the XXI century], *Vestnik PSTGU I: Bogoslovije. Filosofija*, 5(61), pp.112–130. (In Russian).
- Kanterov I.Y. (2007) *Novye religyosnye dvizhenija v Rossii (religiovedcheskij analiz)* [New religious movements in Russia (religious studies)], MSU, Moscow, Russia. (In Russian).
- Lunkin R.N. (2008) Tzerkov' Vissariona: bozhestvo s chelovecheskimi strastiyami [Church of Vissarion: a deity with human passions], *Russkoje review. Kestonskij institut*, 30. URL: https://web.archive.org/web/20150111141015/http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition31/03vissarion.html (accessed: 29.05.2023). (In Russian).
- Bigliardi S. (2015) Che cosa sono, come funzionano e che cosa ci insegnano i nuovi movimenti religiosi? *NonCredo*, 39, pp. 44–47.
- Champion F., Cohen M. (1999) *Sectes et démocratie*, Editions de Seuil, Paris, France.
- Cipriani R. (1997) *Manuale di sociologia della religione*, Edizioni Borla, Roma, Italy.
- Di Marzio R. (2019) Il movimento antisette: storia, caratteristiche e attivismo, *Coscienza e libertà*, 57–58. URL: <https://coscienzaeliberta.it/testimonianze/il-movimento-anti-sette-storia-caratteristiche-e-attivismo-raffaella-di-marzio-n-57-58-anno-2019/> (accessed: 22.05.2023).
- Gatto Trocchi C. (2022) *Nuovi Culti e Movimenti religiosi*. URL: http://www.corsodireligione.it/religioni/movimenti%20e%20culti/nmr_2.html (accessed: 21.05.2022).
- Hargrove B. (1983) Social Sources and Consequences of Brainwashing Controversy, in Bromley D.G., Richardson J.T. (ed.) *The Brainwashing/Deprogramming Controversy: Sociological, Psychological, Legal and Historical Perspectives*, The Edwin Mellen Press, New York, USA, pp. 299–308.
- Introvigne M. (1991) La sfida delle Sette o nuovi movimenti religiosi: un approccio pastorale, *Cristianità*, 195–196. URL: <https://alleanzacattolica.org/la-sfida-delle-sette-o-nuovi-movimenti-religiosi-un-approccio-pastorale/> (accessed: 21.05.2023).
- Introvigne M. (1993) Il movimento «anti-sette» laico e il movimento «contro le sette» religioso: strani compagni di viaggio o futuri nemici? *Cristianità*, 217. URL: <https://alleanzacattolica.org/il-movimento-anti-sette-laico-e-il-movimento-contro-le-sette-religioso-strani-compagni-di-viaggio-o-futuri-nemici/> (accessed: 17.05.2023).
- Introvigne M. (1994) L'Opus Dei e il movimento anti-sette, *Cristianità*, 229, pp. 3–12.
- Introvigne M., Zoccatelli P.L. (2006) La questione delle “sette”, *Le religioni in Italia*. URL: <https://cesnur.com/la-questione-delle-sette-2/> (accessed: 23.05.2023).
- Mat-Hasquin M. (1983) *Les sectes contemporaines*, Editions de l'Université de Bruxelles, Bruxelles, Belgium.

УДК 322.261.7

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ РУМЫНИИ

© 2023 г. ШИМАНСКАЯ Ольга Константиновна*

Кандидат философских наук

Центр по изучению проблем религии и общества

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: shimansk@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.05.2023

После доработки 24.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. Молодежная политика – важное направление социальной политики ЕС. Национальная специфика государств-членов допускает разные модели реализации молодежной политики, соответствующие политической культуре стран. Цель статьи – рассмотреть переход от универсалистской модели молодежной политики Румынии периода социализма к централизованной (или средиземноморской), в которой важную роль играют традиционные социальные институты – семья и Церковь. В исследовании применены контент-анализ и системный метод. Вступление Румынии в ЕС обязало правительство страны уделять большее внимание молодежи. На молодежную политику были направлены средства из европейских фондов. Стратегией правительства стало развитие образования и дополнительных образовательных услуг, помощь детям и молодежи без попечения родителей и многодетным семьям. Однако качество образования ухудшилось, помощь не доходила до адресатов, стратегические цели не были достигнуты. Государственная молодежная политика оказалась малоэффективной. Одновременно в решение вопросов поддержки детей и юношества включилась Румынская православная церковь (РуПЦ). При долевым участии с муниципалитетами, спонсорами, зарубежными благотворителями РуПЦ открывает сеть социальных центров для детей. Румынская православная церковь проводит акции по предотвращению отсева из школ, обеспечению одеждой и школьными принадлежностями, изучению родной истории и др. Участие РуПЦ в решении проблем молодежи убедительно свидетельствует о том, что в Румынии сформировалась централизованная модель реализации молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, политика, Европейский союз, Румыния, Румынская православная церковь, социальная политика, благотворительность

DOI: 10.31857/S0201708323050121

EDN: yakdpw

Молодежь – возрастная подгруппа населения с огромным интеллектуальным и творческим потенциалом, способностью к общественно-политическому действию, находящаяся в поиске ценностных ориентиров. Социальный статус молодежи в обществе всегда одинаковый: она одновременно объект и субъект социализации. Сегодня в мире около 1,8 млрд человек в возрасте от 10 до 24 лет¹. Эффективная молодежная политики – задача всех членов мирового сообщества, межгосударственных объединений, национальных государств и общественных организаций. Такие проблемы, как рост безработицы, нарастание радикализма и агрессии, депривация, абсентеизм, культурная и мировоззренческая индифферентность, требуют незамедлительного решения. В государствах-членах ЕС молодежь рассматривается как стратегический потенциал для развития единой Европы на основе общих ценностей. Главная задача молодежной политики Евросоюза – создание европейской идентичности. В этой связи разрабатываются, финансируются и реализуются общеевропейские программы создания единообразия молодежного пространства.

Молодежная политика в Румынии: стратегия и тактические достижения

Современная Румыния – нечастый объект исследований, однако следует выделить работы румыниста Т.Г. Битковой [Биткова, 2018: 37–58], политолога Е.В. Шумицкой [Шумицкая, 2018: 96] и белорусского социолога М.И. Веренич [Веренич, 2018: 291–304], а также коллективную монографию, посвященную Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) [Игрицкий, Шаншиева, 2016].

Со вступлением в Евросоюз в 2007 г. общественная система Румынии подверглась испытаниям, связанным с социально-экономическими проблемами, которые имели не только внутренние, но и глобальные причины и следствия. В условиях либерализации экономики и демократического транзита государство должно было действовать в рамках намечающихся контуров европейской социальной политики, ориентирующейся на создание государства всеобщего благосостояния. С конца 2021 г. по середину 2022 г. в Румынии проводилась перепись населения. По словам главы румынского Национального института статистики (*National Institute of Statistics, NIS*) Тудорела Андрея, население страны сократилось на 24% за двадцать лет и составило 19 млн человек². Проблемой остается бедность населения: в

¹ United Nation Population Fund. Statistics. URL: <https://www.unfpa.org/youth-participation-leadership> (дата обращения: 07.06.2023).

² Население Румынии сократилось на 24% – исследование. URL: <https://regnum.ru/news/3662083> (дата обращения: 10.06.2023).

2022 г. число граждан, имеющих доход ниже прожиточного минимума в 1000 леев (около 210 долл.), составляло 1,5 млн человек. Парламентарии констатировали неэффективность ряда разрекламированных социальных программ, например программы оказания помощи малоимущим, средства на которую в размере 800 млн долл. выплачены из фондов Еврокомиссии¹. Бюрократизм, коррупция и непрозрачность распределения привели к тому, что дотации не дошли до адресатов в полном объеме.

Бедность – одна из причин демографических проблем. Румыния с показателем 15,26 смертей на 1000 жителей уступает только Сербии (16,39). Как отмечает румынский министр по делам семьи и молодежи Габриела Фиря: «Сейчас в Румынии наблюдается беспрецедентный демографический спад»². В 2022 г. правительство объявило о поддержке бездетных семей. Кабинет министров предоставит 2,5 тыс. супружеских пар на безвозмездной основе по 15 тыс. леев (3,1 тыс. долл.) на проведение операций по искусственному оплодотворению (ЭКО). Первыми реципиентами программы станут 10 тыс. пар в 2023 г.³ Румынский истеблишмент предпринимает действия для коррекции демографии, но остается открытым вопрос, насколько они дополняются мероприятиями, направленными на увеличение привлекательности проживания в стране и рассчитанными на румынскую молодежь.

Рассматривая социальный облик румынской молодежи, Т.Г. Биткова отмечает уменьшение возрастной подгруппы в демографической структуре населения и отток на работу в страны Западной Европы, где уровень жизни выше. К новому столетию Румыния подошла как страна с высоким уровнем образования⁴, однако трудности переходного периода отразились на его качестве. «В молодежной среде 2000-х усиливался культурно-образовательный разрыв. С одной стороны, отмечался рост числа малообразованных молодых людей, а с другой – те, кто имел материальные возможности для получения полного среднего образования, все более стремились в вузы, в том числе в сфере платного обучения» [Биткова, 2011: С. 30–31]. Уровень школьной и университетской подготовки в Румынии критикуется за клановость, коррупцию, nepotизм и др.

Все это требовало разработки молодежной политики, соответствующей времени и целям интеграции страны в ЕС. Согласно ст. 49 конституции Румынии, принятой в 2003 г., дети и молодежь пользуются защитой государства при осуществлении своих прав. Эксплуатация несовершеннолетних, использование их в деятельности, причиняющей вред здоровью, нравственности или угрожающей жизни или нормальному развитию, запрещаются. Не допускается прием на работу несовершенно-

¹ В Румынии в нищете проживают 1,5 млн человек – исследование. URL: <https://regnum.ru/news/3750098> (дата обращения: 10.06.2023).

² В Румынии зафиксировали «беспрецедентный демографический спад». URL: <https://regnum.ru/news/3660819> (дата обращения: 10.06.2023).

³ В Румынии бездетным семьям выделяют деньги на искусственное оплодотворение. URL: <https://regnum.ru/news/3652501> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Уровень грамотности среди молодежи составляет 99,29%. Под молодежью здесь понимается возрастная группа от 15 до 24 лет. Countrymeters. URL: <https://countrymeters.info/en> (дата обращения: 16.06.2023).

летних моложе 15 лет. Власти способствуют обеспечению условий для всестороннего развития молодежи, ее свободному участию в политической, общественной, экономической, культурной и спортивной жизни¹. Однако законодательные гарантии не всегда удавалось обеспечить. Со вступлением страны в ЕС система социальной защиты Румынии стала включать две подсистемы: социальное страхование и социальную помощь, которые дополняют друг друга [Zamfir, 2010: 14–15]. Они должны были охватить возрастную группу как объект и как субъект реализации молодежной политики, а для этого было необходимо разработать соответствующие законы и механизмы их финансирования и реализации.

Закон о молодежи², принятый в 2006 г., оформил правовую базу для обеспечения условий социально-профессиональной интеграции. В документе молодежь определена как возрастная группа от 14 до 35 лет. В Румынии ответственность за молодежную политику разделена между властями центрального и местного уровней. Приоритет принадлежит местным органам власти, которые могут выдвигать инициативы. На национальном уровне осуществляется общая координация и распределяются финансовые средства из европейских фондов на молодежные проекты. Одним из инструментов министерства молодежи и спорта (с января 2022 г. министерства по делам семьи, молодежи и равных возможностей) и министерства культуры является выделение грантов на проекты молодежных неправительственных организаций. Окружные управления по делам молодежи и спорта, студенческие культурные центры, университеты и школы автономны в организации деятельности и расписания работы с молодежью. Эта стратегия обеспечивает доступ к молодежной деятельности людям из многих регионов, городов, поселков и сел. Тем не менее территория страны не охвачена одинаковым образом, и уровень доступности мероприятий в регионах сильно различается.

Национальная стратегия в области молодежной политики на 2015–2020 гг. не была подкреплена планом действий, бюджетными ассигнованиями и планом мониторинга, а новая стратегия была принята только в марте 2023 г. Таким образом, координация органов власти не является систематической, а ответственные центральные органы не контролируют актуальную ситуацию с поддержкой молодежи. Другими словами, правительственная стратегия молодежной политики, несмотря на финансовую и организационную поддержку со стороны ЕС, малоэффективна.

Из мер поддержки молодежи наиболее эффективной была программа Национальной стратегии социальной интеграции и сокращения бедности на 2015–2020 гг.³ В ней школа становилась центром социальной интеграции, где детям и семьям предоставляют информацию, консультации, социальные, медицинские и дополнительные образовательные услуги. В школах работают медицин-

¹ Конституция Румынии от 31 октября 2003 г. URL: <https://romanianpass.com> (дата обращения: 10.06.2023).

² Закон о молодежи № 350 от 21.07.2006 г. URL: <https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/73834> (дата обращения: 16.06.2023).

³ National Strategy on Social Inclusion and Poverty Reduction 2015–2020. Romania. URL: http://www.mmuncii.ro/j33/images/Documente/Familie/2016/StrategyVollEN_web.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

ские кабинеты со специалистами разных профилей, в т. ч. стоматологические; специализированный персонал (психологи и логопеды); столовые, обеспечивающие бесплатным питанием детей из многодетных и малообеспеченных семей. Образование, общедоступное, обязательное и бесплатное, остается приоритетом, а предотвращение раннего ухода из школы осознается одной из важнейших проблем. Приняты программы «Спорт для всех» и Закон № 152/2020 об укреплении здоровья и профилактике заболеваний¹, введены факультативы санитарного просвещения и полового воспитания. Организуют досуг и социализацию молодежи 15 студенческих культурных центров действующих в 14 университетских городах, включая два в Бухаресте. Мероприятия для молодежи проводят министерства культуры и образования, Церкви, муниципалитеты.

Внимание властей также обращено на гражданское воспитание и участие молодежи в политике. С 2006 г. палата депутатов румынского парламента реализует проект «Молодежный парламент» с ролевыми играми, в которых молодые люди выступают в качестве национальных политиков. Цель – стимулировать интерес студентов к работе парламентских учреждений страны и Евросоюза. Кроме того, организуются игровые заседания Европейского парламента и реализуется программа «Избиратель в первый раз, наблюдатель в первый раз», адресованная студентам в области права и политических наук [Барсамов и др., 2007: 12–13]. Активизация политического просвещения развивает гражданственность и солидарность молодых людей.

В восприятии молодежи от 15 до 29 лет, согласно социологическому опросу 2014 г., проведенному Центром городской и региональной социологии для Фонда им. Фридриха Эберта², основные проблемы страны – коррупция и безработица. Почти половина молодых людей в Румынии живут с родителями. Семейой обзаводятся позже, чем предыдущие поколения. Доходы различны и растут с возрастом. Мужчины зарабатывают больше, чем женщины, а горожане – больше, чем сельчане. Личные отношения при поиске работы значат больше, чем профессионализм и опыт. 40% респондентов хотят покинуть страну для работы или учебы, перебравшись в Западную Европу. Согласно опросу 2022 г., румынская молодежь с оптимизмом смотрит на будущее ЕС. «Тот факт, что 70% молодых людей удовлетворены своей работой, побуждает нас, тех, кто управляет сегодня, продолжать и развивать государственную политику, которая будет побуждать молодое поколение оставаться и развивать свою карьеру и бизнес в Румынии»³, – заявил премьер-министр Николае Чукэ. По его словам, использование 80 млрд евро из европейских средств для повышения стандартов государственных услуг и развития бизнес-

¹ LEGE nr. 152 din 24 iulie 2020 privind organizarea și finanțarea serviciilor de promovare a sănătății și prevenire a îmbolnăvirilor. URL: <https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/228373> (дата обращения: 17.06.2023).

² Опрос о молодежи Румынии. URL: <https://www.rii.ro/pages/printeaza/2525353> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Румынская молодежь и Европа. URL: <https://www.rii.ro/ru/2660290> (дата обращения: 10.05.2023).

среды – обязательство, которое власть должна выполнить, чтобы не разочаровать молодежь.

Выплаты из государственного бюджета в 2022 г. по указу президента Клауса Йоханниса направлены в первую очередь воспитанникам детских домов и интернатов и многодетным семьям¹. Более 150 тыс. человек в возрасте от 18 до 26 лет, не имеющих стабильного дохода и находящихся на попечении государства, получают ежемесячную помощь в размере 2500 леев (493 долл.). С 1 января 2023 г. введена программа скидок на пользование общественным транспортом, посещение театров и музеев, а также услуги туристических агентств для молодежи от 16 до 25 лет. Средства на это выделяются из фондов Еврокомиссии² и приближают Румынию к стандартам Евросоюза. В ЕС создана правовая база молодежной политики, но принятые документы носят рекомендательный характер. Политолог Е.Н. Грачёв подчеркивает: «их выполнение на национальном уровне не всегда представляется возможным в силу значительной гетерогенности современного европейского пространства» [Грачёв, 2019: 19–20]. Итальянский аналитический центр «ИАРД» (*IARD*) [IARD, 2001: 29], Д. Дибуа [Dibou, 2012: 15–36] и Л. Силуара³ выделяют четыре вида молодежной политики, соответствующие национальной политической культуре: универсалистский (обязательное вовлечение детей и юношества в программы государственного субсидирования поддержки здоровья, образования, воспитания, включая общественно-политический компонент), протекционистский (государственная поддержка молодежных программ), основанный на общинах (поддержка социально незащищенных групп молодежи муниципалитетами), централизованный (основная роль семьи и Церкви в социальной сфере). К последней модели относятся преимущественно аграрные страны с сохранившимися патриархально-семейными отношениями и высоким авторитетом церковных организаций. Этот вид молодежной политики реализуется в основном в странах Средиземноморья.

Большинство государств-членов ЕС разрабатывают молодежную политику и берут на себя ее реализацию, привлекая общественные организации и частных инвесторов. В странах ЦВЕ идет апробация подходов к молодежной политике. Это связано с отказом от социалистического универсалистского наследия, спецификой становления демократической государственности и ролью общественных институтов в публично-правовой сфере. Авторитетным институтом в общественной жизни стран ЦВЕ становится Церковь как хранитель гуманистических ценностей и национальных традиций. Цель статьи на основе анализа документов и контент-анализа СМИ с применением системного метода – рассмотреть оформление новой модели молодежной политики в Румынии в первые десятилетия XXI в., роль общественных

¹ В Румынии находящиеся на попечении государства люди получают новые выплаты. URL: <https://regnum.ru/news/3725891> (дата обращения: 10.06.2023).

² В Румынии объявлено о запуске программы «европейских скидок» для молодежи. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3744928.html> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Siurala L. A European framework for youth policy. Directorate of Youth and Sport Council of Europe Publishing. 2006. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261806/COE_european_framework_4YP_EN.pdf/998de93b-bc9d-475f-bf27-d6fd9a810fed (дата обращения: 27.06.2023).

организаций, прежде всего Румынской православной церкви (РуПЦ), в формировании и реализации молодежной политики, а также многовекторную деятельность РуПЦ по работе с молодежью и воспитанию традиционных ценностей, национальной и общеевропейской идентичности. Гипотеза заключается в том, что в Румынии реализуется централизованная модель молодежной политики, в которой значительная роль отводится семье и Церкви.

Молодежная политика румынского православия

В Румынии православие обладает массовой аудиторией, что сочетается с принципами светскости в государственно-конфессиональных отношениях. Разветвленная сетевая структура православных епархий, благочиний и приходов пронизывает всю страну. Согласно переписи населения 2011 г., 86,45% граждан – православные¹. Это подтверждает Исследовательский центр Пью (*Pew Research Center*)²: 95% взрослых верит в Бога, а 86% из них – православные. По сравнению с государствами ЦВЕ Румынию мало затронула секуляризация. Медианные показатели еженедельно посещающих церковь в странах региона – 10%. В Румынии еженедельно в церковь ходит 21% верующих. Православие важно для определения гражданства для 74% румын. Государство, по мнению 46% респондентов, должно поддерживать мораль и религиозные ценности. 58% опрошенных считают, что оно также должно оказывать финансовую помощь Церкви. Таким образом, у РуПЦ есть неформальный авторитет в обществе, который она использует в условиях кризисов, когда необходима гражданская мобилизация верующих [Шиманская, 2020: 101–107; Шиманская, 2022: 152–163].

Православие – часть румынской идентичности. По заявлению патриарха Даниила (Чоботь), «православная церковь в настоящее время является крупнейшим меценатом с точки зрения вклада в общественную работу»³. Он говорит о необходимости преемственности и сохранения высокого качества социальной работы, подчеркивая: «Чудо заключается в том, что благотворительные организации делают много работы за небольшие деньги»⁴. Федерация благотворительности под ру-

¹ CE ne spune ne spune recensământul din recensământul din anul 2011 despre RELIGIE? – octombrie 2013. URL: https://insse.ro/cms/files/publicatii/pliante%20statistice/08-Recensamintele%20despre%20religie_n.pdf (дата обращения: 24.05.2020).

² Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Исследовательский центр Пью. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

³ Biserica Ortodoxă este cel mai mare filantrop în ceea ce privește contribuția la asistența socială, a declarat Patriarhul Daniel la ședința plenară a NSA. URL: <https://basilica.ro/biserica-ortodoxa-este-cel-mai-mare-filantrop-din-punct-de-vedere-al-contributiei-in-lucrarea-sociala-a-spus-patriarhul-daniel-in-plenul-lucrarilor-anb> (дата обращения: 07.05.2023).

⁴ Federația Filantropia în ședință anuală: “Continuitate și calitate” au fost recomandările Părintelui Patriarh. URL: <https://basilica.ro/federatia-filantropia-in-sedinta-anuala-continuitate-si-calitate-au-fost-recomandarile-parintelui-patriarh> (дата обращения: 07.05.2023).

ководством Церкви в партнерстве с министерством здравоохранения разрабатывает альтернативы развитию государственной социальной политики. Стоимость деятельности по оказанию социальной и благотворительной помощи РуПЦ составила более 32 млн евро в 2019 г., более 38 млн евро – в 2020 г. и более 44 млн евро – в 2021 г. Во всех мероприятиях участвовали тысячи волонтеров, например в 2021 г. 19 853 человека, из них – 18 092 добровольца¹.

В структуре РуПЦ нет профильного отдела по делам молодежи. Этой работой занимаются на уровне митрополий, архиепископий, епархий, приходов, отделов социально-благотворительной, культурно-миссионерской деятельности и внешних церковных связей. Анализ материалов Информационного агентства РуПЦ «Базилика.ро» (*Basilica.ro*) с 2016 г. по май 2023 г. показал, что 70% посвящено социально-благотворительной деятельности в отношении детей, семейно-брачным отношениям и проблемам молодежи.

Международный день защиты детей 1 июня – государственный праздник в Румынии. К нему приурочены мероприятия митрополий РуПЦ в защиту детей, живущих и не родившихся, т. к. в стране самый высокий уровень абортов в Европе – 480 на 1000 родов. По инициативе Церкви проходят «Марши за жизнь». На улицы сотен городов выходят тысячи людей с плакатами: «Я тоже хочу жить», «Берегите жизнь, скажите нет абортam», «Жизнь имеет приоритет», «Бог творит жизнь, аборт ее убивает», «Ребенок – это радость»². Соучредителем и участником маршей выступает Студенческая ассоциация за жизнь. День защиты детей сопровождается концертами, организацией летнего отдыха и раздачей подарков от приходов и благотворителей детям из общественных социальных центров и многодетных семей. Праздники и экскурсии для детей разных уездов страны проводят волонтеры Часовни Собора Спасения Нации Бухареста.

Многие социальные центры постоянного пребывания для детей и молодежи действуют при долевом участии государства, Церкви и зарубежных благотворителей. Например, центру «Св. Василий Великий» в Алба-Юлия помогают благотворительные организации Мальты и города Кобленц в ФРГ. Развивается сеть дневных социальных центров. Их миссия – предотвращение отказа от детей путем обеспечения ухода, образования, развлекательных мероприятий в течение дня, социализация, консультирование, развитие навыков самостоятельной жизни, школьная ориентация³. Проект «Выбери школу, укрепи семью!» направлен на детей, чьи родители уехали на работу за границу более чем на полгода.

Повсеместно открываются многофункциональные социально-культурные центры, напоминающие дома культуры советского времени. Такие учреждения также

¹ Câteva cifre de Ziua Europeană a Statisticii: Binele de știut din Biserica Ortodoxă Română. URL: <https://basilica.ro/cateva-cifre-de-ziua-europeana-a-statisticii-binele-de-stiut-din-biserica-ortodoxa-romana> (дата обращения: 16.05.2023).

² Marșul pentru viață la Cluj-Napoca. URL: <https://basilica.ro/marsul-pentru-viata-la-cluj-napoca-3> (дата обращения: 24.04.2023).

³ “Centrul de Zi pentru Copii” al Episcopiei Caransebeșului, la început de drum. URL: <https://basilica.ro/centrul-de-zi-pentru-copii-al-episcopiei-caransebesului-la-inceput-de-drum> (дата обращения: 25.04.2023).

открываются другими церковными институциями в районах компактного проживания русских старообрядцев-липован (село Маноля, село Сарикей и др.) и венгров (католиков и протестантов) в Северной Трансильвании. Центры развивают творческие способности (рисование, театр, музыка); проводят обучение языкам, танцам, спортивным играм и занятия по профессиональная ориентация; организуют развлекательные и общественные мероприятия; оказывают образовательную, социальную, медицинскую (санитарное просвещение, лечение, психологическое консультирование), материальную (двухразовое питание, обеспечение школьными принадлежностями и одеждой с привлечением спонсоров), религиозную помощь (катехизация и участие в богослужениях). Учреждения проводят предметные мероприятия: обучение садоводству, олимпиады по истории, «Математический лагерь», экскурсии, познавательные игры, квесты и др. Перед пандемией РуПЦ открыла 535 социальных учреждений для детей¹. Многие средства на реализацию социальных программ в поддержку детства поступили от пожертвований, а здания были переданы из муниципальных и государственных фондов². Доступ к социально-культурным программам снижает риск маргинализации, способствует гармоничному развитию детей и юношей.

Церковь борется с ранним отсеком из школы. Она объединяет усилия Ассоциации православной благотворительности при финансовой поддержке Международной организации православного христианского милосердия (*International Orthodox Christian Charities, IOCC*) и мэрий³. Мероприятия включают помощь многодетным семьям и детям из семей с ограниченными финансовыми возможностями. В период с 2018 по 2021 гг. РуПЦ привлекла более 5,3 млн евро из европейских фондов и профинансировала программу предотвращения отсева из школ «Выбери школу!»⁴. Накануне 1 сентября Церковь проводит акцию «Собери портфель», когда общины комплектуют наборы из учебников, тетрадей, школьных принадлежностей и дарят их нуждающимся, организуя праздник встречи со школой⁵. Масштаб помощи значителен: приходы из года в год комплектуют от 50 до 5000 портфелей. В условиях

¹ Servicii caritabile pentru 30.000 copii. Patriarhia Română a investit în 535 de instituții sociale destinate copiilor. URL: <https://basilica.ro/servicii-caritabile-pentru-30-000-copii-patriarhia-romana-a-investit-in-535-de-institutii-sociale-destinate-copiilor> (дата обращения: 06.05.2023).

² Un nou centru de zi deschis la Salonta. “Va contribui la construirea unui viitor frumos pentru copiii și tinerii noștri” – PS Sofronie. URL: <https://basilica.ro/un-nou-centru-de-zi-deschis-la-salonta-va-contribui-la-construirea-unui-viitor-frumos-pentru-copiii-si-tinerii-nostri-ps-sofronie> (дата обращения: 07.05.2023).

³ 360 de copii din Alba primesc sprijin pentru “Prevenirea abandonului școlar”. URL: <https://basilica.ro/360-de-copii-din-alba-primesc-sprijin-pentru-prevenirea-abandonului-scolar> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴ Câteva cifre de Ziua Europeană a Statisticii: Binele de știut din Biserica Ortodoxă Română. URL: <https://basilica.ro/cateva-cifre-de-ziua-europeana-a-statisticii-binele-de-stiut-din-biserica-ortodoxa-romana> (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ Arhiepiscopia Dunării de Jos a oferit ghiozdane cu rechizite pentru 4000 de elevi. URL: <https://basilica.ro/arhiepiscopia-dunarii-de-jos-a-oferit-ghiozdane-cu-rechizite-pentru-4000-de-elevi> (дата обращения: 10.05.2023).

пандемии коронавируса в 2020–2022 гг. и перехода на дистанционное обучение обострилась проблема обеспечения учащихся компьютерной техникой. Социально-благотворительные отделы активно включились в ее решение через проект «Исследователи в онлайн среде». Планшетами награждались хорошо успевающие дети из малообеспеченных семей в сельской местности¹. Во многих местах проводились обучающие курсы работы с компьютером, которые способствовали доступу молодежи к онлайн образованию.

Перед зимним сезоном проводятся акции «Обуй школьника», когда приходы под руководством священников собирают средства и покупают зимнюю обувь и одежду для малоимущих детей. В 2019 г. спонсором Церкви стал продавец спортивного инвентаря «Декатлон» (*Decathlon*)². Средства собирали волонтеры и передавали румынские верующие из Западной Европы³. В отдаленных селах проведена кампания «Велосипед – шаг вперед для детей из неблагополучных сельских общин уезда Муреш»⁴, в ходе которой детей обеспечили средствами передвижения, чтобы они не бросали школу.

Приходы оперативно реагируют на нужды прихожан, стремясь обеспечить детей, подростков и талантливую студенческую молодежь стипендиальной поддержкой. Запускаются региональные проекты «Родительское оружие»⁵, «Стипендии для бедных детей из Румынии»⁶ и др. Пример в этом показывает епископат Рупц, жертвующий средства на поддержку молодых талантов. Существуют церковные фонды, такие как фонд «Митрополита Варфоломея»⁷, основанный в 2008 г., которые на конкурсной основе объявляют о годичных стипендиях для студентов, аспирантов и докторантов для написания научных работ и диссертаций.

¹ Asociația Vasiliada a oferit 30 de tablete elevilor din Alimpești, județul Gorj. URL: <https://basilica.ro/asociatia-vasiliada-a-oferit-30-de-tablete-elevilor-din-alimpesti-judetul-gorj> (дата обращения: 11.05.2023).

² Copiii de la Valea Plopului au primit încălțăminte de iarnă. URL: <https://basilica.ro/copiii-de-la-valea-plopului-au-primit-incaltaminte-de-iarna> (дата обращения: 11.05.2023).

³ 100 copii din Eparhia Hușilor beneficiază de îmbrăcăminte de iarnă prin proiectul “Căldură pentru inimi curate”. URL: <https://basilica.ro/100-copii-din-eparhia-husilor-beneficiaza-de-imbracaminte-de-iarna-prin-proiectul-caldura-pentru-inimi-curate> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Ca să nu renunțe la școală din cauza distanței, 50 de copii din jud. Mureș au primit biciclete. URL: <https://basilica.ro/ca-sa-nu-renunte-la-scoala-din-cauza-distanței-50-de-copii-din-jud-mures-au-primit-biciclete> (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ Proiectul “Brațele părințești” | Burse de studiu oferite pentru 80 copii cu risc de abandon școlar, din Eparhia Hușilor. URL: <https://basilica.ro/proiectul-bratele-parintesti-burse-de-studiu-oferite-pentru-80-copii-cu-risc-de-abandon-scolar-din-eparhia-husilor> (дата обращения: 07.05.2023).

⁶ Nou proiect social. “Burse pentru copiii săraci din România” a fost lansat de Episcopia Europei de Nord. URL: <https://basilica.ro/nou-proiect-social-burse-pentru-copiii-saraci-din-romania-a-fost-lansat-de-episcopia-europei-de-nord> (дата обращения: 07.05.2023).

⁷ Fundația Mitropolitul Bartolomeu oferă și anul acesta burse în valoare de peste 100.000 de lei. URL: <https://basilica.ro/fundatia-mitropolitul-bartolomeu-ofera-si-anul-acesta-burse-in-valoarea-de- peste-100-000-de-lei> (дата обращения: 16.05.2023).

Значимое направление для РуПЦ – это сохранение румынского историко-культурного наследия. Ассоциация румынской православной молодежи в Яссах при поддержке мэрии с 2018 г. проводит проект «Инвестируй в себя»¹ для старшеклассников. Он включает пять обучающих семинаров об объединяющих румын ценностях, конкурс по истории Румынии, мастер-классы по национальной вышивке, выставку народного костюма, конкурс фольклорного пения. Цели проекта – изучение культурного наследия и популяризация волонтерства как общественной ценности. Продвижение культуры и языка среди молодых румын, проживающих за рубежом, – забота министерства по делам румын во всем мире. РуПЦ также организует поездки к православным святыням, в Бухарест, праздники национальной культуры².

Румынское православие в последние десятилетия стало активной и авторитетной гражданской силой, способствующей решению социальных проблем. РуПЦ стремится взять под контроль ассигнования на решение задач молодежной политики на местах и активно принимает участие в ее реализации, создавая социальные центры постоянного пребывания детей без родителей, центры дневного пребывания для молодежи для медиации их образовательных и досуговых траекторий. При участии церкви даже в отдаленных местах функционируют социально-культурные центры, занимающиеся воспитанием и развитием молодежи, сохранением историко-культурного наследия и румынской идентичности. РуПЦ инициирует и годами поддерживает множество гуманитарных социальных проектов, направленных на поддержку жизни, здоровья, образования и культурного развития молодежи. Румынская православная церковь использует по назначению дотации ЕС, привлекает средства, заработанные волонтерами, ищет инвесторов и благотворителей в стране и в румынской диаспоре и зарубежные частные фонды. Священство и епископат равнодушны к благотворительности и стремятся к участию в ней, не считая постоянной духовной поддержки этих начинаний и морального поощрения любых идей, направленных на социальную работу. В целом, РуПЦ фактически создала альтернативную государственной линии молодежной политики, основанную на христианском милосердии, сострадании и помощи ближнему и дальнему.

Заключение

Молодежная политика в Румынии в постсоциалистический период эволюционировала от характерной для той эпохи универсалистской всеохватной работы с молодежью всей государственной социальной системы через сохранение инерции прежних механизмов молодежной работы ко все большей включенности общественных организаций, местных сообществ и семей. В начале государство в усло-

¹ ATOR Iași demarează proiectul „Investește în Tine(ri). Experiență. Cool(tură). Formare”. URL: <https://basilica.ro/ator-iasi-demareaza-proiectul-investeste-in-tineri-experienta-cooltura-formare> (дата обращения: 07.05.2023).

² Mai mulți copii din Valea Timocului au vizitat Timișoara prin intermediul Institutului Eudoxiu Hurmuzachi. URL: <https://basilica.ro/mai-multi-copii-din-valea-timocului-au-vizitat-timisoara-prin-intermediul-institutului-eudoxiu-hurmuzachi> (дата обращения: 11.05.2023).

виях либерализации экономики и политики уделяло мало внимания вопросам социальной политики, включая работу с молодежью. Несмотря на финансирование от ЕС, стратегические заявления разных правительственных кабинетов в стране не приводили к значительным результатам. Следствиями этого стали отток молодежи в Западную Европу и США и демографический спад.

В условиях традиционно-патриархальных установок общественного сознания населения Румынии самым влиятельным институтом, способным к активному действию в социальной сфере и работе с детьми и молодежью стала РупЦ. Для этого церковь имеет разветвленную сетевую структуру церквей в городах и деревнях, подготовленный, обученный и нацеленный на развитие епархиальной и приходской жизни через молодежное служение и привлечение подрастающего поколения к православию и духовным сокровищам национальной культуры у себя на местах епископат и приходское священство. Церковь привлекает и направляет на работу с детьми и молодежью финансовые и иные материальные ресурсы частных инвесторов, румынских диаспор, христианских благотворительных фондов через горизонтальное взаимодействие от общины к общине. Священники, приходские социальные работники, волонтеры, несмотря на небольшие ресурсы, с энтузиазмом иницируют и реализуют множество конкретных социальных проектов и программ. РупЦ продемонстрировала способность к реализации собственной православно-гуманистической альтернативной молодежной политики в Румынии. Таким образом, в начале нового столетия в Румынии утвердилась централизованная модель молодежной политики, в которой ведущую роль играют традиционные социальные институты – семья и Церковь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барсамов В.А., Сундатова О.Ю., Тимофеева Л.Н., Ходина Э.В., Леонов Ю.С. (2007) Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт. *Аналитический вестник*. № 4(321). Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации, Москва. 56 с.

Биткова Т.Г. (2011) Румынская молодежь: социальный облик и проблемы образования. *Поколение перемен в странах Восточной Европы: 1990–2010 гг.* Отв. ред. Ю.И. Игрицкий, Л.Н. Шаншиева. ИНИОН РАН, Москва. С. 22–41.

Биткова Т.Г. (2018) Коррупция и антикоррупция в Румынии. *Страны Восточной Европы: власть, бизнес, коррупция*. Отв. ред. Л.Н. Шаншиева. ИНИОН РАН, Москва. С. 37–58.

Веренич М.И. (2018) Постсоциалистические трансформации социальной политики Румынии в составе ЕС: от качества жизни граждан к государству благосостояния. *Социологический альманах*. Вып. 9. С. 291–304.

Грачёв Е.Н. (2019) *Молодежная политика в Европейском союзе: национальный и наднациональный уровни*. Дис ... канд. полит. наук. МГИМО МИД, Москва. 240 с.

Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. (ред.) (2016) *Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.* ИНИОН РАН, Москва. 168 с.

Шиманская О.К. (2020) Социальная деятельность Православной церкви Румынии на фоне борьбы с коронавирусом. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 101–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32020101107>

Шиманская О.К. (2022) Специфика работы православных церквей ЕС с украинскими беженцами. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 4. С. 152–163. DOI: 10.15211/vestnikieran42022152163

Шумицкая Е.В. (2018) *Болгария и Румыния: 10 лет в ЕС*. ИМЭМО РАН, Москва. 96 с.

Dibou T. (2012) Towards a better understanding of the model of EU youth policy. *Studies of Changing Societies: Youth Under Global Perspective*. Vol. 1(5). P. 15–36.

Zamfir C. (2010) Criza împinge România într-o nouă răscruce. *Politici de incluziune socială în perioada de criză economică*. Ed. by C. Zamfir, S. Stănescu, C. Briciu. Editura Expert, București, România. P. 13–16.

IARD (ed.) (2001) *Study on the state of young people and youth policy in Europe*. Vol. 1. Comparative Report. 29 p. URL: <http://www.politiquesenfancejeunesse.org/wp-content/uploads/2016/04/Young-people-youth-policy-IARD-2001.pdf> (accessed: 27.06.2023).

Traditional Social Institutions in Romanian Youth Policy

O.K. Shimanskaya*

Candidate of Sciences (Philosophical)

Center for religion and society studies, Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** *shimansk@mail.ru*

Abstract. Youth policy is an important area of the EU social policy. The national specificity of the EU member states allows different models for the implementation of youth policy, corresponding to their history and political culture. The study aims to explore a transition from the universalist model of implementing the Romanian youth policy of the socialist period to a centralised (or Mediterranean) one in which traditional social institutions play a pivotal role, such as family and the Church. The study applies the content analysis and the systemic method. Romania's accession to the EU made the government pay more attention to the youth. The funds for the youth policy were allocated from European integration funds. The government's strategy was to develop education and additional educational services and help children and the youth without parental care and large families. However, the quality of education deteriorated, aid did not reach its recipients, and tactically strategic goals were not achieved. The state youth policy turned out to be ineffective. The Romanian Orthodox Church (RuOC) became involved in solving issues of supporting children and the youth. Together with municipalities, sponsors, foreign philanthropists, the RuOC opens a network of social centers for children of permanent residence, day care, socio-cultural (educational, leisure, sports). The RuOC conducts actions in support of the development of secondary education to prevent dropouts from school, provide clothing and school supplies, study native history, etc. In general, the participation of the RuOC in solving youth problems convincingly indicates that a centralised model for the implementation of youth policy has been formed in Romania.

Key words: youth, politics, European Union, Romania, Romanian Orthodox Church, social policy, charity

DOI: 10.31857/S0201708323050121

EDN: yakdpw

REFERENCES

- Barsamov V.A., Sundatova O.Yu., Timofeeva L.N., Khodina E.V., Leonov Yu.S. (2007) Molodezhnaya politika: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt [Youth policy: foreign and domestic experience], *Analiticheskii vestnik*, 4(321), Analiticheskoe upravlenie Apparata Soveta Federatsii, Moscow, Russia. (In Russian).
- Bitkova T.G. (2011) Rumynskaya molodyozh': social'nyj oblik i problemy obrazovaniya [Romanian Youth: Social Image and Problems of Education], in Igrickij Yu.I., Shanshieva L.N. (ed.) *Pokolenie peremen v stranah Vostochnoj Evropy: 1990–2010 gg.*, INION RAN, Moscow, Russia, pp. 22–41. (In Russian).
- Bitkova T.G. (2018) Korrupciya i antikorrupciya v Rumynii [Corruption and anti-corruption in Romania], in Shanshieva L.N. (ed.) *Strany Vostochnoj Evropy: Vlast', biznes, korrupciya*, INION RAN, Moscow, Russia, pp. 37–58. (In Russian).
- Dibou T. (2012) Towards a better understanding of the model of EU youth policy, *Studies of Changing Societies: Youth Under Global Perspective*, 1(5), pp. 15–36.
- Grachyov E.N. (2019) *Molodyozhnaya politika v Evropejskom Soyuze: nacional'nyj i nadnacional'nyj urovni*. [Youth policy in the European Union: national and supranational levels], PhD. Thesis, MGIMO MID, Moscow, Russia. (In Russian).
- IARD (ed.) (2001) *Study on the state of young people and youth policy in Europe*, 1, Comparative Report. URL: <http://www.politiquesenfancejeunesse.org/wp-content/uploads/2016/04/Young-people-youth-policy-IARD-2001.pdf> (accessed: 27.06.2023).
- Igritskij Yu.I., Shanshieva L.N. (ed.) *Vostochnaya Evropa: Mezhdgosudarstvennye i etno-social'nye otnosheniya v XXI v.* [Eastern Europe: Interstate and Ethno-Social Relations in the 21st Century], INION RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Shimanskaya O.K. (2020) Social'naya deyatelnost' Pravoslavnoj cerkvi Rumynii na fone bor'by s koronavirusom [Social activities of the Orthodox Church of Romania against the backdrop of the fight against coronavirus], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 101–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32020101107> (In Russian).
- Shimanskaya O.K. (2022) Specifika raboty pravoslavnyh cerkvej ES s ukrainskimi bezhencami [The specifics of the work of the Orthodox churches of the EU with Ukrainian refugees], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 4, pp. 152–163. DOI: 10.15211/vestnikieran42022152163 (In Russian).
- Shumickaya E.V. (2018) *Bolgariya i Rumyniya: 10 let v ES* [Bulgaria and Romania: 10 years in the EU], IMEMO RAN, Moscow, Russia. (In Russian).
- Smirnov V.A. (2013) Osobennosti institucionalizacii molodezhnoj politiki v Evrope [Features of the institutionalization of youth policy in Europe], *Youth World Politic*, 3, pp. 7–16. (In Russian).
- Verenich M.I. (2018) Postsocialisticheskie transformacii social'noj politiki Rumynii v sostave ES: ot kachestva zhizni grazhdan k gosudarstvu blagosostoyaniya. [Post-socialist transformations of the social policy of Romania within the EU: from the quality of life of citizens to the welfare state], *Sociologicheskij al'manah*, 9, pp. 291–304. (In Russian).
- Zamfir C. (2010) Criza împinge România într-o nouă răscruce, in Zamfir C., Stănescu S., Briciu C. (ed.) *Politici de incluziune socială în perioada de criză economică*, Editura Expert, București, România, pp. 13–16.

УДК 327

KINGDOM OF SAUDI ARABIA IN THE LATE 1920-S – EARLY 1930-S: LESSONS FROM THE SOVIET – BRITISH COMPETITION

© 2023 г. V.V. Naumkin*

Chief Research Fellow IMEMO RAS,

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation,

**E-mail: vinaumkin@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2023

После доработки 29.05.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Abstract. A short, from a historical perspective, but extremely meaningful and impactful episode for the history of Russian/Soviet diplomacy in the Arab East, or rather dealing with the work of Soviet diplomats in the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), is examined holistically in this article, following a thorough analysis of materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the UK Foreign, Commonwealth and Development Office's Archive, largely introduced into scholarly discourse for the first time here. The author's attention is focused on the contest between the Soviet Union and the UK, which was still the most powerful western nation in Arabia, although the Kingdom had never been colonized, within the period – late 1920-s through early 1930-s – witnessing the emerging changes in history related to the nascent state set up by Abdul Aziz Ibn Saud. The period under review directly preceded such a most significant event for the bilateral relations as the 1932 visit to the Soviet Union by the KSA founder's and ruler's son – the governor of Hijaz and Foreign Minister of the KSA, Emir Faisal Ibn Abdul Aziz. It is shown that, although the British were actively using their foreign policy expertise to push back Moscow and prevent it from gaining power in the Kingdom, including through trade deals, the Soviet diplomats contrived to effectively leverage the feeling of good grace that the Saudis had for the Soviet Union, as a state that had never attempted to colonize the Arab world and had always treated the Arabs on an equal footing, which the British representatives could never afford. At the same time, the Soviet diplomats, like the

British, but to a lesser degree, committed mistakes in assessing the situation and in reacting to its developments, thus useful lessons can be drawn for the modern times.

Key words: the Kingdom of Saudi Arabia, the UK, the USSR, the League of Nations, diplomacy, foreign trade, the Arab Federation, anglophiles, the Syrian Party, Hijaz, “kerosene debt”

DOI: 10.31857/S0201708323050133

EDN: yalfic

Today, some of us are prone to believe that there are no more blind spots in the history of international relations within a subsystem on the Arabian Peninsula and even in the Middle East, in general. However, a retrospective glance at the role of such a state as the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), over the phase of its formation in the late 1920-s – early 1930-s, amid a complex interweaving of interests entertained by the leading global and regional powers in this subsystem, can reveal quite a lot of new aspects affecting its evolution.

It is beyond any doubt that this angle of view is quite relevant now in conjunction with all the dynamic processes that are underway in the Middle East and in Arabia, in particular. Moreover, the hybrid methodological discourse based on the scrupulous analysis of the documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation and the National Archives in Kew Gardens that I have an opportunity to offer here would help many to draw useful lessons for the modern diplomatic and political practices from the not-so-ancient past.

Oil, Loans and League of Nations

One of such lessons is the importance of making an adequate evaluation of the current situation in the country and in the subregion, based on an unbiased analysis of the fact-checked data and also on the appropriate forecast of its potential development. But first, let us refer to some of the well-known events in the Kingdom’s history at that period. There is such a huge bulk of research related to the KSA history in Russian, Arabic, English and other languages, that Russian historian Alexei Vasiliev¹ was even faced with the necessity to write a specific monograph carrying a list of all publications. However, this article definitely offers a totally fresh approach for the exploration of the subject.

In December 1925, Abdel Aziz bin Saud was proclaimed the King of Hijaz and Sultan of Najd and Dependent Territories, as was the name of the state established by him. The USSR was the first nation to recognize him in February 1926, and Kerim Khakimov was appointed the first chief of the Soviet mission – Diplomatic Agent and Consul General of the USSR in the Kingdom. In late 1928, he was replaced by Nazir

¹ Vasil’ev A.M. Annotirovannaya bibliografiya Saudovskoj Aravii. Moscow: Izdatel’skij dom “Soglasie – XXI vek”, 2000.

Tyuryakulov, who later became Envoy Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR. The Soviet diplomats working in the KSA had to tackle a large amount of tasks pertinent to the foreign policy and external economic affairs of the USSR, including the launching of Soviet products on the Saudi markets, and, similar to the present day, energy resources and foodstuffs were among the key items on the trade expansion agenda for Moscow. The USSR was in fierce competition with Western companies, primarily with the British ones, particularly in conquering the market for grain supplies, as well kerosene and other petroleum products. The UK in all areas was the chief competitor for the Soviet Union.

And now, let us consider a most vivid example illustrating what a high price one has to pay for the mistakes made in the assessment of these or those circumstances that could be a turning point in the progression of events for this or that nation involving a trajectory of a much greater scope. It was a situation in which a decisive part was played by a high-ranking British diplomat Lancelot Oliphant and his like-minded associates, who assumed that the UK participation in the oil exploration projects in the Kingdom and even in the financing of joint projects was inexpedient, which earned him the sobriquet “The diplomat who said ‘No’ to Saudi oil”. Will it be fair to certain extent to compare this with a refusal of the Soviet government to grant a commercial loan to Ibn Saud, so much needed by the Kingdom? I suppose that such a comparison would be far-fetched, given the difference in the amount of risks involved and the state of economies in each of the two nations. The Soviet refusal was a well-calculated decision that was made proceeding from a perfect understanding of real benefits and losses associated with it and an alternative stance on the matter. Perhaps, industrialization really was more vital to Moscow.

Nevertheless, it does not mean that, although Moscow was better aware of the state of affairs in the KSA than London, Soviet diplomacy was entirely free from errors. A conspicuous example is the wrong evaluation of the prospects for the accession of the Kingdom to the League of Nations. The leadership of the People’s Commissariat of Foreign Affairs (PCFA) was sure that the British had nearly pulled Ibn Saud into the League of Nations. However, Soviet diplomats were wrong. Ibn Saud had long been thinking about applying for membership into the organization and he from time to time sent out feelers to British representatives. And the question of accepting the Kingdom of Hijaz and Najd to the League of Nations, as it turns out from the British diplomatic archives, was first raised with the League’s Secretariat back in 1929, but the British government was generally opposed to advising Ibn Saud to petition the League for acceptance of his state. The King proceeded from the fact that his application would be automatically accepted, since Hijaz during the reign of Sharif Hussein was one of the founding states of the League of Nations. British plenipotentiary Andrew Ryan on July 16, 1931 in a Foreign Office dispatch asked Foreign Minister John Simon about the prospects for accepting the Kingdom into the League. The answer came only on May 17, 1933 after Saudi spokesman Hafiz Wahba¹, on May 3 of the same year, formally

¹ Wahba, Hafiz –foreign policy advisor of Palestinian/Egyptian origin to the King, who served also as the first Saudi ambassador to the United Kingdom.

sought the opinion of the British side during a meeting with Oliphant.

Oliphant said that, firstly, since the name of the state of Ibn Saud was different from that of the state of Hussein, the application must be filed from him as a new state. Secondly, the League may only consider bids from states with clearly demarcated borders. Oliphant referred to the agreement between the Imam of Yemen and Ibn Saud on the Asir-Yemeni border but expressed doubt that the state of the border with Transjordan could satisfy the League, since the issue of Maan-Aqaba was resolved only de facto. The Saudi-Iraqi border remained undemarked. Thirdly, in his words, the existence of slavery in the Kingdom could also be an obstacle to joining the League. It is significant that, in Simon's dispatch, the Saudi kingdom was characterized as a "primitively organized state"¹. The assessment that was given to the Kingdom in Moscow was much more positive.

Debate about Ibn's Saud entry into the League of Nations did not die off quickly. Continuing to believe that the Kingdom is not ready to be accepted into the League, but given the interest shown by Ibn Saud, the British clearly decided to leverage his eagerness by pressuring the King to change those policies that they considered unacceptable.

Later the memorandum of the Foreign Office, signed by the Permanent Deputy Foreign Secretary J. G. Ward of July 30, 1935, again on the same matter, stated that Kingdom of Hijaz under Sharif Hussein was part of the founding states of the League, but since Hussein had failed to ratify the Versailles Treaty, Hijaz's membership in the League did not transpire². After July 1930 (as it was reported in the memorandum) Fuad Hamza³ "showed some interest" in his country's entry into the League, the British government considered that the unimplemented Hijaz membership of the times of Hussein did not substantiate the acceptance of Ibn Saud's due to the state's having "lost its national identity" when Hijaz found itself in a union with Najd, and especially in 1932, when the new state became "personified" and was renamed the Kingdom of Saudi Arabia (KSA). Therefore, Ibn Saud had to petition the League with his request for acceptance "from scratch".

The memorandum identified the benefits of accepting the KSA, including, in particular, the introduction of sanitary control over pilgrimages, the development of international communications, including by air (although this "internationalization" did not quite correspond to British interests), the settlement of territorial disputes between the KSA and neighboring states, including Iraq. But the obstacles the KSA would face on the path toward acceptance were also listed, being the very same that had been addressed earlier, of which there were two primary ones. The first was the widespread domestic and industrial slavery and the unreadiness of the state to change this situation; the second, a no less serious obstacle, was the absence of officially fixed borders with

¹ FO 371/19019, E 2491/840/25, May 17, 1933. P. 89–90.

² FO 371/19019, E 4666/4666/25, July 30, 1935. P. 242–244.

³ Hamza, Fuad – very influential foreign policy and economic advisor of Lebanese origin to Ibn Saud, who settled in the Kingdom in the 1920s. He was playing the main role in the strategic planning of the Saudi foreign policy. Deputy minister of foreign affairs from 1930. Served as the first Saudi ambassador to France.

their neighbors (Transjordan, Yemen, the protectorates of the Persian Gulf, the Aden protectorate). And from the point of view of purely British interests, it would be unfortunate “if His Majesty’s Government would support Ibn Saud’s desire to join the League, and then problems would arise in Geneva, and the King will blame the British for his failures”.

Other downsides of London’s support for Ibn Saud’s possible entry into the League mentioned in the memorandum included the precedent that would be set for accepting a “semi-Barbaric” state (an even harsher assessment) and that Egypt would be most displeased with the fact that it remains outside the League. In connection with these and the previously mentioned extremely harsh British assessment of the Kingdom, it is worth saying that in some reports of the Foreign Office it was also called a “poor state”¹. Probably, this last statement in the pre-oil era was a more fair assessment than the other ones heard from the Brits in light of the fact that the Kingdom’s only revenue source those days came from pilgrims.

USSR raises the level of diplomatic representation

Despite serious dissimilarities in state structures and the values and orientations prevailing in their societies, the two states showed great interest in developing relations with each other. In the dispatches sent to the Center, Soviet diplomats continued to sympathize with the centralization policy of Ibn Saud and called for its support. Realizing that the Kingdom is far from the Soviet Union, and aware of the specificity of Arabian society, even those loose cannons among revolutionaries who tried to ignite revolution in several countries of the East still did not intend to interfere in the internal affairs of the Kingdom, which created a good basis for mutual understanding. Ibn Saud, in turn, needed his international positions to strengthen and the existence of a counterweight of sorts to Britain, a roll which Russia played well, and who was also a good trading partner. The King was impressed by the fact that Moscow built relations with him on an equal basis, without trying to dictate policy to him, as London often did. The quiet development of relations was also promoted by the fact neither of the states had vital interests at stake.

By 1931, newly appointed Soviet plenipotentiary Nazir Tyuryakulov who arrived in Jeddah earlier, in December 1928, not only maintained business contacts with Saudi officials and foreign representatives in the Kingdom established by his predecessor, but also brought them to a new level, as well as making his own efforts to meet new people. His negotiations with the Saudis on two treaties – on friendship and trade – had been difficult and constantly broke down. On March 4, 1931, the plenipotentiary reported from Jeddah about a conversation he had with Yusuf Yassin², who at the time of Fuad Hamza’s illness served as Deputy Minister of Foreign Affairs (young son of the King, Emir Faisal was then the Minister). During the conversation, the plenipotentiary told

¹ FO 371/19019, E 2491/840/25, May 17, 1933. P. 89–90.

² Yassin, Yusuf, Saudi diplomat and journalist of Syrian origin, who settled in the Kingdom in the 1920s, one of the architects of the Saudi foreign policy.

Yassin the story of the negotiations that were held in 1929 with Hamza, where the latter was presented a draft treaty of friendship between the two countries.

On December 14 of the same year, Hamza told the plenipotentiary that “the project was met with sympathy, that the exclusive regime created for the joint trading in Hijaz is being liquidated and that the Hijaz government is ready to negotiate with us on trade agreement issues”¹. Following this, the plenipotentiary, at the suggestion of Hamza, formulated a proposal for a trade agreement. However, the negotiations were actually interrupted due to Hamza’s departure to meet with Ibn Saud and Faisal in February 1930. After the break, Hamza (naturally, on the instructions of the King) put a number of conditions on the Soviet side, and not having the Soviets any meaningful answer, and new break in talks ensued due to Hamza’s illness. Now the plenipotentiary put two questions before Yassin. Firstly, is the King still ready for formalizing the relations of the two countries and, secondly, who will be authorized to negotiate with the Soviet side in place of Hamza. In turn, Yassin asked Tyuryakulov if the Soviet side could accept Hijaz’s proposals either in whole or in part. To this he was told that the answer would be given to him in writing². It seems that both sides were somehow stretching out these negotiations, although it seemed that Moscow’s instructions required more vigorous actions.

It was at this time the parties finally agreed to raise the diplomatic representation of the USSR in the Kingdom to the level of a full-fledged mission: the Diplomatic Agent and the Consul General became the Envoy Extraordinary and Plenipotentiary. On February 26, 1930 in Mecca, he presented his credential letters to the Governor of the King, Emir Faisal, stressing in his speech that he would rely on the two countries’ “strong affection and supportive relations,” which was bestowed upon him by the King, the Emir and other authorities. The plenipotentiary stated that “the purpose of the present appointment is to fortify and strengthen the friendly relations that have been established between the two countries and to the mutual satisfaction of both parties.” In response, the Emir said: “I have no doubt that today we are entering a new era in relations between our countries, and this lays a solid foundation for friendship between us”³. The reorganization of the mission was another plus for Moscow. As Tyuryakulov reported in a letter to Deputy Commissar for Foreign Affairs Lev Karakhan dated March 10, now “according to the order established recently by the Department of Foreign Affairs of the Hijaz Government, seniority among all diplomatic corps belongs to us”⁴.

And then the head of the mission explained: “The main reason that prompted me to hurry with the presentation of credential letters was the consideration of seniority. It became known only over the last days about the King’s in a month (and even then conditionally). Knowing Fuad Hamza, I had every reason to expect from him all sorts of ‘tricks’... From my memorandum you will see that we are now entering a new phase, characterized by an improvement in Soviet-Hijaz relations.” Nazir Bey was right: this

¹ Tyuryakulov to Karakhan. Foreign Affairs Archive of the RF. Fd. 127. Inv. 1. F. 7. M. 94. P. 1.

² Ibid. P. 2.

³ Foreign Affairs Archive of the RF. Fd. 190. Inv. 9. Pf. 5. F. 4. Pp. 28-29.

⁴ Foreign Affairs Archive of the RF. Fd. 08. Inv. 13. M. 65. P. 43.

momentous time had arrived, but, unfortunately, contrary to his hopes, it turned out to be very short.

Unfortunately, Moscow's successful trade activities with countries on the Arabian Peninsula were hampered by the sluggishness and incompetence of foreign trade Soviet organizations, elements of corruption and inter-departmental squabbling. The extracts from the Commissar for Foreign Affairs Georgiy Chicherin's "will-letter" from 1930 (this secret private document was originally written for Valerian Kuybishev whom Chicherin recommended to be his successor but the person who was appointed turned out to be his personal enemy Maksim Litvinov) demonstrate this most clearly: "The PCTrade¹ is our internal enemy in Asia. Persia covers Baku, Turkey – the Caucasus in general; areas that could be entirely bought politically with trade concessions. But no! Our trade reps rip off the Turkish and Persian people blind. Shumyatsky made all of Persia our enemies with his shameless way of doing business, by robbing the Persians, together with the super-speculators Busheri² and Gaig. All this was headed by Frumkin. When in Persia wormdrivers (camel drivers) at the place of departure were either given under-poured or wet sugar, and at their destination they were fined for it, generally, in every way possible they were duped and robbed (all this was established by the auditing commission), and they refused to work for us, trade representative Comrade Goldberg denounced this activity: 'As a result of Britain's chicanery, the wormdrivers refuse to work for us.' The 'mixed (or seemingly mixed) societies created by Shumyatsky, who were thoroughly saturated with dishonest trade intentions and imperialist attitudes towards the Persians, were the main tool of our attempts to economically enslave Persia and paid Britain a huge service. Comrade Kaktyn's report, although illiterately and evasively written in terms of diplomacy, about his trip to Turkey and Persia helped us. While working with Comrade Kamenev, Comrade Frumkin himself became softer, and with the assistance of Comrade Schleifer, we jointly agreed a plan on how we would trade with the Middle East³.

Comrade Mikoyan at first introduced a fresh, lively approach toward the affairs of trade, but then he poured himself into high politics, which allowed the lower and middle ranks of the PCTrade, now saturated with the fine traditions of dishonest trade, to grow stronger in influence. During my absence, contact with the PCTrade has significantly lessened. The import plan is of enormous political importance, as in which country should receive our preference; it is crucial that it be drawn up collaboratively. According to an old provision of NCTrade, a trade representative is appointed by agreement with the PCFA⁴, and there were no conflicts because of this; Comrade Krasin thanked me many times for sharing with him the particular qualities of various people, both known and unknown to me. In 1928, in the new position of PCFT⁵, this clause dis-

¹ People's Commissariat for Trade.

² Busheri, Moin al-Tojjar – Persian entrepreneur and merchant.

³ Probably referring to the resolution of the Politburo of the Central Committee of August 12, 1926 "On Trade Policy with the Countries of the East."

⁴ People's Commissariat for Foreign Affairs.

⁵ People's Commissariat for Foreign Trade.

appeared, and my retirement prevented me from seeing this battle to its end. Trade representatives are of such enormous political importance that coordination of their appointments with the PCFA is absolutely necessary”¹.

Soviet mission is intensifying contacts and analyzing information

Naturally, the plenipotentiary transferred to the PCFA general political information of considerable interest to the Center, which he received during meetings with senior Saudi officials. For example, the plenipotentiary asked Yassin about the “Arab Federation,” the possibility of creating while the press wrote a lot about at this time, referring to the statement of Nuri al-Said². It created the impression that “the issue had entered a discussion phase between the respective governments.” Yassin’s answer completely refuted this version: “As Arabs, we have always been fundamentally supportive of the unity of the Arabs. We understand the concept of unity more broadly than a federation. If business depended only on us, we would like to merge all Arab countries – Iraq, Transjordan, Yemen, etc. But we are talking about theory and our wishes... It is necessary that this idea came from the depths of the Arab society itself. We cannot create a valid federation just by signing some documents... I swear that we did not receive any proposals to create a federation”³.

The hype in the press surrounding the imaginary plans for the creation of a federation also worried Ibn Saud himself. The Turkish Chargé d’Affaires in the Kingdom, Seni Bey, with whom Tyuryakulov had established a particularly trusting relationship (although he gave him a negative assessment), told the Soviet plenipotentiary about a conversation with the King that took place on March 4, 1931. The Arab ruler “nervously spoke about unscrupulous people and the shameless press who, due to their own special interests, make a lot of noise about an Arab Federation as a way to earn political capital”⁴.

Nevertheless, during meetings with various political figures the envoy was looking for confirmation that Ibn Saud did not intend to participate in the plans of the Iraqi rulers, who were backed by the British. It was necessary to find out with what the nature of Nuri al-Said’s visit with Ibn Saud was and discover what answer he received, which was significant politically and in terms of protocol. Tyuryakulov’s April 13, 1931 characterization of the Persian representative in the Kingdom of Ain ul-Mulk speaks of a “ill-advised move” he made. He was at a dinner in honor of Nuri-pasha hosted by Ryan

¹ Chicherin, “will-letter.”

² Al-Said, Nuri (1887–1958) is an Iraqi military, state and political figure known for pro-British views. He served in the Ottoman Army, participated in the anti-Turkish uprising led by Sharif Hussein, in the army of Hussein’s son Faisal led the troops who took Damascus. He returned to Iraq, became the first Police Chief, in 1930–1958 intermittently served as Prime Minister of Iraq eight times, in 1955 was one of the initiators of the creation of the Baghdad Pact. He was killed during the July anti-monarchist revolution in Iraq in 1958, his body was torn to pieces by the crowd.

³ Tyuryakulov to Karakhan. Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127.Inv. 1. F. 108. M. 3. P. 3.

⁴ Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95. P. 6.

(naturally, the Soviet plenipotentiary was not invited “due to lack of space in the dining room”), the Persian stated that the next day he and Seni Bey would see off Nuri-pasha. The angry Turk, “saving face for Ain ul-Mulk,” arrived at 10 o’clock on the pier, but did not find anyone there: both the local authorities and the Persian representative were late, and then everyone was waiting for the Iraqi, who arrived an hour and a half late. Nuri-pasha came with Ryan and, without apologizing, walked directly onto the steamboat¹.

Resolving protocol issues required a good understanding of the general political situation in the region, caution and, at the same time, flexibility; and occasionally without waiting for the Center’s instructions. The same Ain ul-Mulk also put the plenipotentiary in an awkward position, insisting that the representatives of the USSR, Turkey and Persia meet Amanullah, who was visiting Saudi Arabia, because “after all he is a former King to whom we held in high regard”². There were no instructions yet, but the plenipotentiary, believed that he should avoid attending the meeting stemming from the fact that the Saudi government, under which the mission was accredited, kept silent on the matter. It was impossible to officially meet the ex-King of Afghanistan, and a private meeting was inappropriate, since the plenipotentiary was not personally acquainted with Amanullah. Ain ul-Mulk fervently objected, recalling how he met the former Afghan monarch in Beirut and showed him the appropriate signs of respect. The plenipotentiary discussed the situation with Seni Bey, finding out that he supported the Soviet position and not that of the Persian representative. But it was not possible to persuade the Persian. He then stated that he would not go to meet Amanullah, but would arrange a private meeting with later. Tyuryakulov stood firmly on his position: it was clear that a meeting with Amanulla would have caused an angry reaction from the side of the leader of Kabul, Nader Shah.

On April 18, Ain ul-Mulk informed the plenipotentiary of Amanullah’s visit to Jeddah with his retinue and said that such serious issues as a meeting with the Afghan ex-King should be decided at meetings of the diplomatic corps. The Soviet plenipotentiary reasonably stated that for this, the Persian must appeal to him with a proposal to convene such an assembly, and should indicate the issues that will be discussed. The dispute did not end there: Ain ul-Mulk stated that he would convene a meeting in his house, after which Tyuryakulov retorted that he would not go to such a meeting. And at a meeting on April 19, the Persian representative told the Soviet plenipotentiary that Afghanistan was restless, Amanullah has many supporters there, Moscow supposedly treats Nader Shah “with suspicion”, and the Shah “seeks to restore the position that existed under Emir Habibullah Khan” Tyuryakulov indicated to the Persian that all this was unknown to him, and the Soviet-Afghan relations were quite normal³. Permanent altercations between Soviet and Persian representatives showed that it was not at all easy for Moscow to pursue Moscow’s close cooperation with Persia and Turkey altogether. In

¹ Tyuryakulov to Karakhan. Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95. P. 23.

² Ibid. P. 72.

³ Tyuryakulov to Karakhan. Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95. Pp. 26-27.

addition, as always happens in such cases, personal agency-related issues played a big role: Ain ul-Mulk's disposition towards the Soviet mission was clearly not friendly.

Regularly maintaining contact with the Soviet mission, local Ministry of Finance official, Circassian by origin, a friend to the Soviet mission, Dr. Salih, continued to share highly confidential information. In an interview with the plenipotentiary on April 17, 1931, he noted the recklessness of many of the Hijaz government's expenditures: "In addition to placing orders for an infinite number of cars on credit and increasing the government's debt to foreigner creditors, £5,000 were transferred to the Hijaz envoy in London, Hafiz Wahba, for holding a coronation banquet on January 8. Fuad Hamza received £1,000 for medical treatment. Excessive spending and misappropriation of funds were not punishable. Ministry of Health cannot explain a shortage of £4,000 in its books, brushed over the case citing the "grace" of Ibn Saud. £15,000 worth medications were ordered, but only £5,000 worth arrived, the rest caught on fire. Even in light of all this, the Syrians¹ were able get situated: Ibn Saud confidentially handed out a strict order to pay wages first to those doctors who were under contract by the Hijaz government"².

Both the British and Soviet diplomats made mistakes in the understanding the balance of power in the Saudi leadership. The British believed that several very influential figures of Syrian origin surrounding the King were inspired by the ideas of Arab nationalism. They were the group that maintained close contact with the Soviets. As Bond wrote to George Rendel: "This party is led, as you know, by Yusuf Yassin and Fuad Hamza, who are at present on very friendly terms with the Soviet Agency and have recently, I'm credibly informed, been urging the King to allow free commercial intercourse between Russia and the Hijaz"³. A number of British diplomats presumed that the Syrians' fondness noted by their colleagues for the Soviet representation was not based on ideological reasons, but rather on purely practical calculations. In particular, Butler reported: "Fuad Hamza, the leader of the Syrian party, which is on good terms with the Soviet Agency for reasons of its own, is, according to what Mr. Jenkins⁴ told us the other day, almost all-powerful in Hejaz for a considerable part of the year, when Ibn Saud is away at Riyadh in Eastern Nejd."⁵ Later, another diplomat, the British envoy in the Kingdom, Andrew Ryan, gave a far less monotone assessment of Hamza in a letter to Foreign Minister Sir John Simon:⁶ "Fuad Bey Hamza... has two personalities...; One is saturated with the feelings of Arab nationalism, while Fuad serves Ibn Saud, alt-

¹ Group of influential Arab nationalists in the Saudi leadership.

² Tyuryakulov to Karakhan. Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95. P. 25.

³ From Bond to G.W. Rendel, FO 371/13732, E 2222/381/91. P. 4–5.

⁴ K.J. Jenkins was at the time British Chargé d'Affaires in Jeddah.

⁵ From Butler, FO 371/13732, E 2222/381/91, 10 July 1929. P. 1.

⁶ Simon, Sir John Allsebrook, (1873–1954) – a prominent British statesman, in 1915–1916 was Home Secretary and after the First World War became one of the leaders of the Liberals, and in 1931 became the head of the National Liberal Party close to the conservatives. In 1931–1935 Foreign Secretary in the Government of Ramsay MacDonald, in 1935–1937, Home Secretary, in 1937 became Chancellor of the Exchequer in the Government of N. Chamberlain, in May 1940 Lord Chancellor in the Office of W. Churchill, retired in 1945.

though he does not enjoy the full confidence of his master and does not fully share his views. But for the time being he sees him as the best incarnation of the Arab idea...¹.

The British did not know this, but as odd as it was, Nazir Tyuryakulov at the same time held an opinion different than the British about the political orientation of Hamza, who was considered the de facto head of the foreign affairs department of the Kingdom, seeing him more as the main anglophile in the Saudi leadership and his opponent. For the breakdown of the Soviet-Saudi negotiations, he blamed the “influential Anglo-Saudi group,” which he called “the Ryan-Philby-Hamza Team”². Tyuryakulov wrote to Moscow that “the Anglophile clique of Fuad Hamza continued to dominate the government apparatus and that Hamza’s appointment as the representative of Hijaz for negotiations with the Soviet representatives in addition to having a formal basis, made tactical sense in that the King in one swoop removed the blame we placed on him for not wanting to become closer, and by placing these negotiations under the actual control of the British, he was removing any responsibility he felt toward them”³.

Among those British diplomats who did not consider it right to attribute the leaders of the Syrian nationalists in the Saudi elite to being supporters of communist ideology, was Bond. At the same time, he believed that the “Syrian party” hoped to use relations with the USSR for the realization of its goals: “I imagine too that the Syrian party as a whole would be loth to antagonize Bolshevism altogether and thus lose the potential utility of the latter in the Hejaz for furthering the cause of Syrian nationalism”. Recognizing the fact that the Syrian Party supported the positions of the USSR in the Kingdom, first of all by trying to open the Hijaz market for Soviet goods, Bond concludes that they were unsuccessful due to the erroneous actions of the Soviet diplomats and foreign trade representatives: “So far, though not without a struggle, the Syrian party has failed to improve the Soviet position; witness the cause of the “S.S. Tomp” and various other rebuffs administered to the Bolsheviks. Owing to the faulty tactics on the part of the Soviet agency, it and the Syrian party have come against the united opinion of the Jeddah merchants led by the Governor and these are still certain to offer strenuous opposition to the grant of any facilities to Russian trade”⁴.

Problems of the oil deal

The plenipotentiary gave his undivided attention to the issue of the “oil deal”. On June 7, 1931, the mission sent a subordinate of plenipotentiary, Stepan Matyushkin, to Moscow with a transcript of negotiations on this deal, which Tyuryakulov was conducting in Mecca, where the plenipotentiary had already spent five days⁵. The plenipoten-

¹ From Ryan to Simon, March 11, 1935. FO 371/13734, E 1637/318/25. P. 1.

² See, for example: Tyuryakulov – Karakhan, January 1, 1929; cit. by: Mansurov, T. Nazir Tyuryakulov - plenipotentiary of the USSR in the Kingdom of Saudi Arabia. Moscow: Russky Raritet, 2000. P. 171.

³ Ibid. P. 178.

⁴ From Bond to G.W. Rendel, FO 371/13732, E 2222/381/91. P. 8.

⁵ Hereinafter: Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95. P. 20.

tiary reached the following conclusion: the deal for the Saudis is not so much a commercial matter as a political one. Dr. Salih, who was, in fact, the “mouthpiece of the Ministry of Finance,” said that a group of influential merchants had been organized around Finance Minister Abdullah Suleyman and Comptroller Seyid Hashim, who hoped that this would open up the road for other goods to arrive from the USSR. These traders expected to become intermediaries and commissioners on the sales of Soviet goods. At the same time, an “Anglophile” group of traders tried to thwart the deal. In this regard, the plenipotentiary considered it necessary to closely monitor the “tactics of the ministry of Fuad Hamza, “who did everything possible to ensure the transaction went through him. Tyuryakulov through Hamza passed on to the King the transaction terms that had been received from Moscow, including prices. Returning from Ta’if, where Hamza and Suleyman met with the King, Hamza told the plenipotentiary that the Hijaz government “considers these prices not low enough and they are asking for even larger price reductions, moreover, he put forward from his side really absurd conditions regarding a loan.”

According to diplomats, this was an attempt to either disrupt or delay negotiations and, what’s more, Hamza had hoped to provoke discontent among the “individual circles.” The plenipotentiary even wondered whether the Hijaz government was even interested in a deal with the Soviet side or not. But Dr. Salih, after a conversation with Seyid Hashim, told Soviet diplomats that he and minister of finance Abdullah Suleyman wrote a letter to Ibn Saud, “in which they expressed suspicion about the behavior of Fuad. The letter stated that Fuad was dragging the deal and taking the initiative, which was not in the interests of Hijaz, but in Britian’s political interests”. In addition, Salih told the Soviet diplomat that Seyid Hashim invited him to attend his conversation with the British Vice-Consul, Ihsanullah. There was nothing surprising in the fact that the Englishman expressed dissatisfaction with the planned oil deal between the Hijaz government and the Soviet Union.

The more general conversations the diplomats had with Finance Minister Abdullah Suleyman were of great importance. During Tyuryakulov’s brief absence his Chargé d’Affaires, Horace Zalkind,¹ who replaced him, reported in his recording of a conversation he had had with Matyushkin on October 19, 1931. “In connection with the imminent departure of the Ministry of Finance to Riyadh to meet with the King, I asked him to accept me. The meeting took place on his arrival in Jeddah on 19 / X - 31. He accepted me and Comrade Matyushkin with emphasized courtesy...” Zalkind noted the importance of friendly relations between the USSR and the countries of the Muslim East, but also recalled several unfriendly acts of some of them, that the Soviet Union does not respond like those that come from Western countries. “I cited Britain as an example,” wrote Zalkind, “which after having broken off relations with us was then forced as a result of the reduction in trade turnover to restore these relations again. He pointed out that France, who had received pushback due to their attempt to boycott So-

¹ Zalkind, Horace Abramovich (1898–1938) – Soviet diplomat, who arrived at the embassy on September 1, 1931 as Chargé d’affaires in connection with Tyuryakulov’s departure for sick leave (he arrived in Moscow on September 3). He stayed in Jeddah only about six months. Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95 Pp. 30–32.

viet goods, is now forced to seek a trade agreement with us. In relation to Hijaz, we acted differently, because we believed that these unfriendly acts were occurring either out of ignorance or as a result of bad advice given to the Hijaz government. We responded with a profitable deal for the latter, which showed that the Soviet Government intended to conduct a friendly policy towards them and that the line of conduct taken by the Hijaz government was not in its own interests”¹. After such a preamble, the diplomat turned to the gist of his notes: “I indicated that under present conditions it is difficult for the Soviet government to recommend to commercial organizations that they establish long-term relations with the Hijaz government, because there is no basis on which these relations can be built.” To do this, Zalkind explained, that the Hijaz government should conclude agreements “that would be in the interests of these organizations.”

The reaction of the minister was telling. He noted “that he had already submitted a report to the King about the need to conclude a friendly political and trade agreement, that today or tomorrow he will travel to Riyadh to report to the King and that he is sure that in five or six days he will bring back a message from the King ordering Emir Faisal to officially notify the Soviet Embassy about the readiness of the Hijaz government to begin negotiations on concluding the above-mentioned treaty”². It sounded optimistic, although, if you look carefully, the Saudi position in fact could remain unchanged – after all, these were only negotiations, during which the Saudis pushed their own agenda and with the same persistence as always, including a request to provide trade financing. A Soviet diplomat asked the Minister to convey to the King a request for Suleyman to take part in the negotiations, but he modestly remarked, as Eastern etiquette demanded, that he personally did not feel competent enough for that.

Zalkind was only temporarily sent to Jeddah. The note sent to the Governor of the King, Emir Faisal stated in part: “In connection with the sick leave of the Emergency Envoy and Plenipotentiary Minister of the USSR in the Kingdom of Hijaz, Najd and the Dependencies, Mr. Nazir Tyuryakulov, wishing the People’s Commissariat for Foreign Affairs, to be duly represented when discussing and issues that are currently under negotiation, has appointed as his Deputy Mr. Horace Zalkind as the Chargé d’Affaires for the duration of his sick leave”³.

Let us introduce some additional interesting data from the diaries of Zalkind. During a meeting on November 28, 1931, the Turkish Chargé d’Affaires Lutfullah Bey informed his Soviet counterpart that the relationship between Fuad Hamza and Yusuf Yassin was “not good”, and that “Philby’s⁴ role is over.” The government’s financial situation is problematic, there is “absolutely no money”. On the instructions of the King, Yasin negotiated with some Dutch banks for a loan off £ 500,000 but the banks imposed an unacceptable for the Saudis requirement that they have control over cus-

¹ Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 7. M. 95 P. 21.

² Zalkind’s diary entries for October 1931 - February 1932; see: Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 2. F. 9. M. 3. Pp. 1–7.

³ Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 127. Inv. 1. Pf. 37. F. 3. P. 6.

⁴ Philby, Harry St John (1885–1960) – famous British colonial administrator, explorer of Arabia, writer, King’s advisor.

toms and expenditure of funds. Another source said that a few months ago, the government bought “via a Polish dealer” a batch of 10,000 units of rifles in Czechoslovakia, and each gun cost about £4 in gold, despite the fact that their usual price was £7. Naturally, such guns only could be fired before they stopped working due to jammed springs. Zalkind, at a meeting with Lutfalla on December 7, asked about the participation of Hijaz in a conference on disarmament and received an answer that their envoy in London would represent the country, but the Saudi government had not yet developed its position on disarmament. At a meeting with the French Chargé d’Affaires, Megré on December 9, Zalkind surprisingly asked what he thought about Hijaz separatism. The Frenchman said that Hijaz “would gladly have separated from Najd, but they don’t have the numbers to manage this. 50 Najdis with one Corporal would be enough to restore full order”.

Contemporary Russian researcher Aleksandr Yakovlev notes that Chargé d’Affaires “did not know Arabic (Matyushkin served as a translator) and somewhat looked down on the Saudis. Zalkind fully adhered to the Soviet political course, but did not achieve any results. Hints of arrogance and disregard for poor Arabia are felt in his diary entries”¹.

It seems that Moscow did not attach much importance to the event, which was later destined to radically change the fate of the Kingdom. In 1931, an American millionaire by the name of Crane agreed to grant Ibn Saud a loan to search for water and mineral resources, and an American agent, Karl Twitchell, received a license to conduct exploration in the Al-Hasa region.

The PCFA demands that the plenipotentiary produce more results

Despite the effervescence that Tyuryakulov applied to his work and his undeniable diplomatic successes, the leadership of the PCFA demanded more from him. Of course, some “system-related” constructive criticisms from the leadership are inevitable. Note that Kerim Khakimov, when he was the Agent and Consul General, the PCFA reproached him for his untimely replies to their requests. On May 31, 1927, in a letter to the diplomatic agent, the leadership of the Middle East Desk remarked²: “We would like to draw your attention that in the current situation, more than at any other time, it is imperative that you highlight the most pressing issues in telegraph correspondence. Mail exchange occurs very infrequently, and it is absolutely necessary that, upon receipt of mail, you telegraphically answer the most important questions that are the subject of our correspondence. Establishing a quick and regular connection between you and the PCFA in this new environment is the primary objective”. Further, regarding a memorandum sent previously by the head of the Consulate in Ahvaz, Pletukhin, to Khakimov on the expansion of this consulate’s work on Arab matters, it was stated: “We are waiting for your views on the issue raised by Comrade Pletukhin. At the same time, we would like to receive from you a special note summarizing what we have accomplished in the Arab countries through the Jeddah Agency and outlining the prospects for further work in these countries.” The Middle East Desk’s leadership also not-

¹ Yakovlev. Unpublished manuscript.

² Archive of the Foreign Policy of the RF. Fd. 0127. Inv. 1. F. 4. M. 44. P. 25.

ed some other shortcomings: “Please send us a list of Arab and European publications received by the Agency. Being in the dark about what print sources of information the Agency uses, we cannot figure out for ourselves exactly what informational materials should be included in our mailing briefs, during the preparation of which we would like to take into account the interests of the Agency. At present, we have launched a compilation of a general calendar of the PCFA. In view of this, it is necessary for the Agency to send us a short recap of its work (official negotiations and correspondence)”. The Desk also wanted the mission to be more actively involved in the actual development of theses for tackling the main issues of the USSR’s Arab policy.

Nevertheless, the fact that already by 1929 Tyuryakulov was quite seriously reproached for the poor quality of his information-gathering work, testified either to his actual omissions in timely informing the Center and fulfilling its instructions, or to deficiencies in the organization of how information was passed on, or simply that Tyuryakulov had not yet fully justified the hopes placed on him by the leadership. A letter written by Lev Karakhan on May 21, 1929 said the following: “You are insufficiently informing us about what is going on in Arabia. Your telegrams are followed by large pauses while the situation in recent times is literally replete with new moments, the evaluations of which are not received from you. In addition, the last post, despite being a well-developed theoretical note, in the sense of detailed and factual material left much to be desired”. And then the main claim against the plenipotentiary: “The main omission is that you did not send us your diary, which should be kept regularly and with the greatest possible completeness, taking into account all the information received from subordinates”.¹ Although, apparently, measures to remedy the situation were taken, the envoy continued to receive reproaches on more specific issues in the same spirit as before. Thus, after Emir Faisal’s visit to the USSR in 1932, the Deputy Head of the 1st Eastern Desk of the NKID Osetrov, on September 5, 1932, complained to Pastukhov: “Thus, up to now (1) we have no clear answer from Comrade Tyuryakulov, whether Hijaz will agree to sign a separate political agreement (with or without a trade article); (2) The Hijaz government continues to expect to receive a long-term loan from us...”². A little later, on November 16, Karakhan wrote to the plenipotentiary about the absence of reports concerning the impact of Faisal’s trip on the attitude of the Hijaz government towards the USSR.

Kuznetsky Most was particularly interested in the behavior of Fuad Hamza, since it remained unclear to the leadership of the People’s Commissariat whether the Hamza remained “loyal to Ibn Saud’s interests” or acted like an Anglophile, deliberately misinforming the King to create “an unfavorable impression of the real possibility that USSR would provide aid to Hijaz”. True, in Moscow it was known that the Saudi delegation raised the issue of a loan to London and was refused. “Only by receiving detailed information from you about what was happening in Hijaz at the time of the delegation’s stay in Moscow,” the Deputy Commissar then wrote to Tyuryakulov, “we can form a certain im-

¹ Karakhan to Tyuryakulov, May 21, 1929. Cit. from: Mansurov T. Plenipotentiary Nazir Tyuryakulov. Moscow: Molodaya Gvardiya (“Young Guard”), 2005. P. 212.

² Ibid. P. 322.

pression about the role of Fuad Hamza in these negotiations”¹. It was clear that the PCFA was not pleased about the plenipotentiary’s failure to produce a detailed description of Hamza, although it was difficult to imagine that Soviet diplomats would be able to get such comprehensive information about the political positions of this important Saudi figure.

In early March of 1938, after several years of searching, American geologists discovered giant deposits of oil in the eastern part of the Kingdom. After this, such problems as the payment of “oil-kerosene” debts or the purchase of energy resources simply ceased to be a problem for Ibn Saud, who now found himself as the ruler of a country in possession of about a quarter of the world’s known reserves of “black gold.” The restoration of diplomatic relations between the Kingdom of Saudi Arabia and the successor nation of the USSR, the Russian Federation, had to wait several more decades for this to finally occur.

* * *

The developments in the Kingdom of Saudi Arabia and around it, throughout a crucial period for the KSA from the late 1920-s until the early 1930-s, addressed herein, allow us to learn many a lesson useful for the diplomacy and politics, as their relevance reaches far beyond the geographical and chronological boundaries outlined above. **First**, their outcome was determined by the extent of adequacy and accuracy of the data revealing the state of affairs in the Kingdom. As it is perfectly clear now, one of the most influential external actors in Arabia at that time – the UK – due to its incompetence in collecting such reliable data and carrying out its objective analysis – failed to perform its mission, despite a wide range of opportunities that British diplomats could have availed themselves of. As can be seen from the documents and facts offered for research in this article, the evidence and source base made available for the Soviet diplomats was not fully sufficient either. However, ultimately, they managed, within a fairly short time, to build up in the KSA, despite the closeness of local community, a system of trustworthy contacts with some of the well-informed individuals representing its political, trade and administrative elite, likewise with certain members of the diplomatic corps. Owing to a restricted nature of such contacts and also the existing lack of trust in the relationships, both the British and some of the Soviet officials committed «tactical» blunders and errors in judgment.

Second, it is a matter of paramount importance to plan thoroughly and expediently, as well as target precisely the diplomatic activities amid the severe conditions when the scope of operation is strictly limited. Mistakes that are made along the way, including those of systematic occurrence, should be attributed to the impact of factors reflecting a low level of competence and lack of experience on behalf of the personnel in all echelons of power, even at the top level of strategic management, both in the host country, and also in the UK and the USSR. An example of strategically poor decision-making is London’s refusal to participate in the exploration of oil in the Kingdom of Saudi Arabia likewise to extend fiscal support to the KSA leaders.

¹ Ibid. P. 324.

Third, the full-scale trade and economic ties lucrative for the Kingdom and its partners are vitally significant, primarily in such areas as energy and foodstuffs. In this respect, although there is a big difference in the KSA position and the state of its foreign partners then and now, explicit parallels can be drawn between the epochs so strikingly contrasting and apart.

Fourth, the human agency factor played a key part in the dynamic of foreign policy and foreign economic liaisons forged. The totally privileged and trust-based contacts maintained by Kerim Khakimov and Nazir Tyuryakulov with the senior members of the Kingdom's elite, including King Abdul Aziz bin Saud himself, were extremely instrumental in accomplishing the objectives set by the USSR leadership before its diplomatic representatives deployed in the KSA.

Fifth, the repercussions that the contest among various government divisions, agencies, and also personalities both within the USSR and the UK, had on the bilateral relations and, eventually, on their evolution, were sometimes deplorably detrimental to the state interests of each of the two most critical partners of the Kingdom, where, in turn, the strategic decision-making process did not always rely on the sound evaluation of all circumstances and factors involved.

Finally, **sixth**, our analysis has revealed the following: when ideology is gaining the upper hand over economy and politics, it is almost always fraught with negative consequences. The atheistic principles fostered by the Bolsheviks led to a situation when the Hajj pilgrimage by Soviet Muslims was practically reduced to nothing, while an attempt made by Emir Faisal, during a visit to the USSR of the Saudi delegation headed by him in 1932, to convince the Soviet leaders to change their policies with respect to the pilgrimage, ended in failure¹. Meanwhile, a respectful attitude towards the Saudi state representatives displayed by the Soviet diplomats, who always treated the Saudis as equals, likewise the lack of colonial background on behalf of the Soviet Union have predetermined the good feelings among Arabs that still have a favorable bearing on their perception of Russia to this day.

REFERENCES

Vasil'yev A.M. (2000) *Annotirovannaya bibliografiya Saudovskoj Aravii*. [Annotated bibliography of Saudi Arabia]. Izdatel'skij dom «Soglasie – XXI vek», Moscow, Russia. (In Russian).

Vasil'yev A.M. (1982) *Istoriya Saudovskoj Aravii*. [History of Saudi Arabia]. Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Ozerov O.B. (2020) *Karim Hakimov: Letopis' zhizni (o sud'be islama i kommunizma v Rossii)*. [Karim Khakimov: Chronicle of life (on the fate of Islam and Communism in Russia)]. Ed. V.V. Naumkin. Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, Moscow, Russia. (In Russian).

الشراكة المتغيرة - الدبلوماسية السوفيتية في المملكة العربية السعودية في حقبة الحروب العربية [al sharak al mutaafira – diplomacia alsufiatiya fi al mamlaka alarbiya al saudiya beina alharabina al alamitein] فيتال ناومكين [Vitaly Naumkin].

¹ Incidentally, around 25,000 Russian Muslims travelled to the KSA for the Hajj pilgrimage in 2023.

УДК 327

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: НАЧАЛО ТРУДНОГО ПУТИ

© 2023 г. **НОСОВ Михаил Григорьевич***

Член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: mikhailnosov@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.04.2023

После доработки 25.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В середине XVIII в. Россия начала проявлять интерес к Японии. Присоединение территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока сделало страны соседями. В 1648 г. на берегу Охотского моря появилось первое русское поселение Косой Острожок, что положило начало освоению новых земель казачьими отрядами. Первые знания о Японии в России получали из европейских книг, в которых описывались путешествия, и немногочисленных записок побывавших в Китае русских. До «открытия» страны в 1853 г. Япония допускала на свою территорию только голландцев и китайцев. Самоизоляция была частично связана с попытками португальцев обратить японцев в католическую веру, но главным образом со стремлением защитить страну от угрозы европейского колониализма. Русские пытались установить связи с Японией, не имея религиозных и захватнических планов. Однако Пётр I и последующие правители не смогли убедить в этом японцев. Русские попадали в Японию в качестве пленников, а японцы оказывались в России из-за кораблекрушений или навигационных ошибок. Чем больше в России узнавали о Японии, тем сильнее было стремление установить отношения. С начала XVIII в. Россия посылала морские экспедиции для обследования Курильских островов и Сахалина. Японцы предпринимали аналогичные усилия. Эти территории, включая Хоккайдо, были заселены айну и нивхами. Русские и японцы время от времени появлялись на островах, но попытка определить их государственную принадлежность была предпринята только в 1855 г. До этого все попытки России установить дипломатические и торговые отношения с Японией не имели успеха. В то же время результатами этих усилий стали накопление знаний друг о друге и взаимный интерес. Внимание Петра I к Японии было обусловлено прежде всего тем, что выход России к Тихому океану требовал освоения новых земель, а торговые связи могли стать важным элементом их экономического развития.

Ключевые слова: Россия, Япония, экспедиции, страноведение, изучение языка

DOI: 10.31857/S0201708323050145

EDN: yannyn

Господство европейских государств над территориями остального мира, начавшееся в XVI в., называлось колониализмом, а освоение Сибири и Дальнего Востока в XVII в. Россией – продвижением русских землепроходцев на восток. Однако по своей сути различия состояли в том, что европейцы шли морем, а русские только однажды попытались освоить заморскую Аляску, но спустя некоторое время отказались от освоения заморских территорий в пользу сухопутной экспансии. В августе 1639 г. казаки во главе с Иваном Москвитиным спустились по течению реки Ульи и достигли берега Охотского моря. Впереди было море, а за ним почти неизвестные Япония, Курильские острова и Сахалин.

Освоение Сибири и Дальнего Востока, как любая война за ресурсы и территории, шло при ожесточенном сопротивлении коренных жителей. Советские историки писали, что на Дальнем Востоке «стихийная колонизация носила преимущественно мирный характер» [Нарочницкий и др., 1973: 14], однако, по словам историка С.М. Соловьёва (1820–1879), «не должно думать, чтоб в описываемое время на всем протяжении Сибири все спокойно подчинялось русскому правительству, его распоряжениям, церковным и гражданским» [Соловьев, 1993: 44]. Инструментом укрепления позиций в регионе стали морские экспедиции, одной из целей которых было установление экономических и дипломатических связей с Японией.

В поисках Японии

«Прорубив окно в Европу», Пётр I (1672–1725) внимательно следил за развитием отношений России с Азией и активно пытался расширить исследования Тихоокеанских стран. Он отчетливо понимал, что могущественное государство не может существовать и развиваться без свободного выхода к берегам Мирового океана, и эта задача может быть осуществлена только при наличии флота. В 1720 г. Пётр I писал: «Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет» [Веселаго, 1875: 352].

С начала XVIII в. Россия посылала морские экспедиции для исследования Курильских островов и Сахалина. Эти территории, а также Хоккайдо были заселены айну и нивхами. Русские и японцы время от времени появлялись на этих островах, но попытка определить их государственную принадлежность была предпринята только в 1855 г. До этого все усилия России установить дипломатические и торговые отношения с Японией не имели успеха. В то же время результатом этих усилий стало накопление знаний друг о друге и растущий взаимный интерес. Внимание Петра I к Японии определялось прежде всего тем, что выход к Тихому океану требовал освоения новых земель, а торговые связи могли стать важным элементом их экономического развития.

Начав торговать с Китаем в XVIII в., русские купцы старались установить такие же выгодные связи с Японией. В 1710 г., посылая на Камчатку якутского казачьего десятника Василия Севастьянова, власти Сибири «в соответствии с указом царя Петра Алексеевича» наказывали ему «учинить с Японским государством меж русскими людьми торги не малые ...чтоб в тех новоприискных торгах великого государя казне учинить многую прибыль. И проводывать ему, какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаются, также и русские товары в том государстве, какие надобны, и на которые походу болши бывают, и станут ли они с русскими людьми торги иметь; и воинские японские люди какое у себя имеют оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны, и какими пути проезд к ним бывает, о том выше писанном о всем осведомитца подлинно и писать в скорости к великому государю к Москве в Сибирский приказ»¹.

Первая российская экспедиция на Курилы осуществлена Иваном Козыревским (1680–1734) в августе 1711 г. Этим он решил смягчить вину за участие в убийстве Владимира Атласова (1664–1711). Высадившись на Парамушире, И. Козыревский сделал «ласковое мирное предложение его жителям – дать ясак, но получили отказ» [Полонский 1871: 21]. Из-за сопротивления местного населения казаки были вынуждены вернуться на Камчатку.

Вторая экспедиция, в составе которой было 55 казаков и 11 камчадалов, началась в 1713 г., однако ей также не удалось продвинуться дальше Парамушира. После ожесточенного боя отряд вернулся на Камчатку. В отчете И. Козыревский со слов местных жителей описал 15 островов от Шумшу до Хоккайдо. Из похода он привез японские сабли, 3 монеты золота и «дальнего курильца», приплывшего с острова Итурупа для торговли японскими вещами. Позже И. Козыревский переехал в Москву, стал монахом, но был арестован по делу об убийстве В. Атласова и умер в тюрьме.

В январе 1725 г. Пётр I отправил Витуса Беринга (1681–1741) выяснять, «ошлась ли Америка с Азией»². Однако Первая Камчатская экспедиция не смогла ответить на вопрос царя. Корабль В. Беринга дважды проходил через пролив, отделяющий Азию от Америки и позже названный в честь мореплавателя. Результатами экспедиции стало описание западного побережья Берингова моря и составление подробной карты побережья.

В 1731 г. Сенат дал распоряжение не вести враждебных действий против японцев и возвращать обратно потерпевших кораблекрушение, оказав им необходимую помощь, что рассматривалось как кратчайший путь к установлению контактов. Однако отношения складывались не лучшим образом. Россия настаивала на открытии торговли, а японцы, в соответствии с распоряжениями сёгуната, отвергали возмож-

¹ Наказ якутскому казачьему десятнику Василию Севастьянову, посланному на службу в Камчатку. 09.09.1710. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. Санкт-Петербург Типография МВД. 1882. С. 418.

² В 1538 г. Герард Меркатор (1512–1594) поместил пролив между Азией и Америкой на своей карте мира. Первым из европейцев прошел через этот пролив в 1648 г. Семён Дежнев (1605–1673), оставивший об этом донесение в Якутской воеводской канцелярии. Документ в 1736 г. в архиве канцелярии обнаружил участник Второй Камчатской экспедиции, русский академик Герхард Миллер (1705–1783).

ность каких-либо связей. В указаниях Анны Иоанновны В. Берингу в 1732 г. речь шла «о проведовании новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткой, также островов, идущих от Камчатского носа к Японии, для установления торгов и налога ясака на народы, никому не подвластные». Однако в документе чувствовалась враждебная настороженность к необщительным соседям: «В ту бытность, при самых берегах Японских или их владательства, при островах отнюдь много не мешкать, и никакому обнадеживанию не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать... У них обыкновенно, чего силой не смогут, то лестью и обнадеживанием подойдя, в свои руки берут, и за мудрость обман ставят»¹.

Вторая экспедиция В. Беринга началась в 1740 г. и вышла в сторону западного побережья Америки. На обратном пути в ноябре 1741 г. корабль выбросило штормом на побережье одного из Командорских островов, получившего имя Беринга. Из 75 членов экипажа во время зимовки умерло 29 человек, включая мореплавателя. Выжившие моряки построили новый корабль из обломков старого и смогли вернуться в Авачинскую губу на Камчатке.

Между экспедициями В. Беринга состоялся поход Мартына Шпанберга (1696–1761). Он стал первым россиянином, вступившим на землю Японии. В мае 1739 г. М. Шпанберг, пройдя вдоль Курильских островов, остановился у деревни Исомура в бухте Тасирохама (нынешняя префектура Мияги). Капитан другого корабля в отряде Вильям Вальтон (г. рождения неизвестен – 1743) высадился 19 июня 1739 г. значительно южнее, в бухте Амацумура (нынешняя префектура Тиба) к востоку от Токио. В обоих случаях японцы встретили моряков с любопытством и дружелюбием. Русские пополнили запас пресной воды и обменялись подарками.

В 1792 г. Адам Лаксман (1766–1806) совершил визит в Японию, результаты которого могли изменить отношения между странами. История экспедиции началась 15 января 1783 г., когда корабль «Камиясу-мару» с капитаном Дайкоку Кодая (1751–1828) вышел из Исэ в Эдо с грузом риса, хлопка и других товаров. Из-за шторма корабль семь месяцев дрейфовал в море, пока не был выброшен без руля и мачты на остров Амчитка Алеутского архипелага. Экипаж прожил на острове четыре года вместе с алеутами и коряками. Из 17 японцев выжили 6 человек, включая капитана. Русские охотники вывезли моряков в Охотск, затем через Якутск в Иркутск. Там Д. Кодая познакомился с русским ученым, финном по национальности Кириллом (Эриком) Лаксманом (1737–1796). Японцы неоднократно обращались к властям с просьбой о возвращении домой, но получали отказ.

26 февраля 1791 г. К. Лаксман обратился к сенатору графу Александру Воронцову (1741–1805) с предложением организовать экспедицию для «доставки Японцев в их отечество на нашем транспортном или купеческом судне в Матсмай (Саппоро), где их земляки для местного торгового беспрепятственно находятся»². Письмо сопро-

¹ Высочайше утвержденные правила, данные капитану-командору В. Берингу относительно его плавания в Восточном океане. 28.12.1732 г. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 8: 1728 – 1732. Санкт-Петербург. В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 1008.

² Письмо Кирилы Лаксмана к графу А.Р. Воронцову. 26.02.1791 г. Архив Князя Воронцова. Кн. 24. Москва. Университетская типография. 1880. С. 190.

вождалось «Объяснением учиненного г-м профессором Лаксманом, касательно поданного пред тем от него предоставления о заведении с Япониею торгога». К. Лаксман подробно описал продаваемые и покупаемые Японией товары и отметил, что «к знакомству и купечеству с Японией никто столько не имеет удобностей как Российские купцы, на Тихом Море торгующие»¹. А. Воронцов переслал бумагу с финансовым и техническим обоснованием экспедиции канцлеру и одному из членов коллегии иностранных дел Александру Безбородко (1747–1799).

К. Лаксману и спасшимся японцам приказали приехать в Санкт-Петербург, где Екатерина II в июне 1791 г. дала аудиенцию К. Лаксману и Д. Кодаю, а в сентябре был издан Рескрипт Иркутскому и Колыванскому губернатору Ивану Пилю (1730–1801) «Об установлении торговых отношений с Японией» с подробным описанием условий будущей экспедиции, руководителем которой был назначен сын Кирилла Лаксмана Адам. Императрица пожаловала Д. Кодаю «150 червонных и золотую медаль и сверх того золотые часы», его японским спутникам по 50 червонных и серебряной медали, а остающимся в России «двум японцам², принявшим веру Православную, каждому по 200 рублей»³.

В сентябре 1792 г. российское посольство под руководством А. Лаксмана направилось на корабле «Святая Екатерина» под командованием Василия Ловцова в сторону Японии. В октябре судно бросило якорь у берегов Хоккайдо в заливе Немуро. А. Лаксман через местных чиновников отправил письмо И. Пилю губернатору Мацумаэ о цели визита. В середине декабря на стоянку корабля прибыли два чиновника. Они сообщили, что губернатор Мацумаэ обратился с письмом к сёгуну за дальнейшими инструкциями. Ответ пришел в конце апреля следующего года. По донесению иркутского генерал-губернатора И. Пиля об итогах экспедиции «Хотя посланный мною к Японскому правительству лист якобы за незнанием ими перевода не рассматриван и с тем возвращен обратно при письме к Лаксману; но поелику последний Японского двора лист, врученный тому же Лаксману 23-го числа июля, дозволяется уже безвозбранно Российским для торговли приходить в одну токмо Нангасакскую гавань и подает по обласканиям и уважениям, оказанным Японцами нашим мореходам, несомненную надежду определять, что Японский двор никогда уже не переменит своих о сем мыслей»⁴.

Экспедиция закончилась частичным успехом. А. Лаксман получил разрешение «великорусского государства одному судну иметь вход в гавань Нангасакскую», рас-

¹ Выписка из объяснения учиненного г-м профессором Лаксманом, касательно поданного пред тем от него предоставления о заведении с Япониею торгога. Архив Князя Воронцова. С. 192.

² В России остались Сёдзо, ставший Федором Ситниковым, и Синдзо, получивший имя Николай Колотыгин.

³ Указ Екатерины II генерал-поручику Пилю об установлении торговых отношений с Японией. 13.09.1791. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 23: 1789 - 6 ноября 1796. Санкт-Петербург. В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 249–255.

⁴ Всеподданнейше донесение иркутского генерал-губернатора Пиля о последствиях совершенной поручиком Лаксманом экспедиции в Японию (28 февраля 1794). Архив Князя Воронцова. С. 392.

писку о приеме японских подданных Кодаю и Исокичи, а от японского правительства «три сабли и сто кулей пшены сорочинской». Однако воспользоваться успехом посольства Екатерина II или не смогла, или не захотела. Теоретически единственным положительным результатом экспедиции было то, что 11 лет спустя в октябре 1804 г. прибытие в Японию русского посла Николая Резанова (1764–1807) имело юридическое обоснование в виде ссылки на приглашение русского корабля в Нагасаки, однако на практике это обстоятельство не сыграло роли.

Прибыв в октябре 1804 г. в Нагасаки вместе с кругосветной экспедицией Ивана Крузенштерна (1770–1846), камергер Н. Резанов по прямому указанию Александра I (1777–1825) обратился к японцам с просьбой открыть один из северных портов для торговли с Россией. Попытки японцев заставить русских приветствовать высокопоставленных чиновников на манер голландцев – согнуться почти под прямым углом, вытянуть руки по швам и оставаться в такой позе, пока чиновник не позволит разогнуться, – вызвали возмущение И. Крузенштерна. «Как прискорбно, что просвещенная европейская нация ... унижает свое достоинство ради стремления к прибыли», – писал мореплаватель. Русские ожидали ответа полгода, но ответ сёгуната был отрицательный. «Вручены посланнику бумаги содержащие: запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию. Сверх того, не только подарков, но и писания Российского Государя не приняли. Сообщения с Голландским фактором равномерно запретили» [Крузенштерн, 1809: 265]. Японцы не смогли заставить гостей вести себя на манер голландцев, но, по словам американского исследователя Японии Дональда Кина (1922–2019), «голландцы могли справедливо возразить, что русские и уехали с пустыми руками» [Keen, 1969: 5].

Японцы не приняли подарки, а Н. Резанов, не понимая, что они поступают так в силу запрета сёгуната, не взял подарки японцев, после чего ему было предписано покинуть страну. Интерес дипломата к Японии сменился обидой. Он убедил двух офицеров Русско-Американской компании Николая Хвостова и Гавриила Давыдова отомстить японцам. В 1806 и 1807 гг. русские корабли совершили пиратские набеги на японские поселения на Сахалине и Хоккайдо. При этом японцам дали понять, что русские вернутся и потребуют открыть Японию для российских кораблей. После возвращения в Охотск офицеров арестовали за несанкционированные действия, однако вскоре выпустили на свободу. Набег насторожил сёгунат в Эдо, принявший ряд мер по укреплению обороны северной части страны от «красных варваров». Так японцы окрестили беспокойных соседей за красный цвет кафтанов.

В июле 1811 г. на Кунашир зашел шлюп «Диана». Капитана Василия Головнина (1776–1831), не имевшего враждебных намерений в отношении японцев, на берегу захватили в плен и отправили в Хакодате на Хоккайдо. Его и шестерых членов экипажа держали в тюрьме до 1813 г. Лишь после того как вернувшийся на Хоккайдо на шлюпе «Диана» капитан Пётр Рикорд (1776–1855) привез заверения русских официальных лиц в том, что набег на японские фактории совершен против воли правительства, пленники были отпущены.

Необходимо отметить, что японцы относились к В. Головнину вполне корректно, а церемония освобождения из плена вылилась в своеобразную демонстрацию взаимных дружеских чувств. В дневнике П. Рикорда говорится, что «Две великих

Империи, не имевшие доселе никакого между собою сношения, сделали через сие великий к тому шаг; ибо можно теперь льститься приятнейшей надеждой, что оныя, познав себя в истинном виде с разъяснением закоренелых со стороны Японского Государства предубеждений, начнут время от времени более сближаться и достигнув наконец той важной цели, к которой рука Божия направляет человеческий род – к дружественным связям, на взаимных пользах и выгодах утверждающимся» [Рикорд, 1816: 133].

Однако это предвидение сбылось только через 40 лет, когда 21 августа 1853 г. в бухте Нагасаки появился фрегат «Паллада». За полтора месяца до него, 8 июля, в бухте Эдо появились американские корабли под командованием коммодора Мэтью Перри (1794–1858), заставившие японцев под угрозой применения силы открыть страну для иностранцев и заключить с Америкой и Европой торговые договоры.

Изучение японского языка в России

Царь Пётр I заложил основы изучения восточных языков в России. Он продвигал идею освоения не только японского языка, но и китайского и монгольского, считая, что знание восточных языков может способствовать не только развитию торговли, но и укреплению христианства в Азии¹. При участии царя сделана попытка создать школу японского языка в Москве, однако его изучение в XVIII в. в России было не слишком успешным. Япония оставалась закрытой для европейцев страной за исключением голландцев. Моряки и рыбаки, попавшие в Россию в результате кораблекрушений², преподавали японский язык, не зная ни грамматики, ни основ преподавания. Тем не менее в тех немногочисленных случаях, когда русские встречались с японцами, учившие японский язык могли оказать посильную помощь в общении.

Последним и незаконченным трудом А.С. Пушкина (1799–1837) были «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова», озаглавленные «Камчатские дела (от 1694 до 1740 г.)». Рукопись, впервые изданная в 1755 г. в двух томах, находилась в домашней библиотеке поэта. Вероятно, эти заметки были материалом для книги о событиях на Дальнем Востоке, изобиловавшей драматическими коллизиями. В заметках часто упоминаются В. Атласов (1664–1711), названный поэтом «Камчатским Ермаком», и «обретатель Камчатки» Степан Крашенинников (1711–1755). Жизнь казака В. Атласова, открывшего для России Камчатку,

¹ В указе от 18 мая 1700 г. говорилось о необходимости послать в Китай «иноков двух или трех человек, которые бы могли Китайскому и Мунгольскому языку и грамоте научиться, и их суеверия познав, могли твердыми святого Евангелия доводами многия души темныя сатанинския привести во свет познания Христа Бога нашего». Первый из восточных языков, привлечших внимание Петра I, был китайский (указ от 18 июня 1700 г.). По его приказу 7 студентов и причетников отправили в Китай для обучения китайскому языку. В 1725 г. в иркутском Вознесенском монастыре была открыта русско-монгольская школа.

² Согласно исследованию профессора Хиракавы Араты, с 1600 г. до 1870 г. на Дальнем Востоке и в Китае было 500 случаев, когда судно теряло курс и начинало дрейфовать по воле волн и ветра [Hirakawa, 2003: 54].

полна приключений – от героического похода на Дальний Восток до тюрьмы за ограбление купца, и могла заинтересовать А.С. Пушкина. В заметках упомянуто, что В. Атласов «отправился в Москву с японским пленником и с ясачной казной [Пушкин, 1951: 482].

Этим пленником был японец Татекава Денбей¹ (1670–1714), приказчик торгового дома из Осаки. Он первый рассказал россиянам о своей стране. Корабль, на котором Дэнбей плыл, в 1695 г. попал в шторм и после долгих скитаний был выброшен на берег одного из Алеутских островов. Японец попал в плен к ительменам, а затем был отбит у них В. Атласовым, принявшим его за индейца. По словам казака, записанным в Сибирском приказе в июне 1700 г., «а полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит, того не ведаю. А подобием как бы гречанин – сухощав, ус не велик, волосом черн. А сказывался индейцем. А золота родится много у них и серебра. Он из Удзакинского² царства. Шли они на 12 бусах³, и носило их штормом шесть месяцев и прибило 12 человек, но померли. Нашли их камчадалы, курильского народа мужики» [Оглоблин, 1891: 13]. Т. Денбей несколько лет прожил с камчадалами, поэтому мог с трудом изъясняться по-русски.

В конце декабря 1701 г. японца по приказу Петра I привезли в Москву. В январе следующего года в селе Преображенском царь встретился с Т. Денбеем. Первое, о чем позаботился Пётр I, была подготовка переводчиков, владевших японским языком. «Великий государь указал ево, Денбея, на Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему дать в научение из русских робят человека три или четыре – учить их японскому языку и грамоте. А о крещении в православную христианскую веру дать ему, иноземцу, на волю, и его, иноземца утешать и говорить ему: как он русскому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку и грамоте научит – и ево отпустят в Японскую землю. 20-го генваря приказ решил давать Денбею поденнаго корму по 5 копеек в день и те деньги давать ему помесечно с сего числа» [Оглоблин, 1891: 15].

Школа изучения японского языка открылась в 1705 г. в Москве под надзором Сената. Немного известно о том, насколько успешной была карьера Т. Денбея в качестве преподавателя японского языка. Его приписали к приказу артиллерии «для учения русского языка и грамоты». В 1705 г. Пётр I запросил приказ «отписать японского государства Денбей русскому языку и грамоте выучился ль и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил ли и ныне учит ли?». Ответ не сохранился, но известно, что в Москве в 1706 г. учреждена школа японского языка. Вполне возможно, Т. Денбей вместе с несколькими японцами, привезенными с Камчатки, преподавал в школе. Учениками были солдатские дети Пётр Шенанькин и Андрей Фенев. Обещания «отпустить Денбея в Японскую землю» Пётр I не сдержал, приказав князю Матвею Петровичу Гагарину его окрестить: «ныне его окрестили и зовут его Гавриилом, а жалованье ему дается из Сибирского приказа» [Струков, 1891: 23]. Последние сведения о Т. Денбее датированы 1714 г.

¹ Татекава Денбей в России известен исключительно под своим именем.

² Удзака – искаженное от «Осака».

³ Гребная плоскодонная лодка со съёмной мачтой.

По свидетельству шотландца Джона Белла (1691–1780), путешествовавшего по России в начале XVIII в., в 1720 г. он встретил в Санкт-Петербурге молодого японца, говорившего и писавшего на русском и японском языках. Со слов японца, он вместе с отцом плыл из Нагасаки домой на северный берег Японии, но они попали в шторм и оказались сначала на Камчатке. Затем русский офицер отвез его в столицу, где он служит в Академии наук [Bell, 1763: 243]. Кто был этот человек неизвестно. Скорее всего, речь шла о японце Санима, попавшем на Камчатку в 1710 г. в результате кораблекрушения. В 1714 г. его привезли сначала в Иркутск, а потом в Санкт-Петербург. Санима преподавал японский язык сначала в Москве, а потом в Санкт-Петербурге и возможно сотрудничал с Академией наук. Считается, что он умер в 1734 г., после чего школа в столице закрылась [Накамура, 1983: 39].

Позже в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге действительно работал японец. Скорее всего, это был Годза (Демьян Поморцев), попавший в Россию в 1729 г. в возрасте 11 лет. В указе Императрицы Анны Иоанновны от 10 мая 1736 г. говорилось, что «прежде бывшим Японцам Козьме Шульцу и Демьяну Поморцову, которые восприняли веру Греческого исповедания, быть при Академии Наук обоим вместе, чтоб они природного своего языка позабыть не могли и поручить их в особое смотрение из Российских людей человеку искусному, кому та Академия заблагорассудит, дабы они завсегда были в добром смотреии и порядке и для обучения того Японского языка определить к ним С. Петербургской гарнизонной школы из солдатских детей двух человек, грамоте умеющих, кои поострее; а чтоб они прилежнее их тому языку обучали, прибавить им Шульцу и Поморцову жалованья к прежней даче еще по 5 копеек, а с прежним по 15 копеек на день человеку и давать из Штатс-Конторы... Также по объявлению выше писанного Поморцева, в Иркутск послать указ, велеть немедленно сыскать Японское судно, на котором они были и при том и книги на их языке кто из Российских людей взяли, и те книги у кого ныне обретаются оные прислать в Сенат немедленно»¹.

В 1736 г. при Академии открылась школа японского языка, где оба японца преподавали язык солдатским детям. Вскоре К. Шульц скончался, и 18-летний Годза взял обязанности учителя на себя. В библиотеке он познакомился с русским библиографом и писателем Андреем Ивановичем Богдановым (1692–1766). В 1719 г. указом Петра I последний определен на службу в петербургскую типографию, с 1730 г. работал в библиотеке Академии наук. А.И. Богданов был автором множества книг и работ по русской словесности, включая «Описания Санкт Петербурга, от начала заведения его с 1703 по 1751 год», «Реестр российских слов» и «Собрание пословиц и присловиц российских». Никакого отношения к Андрею Богданову, автору учебников японского языка и словарей, родившемуся от японца и русской, он не имел, т. к. такого человека просто не существовало.

¹ Сенатский указ № 6956 «Об определении Японцов Шульца и Поморцова, принявших веру Греческого исповедания, в Академию Наук, для обучения Японскому языку». 10 мая 1736 г. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 9: 1733–1736. Санкт-Петербург. Типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 812.

Практически все от Николая Новикова (1744–1818), автора «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772), до выдающегося русского востоковеда Николая Веселовского (1848–1918) в его книге «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879) считали японца Андрея Богданова реальным человеком. На самом деле автором словаря и разговорника японского языка был Годза, составлявший эти книги с помощью своего соавтора опытного библиографа и знатока русского языка А.И. Богданова. При этом это он делал без знания иероглифики, поскольку попал в Россию в 11-летнем возрасте. Все японские слова были записаны азбукой «хирагана». Петербургский историк К.Б. Васильев, детально проанализировав историю появления рукописей японских разговорников и словарей, сравнил почерк А.И. Богданова на разного рода библиотечных документах и на рукописи русско-японского словаря и убедился в их идентичности [Васильев, 2015: 23].

В 1753 г. школа в составе трех новых учителей японцев и двух учеников переведена в Иркутск. В 1760 г. она состояла из 7 преподавателей-японцев и 15 учеников. Учителя пополнялись за счет терпевших кораблекрушения у берегов Камчатки. В декабре 1782 г. японское судно унесло ветром в открытое море и в августе следующего года прибило к берегу Амчитки. Выживших привезли на Камчатку, а затем шестерых из них – в Иркутск, где японцы провели три года. Сёдзу и Синдзо решили остаться в России и начали преподавать японский язык в иркутской школе. Однако, как писал губернатору Николаю Трескину (1763–1842) директор школы Словцов, «Киселёв и его предшественник Колотыгин происходят из простого народа и грамматику своего языка не знают, а потому для Школы бесполезны». В качестве примера он привел двух учеников «Миронова и Кокулина, обучавшихся в школе 19 лет». Они состарились, не выучив японский язык. В 1805 г. генерал-губернатор Тобольской и Иркутской губернии Иван Селифонтов (1743–1822) лично ознакомился с положением школы и доложил министру коммерции о ее плачевном состоянии. Однако генерал-губернатор Сибири Иван Пестель (1765–1843) ответил, что «при известных видах нашего правительства, относительно связей с Японией, гораздо лучше иметь людей с посредственными знаниями японского языка, нежели не иметь их вовсе» [Веселовский, 1879: 70].

Сохранить школу не удалось. Ученики состарились, обзавелись семьями и отказывались учить язык. Тем не менее школа просуществовала 109 лет до июня 1816 г., когда комитет министров ее упразднил, а единственному ученику Миронову, безуспешно обучавшемуся там уже 19 лет, «дозволил избрать другой род жизни». Преподавание японского языка в России возродилось лишь более чем через пятьдесят лет в Петербургском университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев К.Б. (2015) Первое описание Санкт-Петербурга и первый японец в России. *История Петербурга*. № 1 (71). С. 17–25.

Веселаго Ф.Ф. (1875) *Очерк русской морской истории*. Ч. 1. Типография Демакова, Санкт-Петербург. 701 с.

- Веселовский Н. (1879) *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*. Типография бр. Пантелеевых, Санкт-Петербург. 161 с.
- Крузенштерн И.Ф. (1809) *Путешествие Вокруг Света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. Часть 1*. Морская типография, Санкт-Петербург. 379 с.
- Накамура С. (1983) *Японцы и русские. Из истории контактов*. Прогресс, Москва. 306 с.
- Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. (1973) *Международные отношения на Дальнем Востоке*. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. Издательство «Мысль», Москва. 324 с.
- Оглоблин Н.Н. (1891) Первый японец в России 1701–1705 гг. *Русская старина*. Книга 10. Т. 72. С. 11–24.
- Полонский А. (1871) *Курилы*. Типография Майкова, Санкт-Петербург. 208 с.
- Пушкин А.С. (1951) *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Том 9. История Петра. Записки о Камчатке. Издательство Академии Наук СССР, Москва; Ленинград. 604 с.
- Рикорд Н. (1816) *Записки флота капитана Рикорда о плавании его к берегам Японии в 1812 и 1813 годах*. Морская типография, Санкт-Петербург. 140 с.
- Соловьев С.М. (1993) *История России с древнейших времен*. Т. 23–24. Мысль, Москва. 688 с.
- Струков Д.П. (1891) Денбей, первый японец в России., в 1701 — 1710 гг. *Города и остроги земли сибирской*. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/s/strukov_d_p/denbej_pervyj_japonec_v_rossii/45-1-0-81 (дата обращения: 09.04.2023)
- Bell J. (1763) *Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia*. R. and A. Foulis, Glasgow, UK. 357 p.
- Hirakawa A. (2003) *Dzenkinkei ni okeru nichirokankei renku* (Исследования по материалам японо-русских связей в преמודерный период). Tohoku Daiiku Azia kenku senta (Центр изучения по Восточно-северной Азии при университете Тохоку). Miyagi (Мияги), Japan.
- Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA. 272 p.

Russia and Japan: the Beginning of the Hard Journey

M.G. Nosov*

Corresponding Member Russian Academy of Sciences
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

*E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Abstract. In the middle of the 18th century, neighboring Russia began to show interest in Japan. Russia acquired vast territories of Eastern Siberia and Far East which made the countries the closest neighbors. In 1648 on the shore of the Sea of Okhotsk the first Russian settlement Kosoy Ostrozhok appeared, which marked the beginning of the development of the new lands of the Far East by Cossack detachments. Russians first learned about Japan from European books describing travels to that country and from the few notes of those Russians who had been to China and got acquainted with Japanese culture there. Before its "opening" in 1853, Japan allowed only the Dutch and Chinese into the country. The closure was partly due to attempts by the Portuguese to convert the Japanese to the Catholic faith, but mainly to protect the country from the threat of European colonialism. Having become Japan's neighbor, the Russians tried to establish ties with Japan with neither religious nor invasive plans. However, despite repeated attempts by Peter the Great and his successors to convince the Japanese, they failed to do so. Russians got there very rarely and only as prisoners, and the Japanese

happened to be in Russia after shipwrecks or navigational errors. The more Russia learned about Japan, the stronger was the desire to establish relations with it. Since the beginning of the 18th century Russia repeatedly sent maritime expeditions to explore the Kurils and Sakhalin. Similar efforts were made by the Japanese. These territories, including Hokkaido, were inhabited mainly by the Ainu and Nivkhi, and Russians and Japanese appeared from time to time on these islands, but the attempt to determine their state affiliation was made only in 1855. Until that time all Russian attempts to establish diplomatic and trade relations with Japan had failed. At the same time the result of these efforts was an accumulation of knowledge about each other and a growing mutual interest. Peter's interest in Japan was determined primarily by the fact that Russia's access to the Pacific Ocean required the development of new lands, and trade relations with Japan could be an important element in their economic development.

Key words: Russia, Japan, expedition, regional studies, language studies

DOI: 10.31857/S0201708323050145

EDN: yannyn

REFERENCES

- Vasil'ev K.B. (2015) *Pervoe opisanie Sankt-Peterburga i pervyj yaponec v Rossii* [The first description of St. Petersburg and the first Japanese in Russia]. *Istoriya Peterburga*, 1 (71). (In Russian).
- Veselago F.F. (1875) *Oчерк русской морской истории. Ч. 1* [An essay on Russian maritime history. Part 1]. *Tipografiya Demakova, Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Veselovskij N. (1879) *Svedeniya ob oficial'nom prepodavanii vostochnyh yazykov v Rossii* [Information about the official teaching of Oriental languages in Russia]. *Tipografiya br. Pantel'evykh. Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Kruzenshtern I.F. (1809) *Puteshestvie Vokrug Sveta v 1803, 4, 5 i 1806 godah. Chast' 1* [A Journey Around the World in 1803, 4, 5 and 1806. Part 1]. *Morskaya tipografiya. Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Nakamura S. (1983) *Yaponcy i russkie. Iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians. From the history of contacts]. *Per. s yap. s sokr.; Ob. red. B.G. Sapozhnikova. Progress. Moscow*. (In Russian).
- Ogloblin N.N. (1891) *Russkaya starina* [Russian Antiquity], *Kniga 10, Tom 72. Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Polonskij A. (1871) *Kurily* [Kuriles]. *Tipografiya Majkova. Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Pushkin A.S. (1949) *Polnoe Sobranie Sochinenij* [Complete Works], *Tom 9*. (In Russian).
- Rikord N. (1816) *Zapiski flota kapitana Rikorda o plavanii ego k beregam Yaponii v 1812 i 1813 godah* [Notes of the fleet of Captain Ricord about his voyage to the shores of Japan in 1812 and 1813]. *Morskaya tipografiya. Sankt-Petersburg*. (In Russian).
- Solov'ev S.M. (1993) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since ancient times], 23–24, *Mysl', Moscow, Russia*. 688 p.
- Strukov D.P. (1891) *Goroda i ostrogi zemli sibirskoj. Denbej, pervyj yaponec v Rossii*. [Cities and prisons of the Siberian land. Denbei, the first Japanese in Russia]. "Russkaya starina". (In Russian).
- Bell J. (1763) *Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia*, *Glasgow*.
- Hirakawa A. (2003) *Dzenkinkei ni okeru nichirokankei renku* [Research based on materials of Japanese-Russian relations in the pre-modern period]. *Tohoku Daiaku Azia kenku centa, Miyagi, Japan*. (In Japan).
- Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*. *Stanford University Press. Stanford*.

УДК 339

ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

© 2023 г. СИМОНЯН Ренальд Хикарович*

Доктор социологических наук

*Главный научный сотрудник Центра Европейских исследований
МИГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76*

**E-mail: simonyan.renald@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.03.2023

После доработки 22.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проведен анализ советского периода Латвии и Эстонии, который оказался очень плодотворным для их экономического развития: были созданы новые и реконструированы имеющиеся промышленные предприятия; построены электростанции, морские порты, аэродромы; проложены транспортные магистрали. При этом сформировался высокопрофессиональный кадровый потенциал, подготовленный как в учебных заведениях Латвии и Эстонии, так и в ведущих вузах Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Сегодня по уровню социально-экономического развития Латвия и Эстония¹ наряду с Чехией и Словенией занимают лидирующие позиции среди постсоциалистических стран Европы. На основе широкого фактологического материала показано, что значительные успехи стран Балтии в экономическом и промышленном развитии основаны на советском наследии.

Ключевые слова: внутренняя политика СССР, экономическое развитие СССР в 1950–1980-х гг., республики Прибалтики, Латвия, Эстония, промышленность, распад СССР

DOI: 10.31857/S0201708323050157

EDN: uapzts

Опережающее развитие национальных республик и автономий – стратегическая линия центра в Советском Союзе. Национальная политика выступала важнейшей частью государственной политики первого в мире социалистического государства, поэтому союзные республики имели значительные преимущества по сравнению с

¹ Советский период в Литве рассмотрен автором в журнале № 3 за 2020 г.

Россией (РСФСР). Например, в соответствии с законом о бюджете СССР, в первое послевоенное десятилетие РСФСР оставляла 50% полученных доходов, Украина и Белоруссия – по 55%, остальные республики – по 100% и получали субсидии из центра [Зубкова, 2015]. Это осуществлялось в то время, когда республики-доноры, понесшие наибольший урон во время Второй мировой войны, восстанавливали экономику. Союзные республики традиционно имели существенные льготы при централизованном распределении ресурсов. Уровень жизни в них был выше, чем в РСФСР. Сегодня Советский Союз часто называют империей, однако не метрополия жила за счет окраин, а окраины – за счет метрополии.

Прибалтийские республики в СССР

Республики Прибалтики имели преимущества перед другими союзными республиками. Например, если величина капиталовложений на душу населения в 1989 г. в СССР в целом составляла 763,5 руб., то в республиках Прибалтики она была существенно выше: в Латвии 829,6 руб., в Литве 856,2 руб., в Эстонии 872,3 руб. [Госкомстат СССР, 1990: 536–539]. Привилегированное материально-техническое обеспечение касалось не только промышленности, но и сельского хозяйства. Республики Прибалтики пользовались льготами в системе советского фондового распределения удобрений, сельскохозяйственной техники, кормового зерна, закупленных за рубежом элитных пород скота и т. п.

Объем средств, выделяемых для развития экономики прибалтийских республик, определялся политическими мотивами. Население не всегда вызывающего доверие у советского руководства региона должно было ощутить преимущества вхождения в Советский Союз. Прибалтике предстояло избавиться от негативного имиджа («задворки Европы», «аграрный отросток Британии и Германии»), сложившегося в 1920–1930-е гг., и приобрести позитивный («индустриально-развитые страны»), что подтверждало преимущества социалистической системы хозяйства.

Определенную роль в развитии материальной базы республик сыграло их пограничное положение. Оно открывало дополнительное финансирование из союзного бюджета для строительства первоклассных коммуникаций, аэродромов, мостов, складского хозяйства, ремонтных служб и прочей производственной инфраструктуры. В Прибалтике было построено 15 аэродромов, включая крупнейший в Европе для стратегических бомбардировщиков¹. Другие преимущества региона – выгодное географическое положение, близость к Европе, многочисленные морские порты, большинство из которых незамерзающие, что расширяло базу для внешней торговли СССР на Балтийском море. В отличие от Ленинградского морского порта прибалтийские располагались в менее крупных городах, что создавало возможности для расширения портового хозяйства.

Другой фактор ускоренного развития прибалтийских республик – это их размер. По данным Всесоюзной переписи СССР 1989 г., население Литвы составляло 3,6, Латвии – 2,7, Эстонии – 1,4 млн чел., что соответствует политэкономической ка-

¹ В местечке Раади под Тарту с взлетно-посадочной полосой длиной 3 км.

тегории «малые государства» [Corbett, Veenendaal, 2019]. По сравнению с РСФСР с населением 148 млн, развивать экономику и повышать уровень жизни в прибалтийских республиках – более простая задача. Малые государства, по мнению классика политической науки К. Уолца, в силу объективных условий не могут проводить самостоятельную внешнюю политику. Их стратегия направлена на примыкание к большим государствам, что нередко порождает иждивенческие настроения у представителей политической элиты [Waltz, 1979]. Согласно исследованию Л. Винтерса и П. Мартинса, малые государства несут издержки размера, связанные с ограниченностью ресурсов (человеческих, природных, пространственных) [Winters, Martins, 2004].

Нехватка трудовых ресурсов в процессе ускоренной индустриализации Прибалтики вызвала необходимость в помощи России, Украины, Белоруссии и других республик. В Латвии и Эстонии доля русских в общей численности населения была значительно выше, чем в других союзных республиках, что было результатом послевоенного промышленного строительства. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Латвии численность русских составляла 34%, русскоязычных – 48% от общей численности населения; в Эстонии – 30,5 и 39% соответственно.

В республиках Прибалтики отсутствовали минеральные и энергетические ресурсы, необходимые для функционирования и развития народного хозяйства, кроме небольшого месторождения сланцев и фосфоритов на северо-востоке Эстонии. В связи с этим республики находились практически в полной зависимости от внутрисоюзных поставок. В то же время в регионе располагалась сеть морских портов. Если для промышленных предприятий приобретение сырья, оборудования, комплектующих регулируется рыночной конъюнктурой, то функционирование морских портов жестко определено географией. Транзитный потенциал Прибалтики – еще один фактор льготного инвестирования.

Кроме того, высокая организация и дисциплина труда способствовали не только повышению качества и сохранности продукции, но и быстрой окупаемости капиталовложений. Это объясняет размещение в регионе большого количества предприятий наукоемкой продукции, в т. ч. относящихся к военно-промышленному комплексу.

Экономика советской Латвии

В Прибалтике самой промышленно развитой страной была Латвия. В республике функционировали такие знаменитые предприятия, как Рижский вагоностроительный завод, Рижский государственный электротехнический завод, Лиепайский металлургический завод. До вхождения в СССР Латвия оставалась преимущественно аграрной: в структуре латвийского экспорта в 1930-е гг. доминировала сельскохозяйственная продукция (животное масло, беконная свинина, льняные изделия) [Kģūmiņš, 2017]. К 1988 г. в Латвии построено свыше 200 предприятий и крупных цехов. Основные направления – машиностроение и приборостроение. 55% продукции выпускали предприятия, насчитывающие свыше 1 тыс. рабочих. В 1987 г. объем промышленного производства, по сравнению с 1940 г., вырос более чем в 50 раз. Успешно развивалась аграрная сфера – производство традиционной для Латвии продукции животноводства [Шнейдере, 1989: 6].

Значительно увеличилась энергетическая база. В 1965 г. построена крупнейшая в Латвии Плявиньская ГЭС, в 1974 г. – Рижская ГЭС, в 1979 г. расширена Кегумская ГЭС. К началу 1980-х гг. каскад ГЭС на Даугаве – главный производитель гидроэлектроэнергии в Латвийской ССР – создавал около 80% энергетической мощности республики. Были построены тепловые станции, в т. ч. Рижская ТЭЦ-2, вошедшая в строй в 1979 г. Она позволила ликвидировать десятки городских котельных, работающих на угле. Латвийские электростанции вошли в состав энергосистемы Северо-Запада СССР, что дало возможность получать энергию с Игналинской АЭС в Литве. В 1962 г. в Латвию стал поступать природный газ с Дашавского месторождения на Украине, началась закачка газа в Инчукалнское подземное газохранилище (ПХГ) – объект энергообеспечения всего прибалтийского региона. Республика полностью обеспечивала из ПХГ зимнее потребление для себя, Эстонии и части северо-западного региона России, получая в летний период газ по магистральной ветке от Изборска. Общая протяженность газопроводов достигла 1278 км. Таким образом, энергообеспеченность республики позволяла проводить широкую индустриализацию.

За годы пребывания Латвии в СССР построены такие крупные предприятия, как радиозавод им. А.С. Попова, «Автоэлектроприбор», «Гидрометприбор», «Ригахиммаш», «Свайгумс», «Ригас мануфактура», производственные объединения «Сарканайс ритс», «Альфа» и фанерное производственное объединение, а также дизельный, светотехнический, электроламповый заводы и заводы сельскохозяйственного машиностроения, мостовых конструкций, крупнопанельного домостроения, технологической оснастки, гражданской авиации и промышленных роботов в Риге; комбинат искусственного волокна, инструментальный завод в Даугавпилсе; завод сельскохозяйственного машиностроения в Лиепаяе; завод промышленных вентиляторов и судоремонтный завод в Вентспилсе; завод электроинструментов в Резекне; завод по производству микроавтобусов (филиал Рижского автобусного завода) в Елгаве; завод «Биохимреактив» в Олайне; Опытный биохимический завод с цехом лизина, производящегося по технологии академика Риты Кукайне¹, и домостроительный комбинат по производству сборных коттеджей в Ливаны; завод изделий из стекловолокна в Валмиере; целлюлознобумажный комбинат в Слоке; комбинат по комплексной переработке древесины в Болдерае; самый большой в Прибалтике трикотажный комбинат в Отре.

В 1990-е гг. многие крупные предприятия закрыли. Помимо экономических мотивов была и социально-политическая причина их ликвидации: высокая доля «чуждой» рабочей силы – русских и русскоязычных. Наиболее показательный пример – судьба Рижского автобусного завода (РАФ), организовавшего совместно с Горьковским автомобильным заводом (ГАЗ) в 1976 г. производство на агрегатах ГАЗ-24 «Волга» микроавтобусов в Елгаве. Завод имел собственное техническое училище, готовившее слесарей, токарей, ремонтников. Знаменитые «рафики» удовлетворяли

¹ Рита Александровна Кукайне (Петроград, 1922) – ученый вирусолог, лауреат Государственной премии СССР, академик АН Латвии, директор Института микробиологии АН ЛССР, депутат Верховного Совета СССР. В 1988–1989 гг. входила в состав Комиссии ВС СССР по распределению полномочий между центром и союзными республиками и активно поддерживала идею заключения нового союзного договора.

широкий спрос надежностью, ходовыми качествами, простотой в эксплуатации и привлекательным дизайном. Микроавтобусы использовали как почтовые фургоны, маршрутные такси, кареты скорой помощи, реанимобили, патрульные службы МВД, экскурсионные автопоезда, а также для перевозки донорской крови, доставки малотоннажных грузов (до 900 кг), технического обслуживания спортивных мероприятий (велогонок, авторалли). К московской Олимпиаде-80 для оргкомитета, судейского корпуса, журналистов выпустили 700 микроавтобусов, среди которых были электрические. Ежегодно в СССР 110–120 микроавтобусов вручались многодетным семьям. С 1976 г. по 1996 г. выпущено всего около 280 тыс. микроавтобусов.

Особого успеха завод достиг во второй половине 1980-х гг., когда директором избрали Виктора Боссарта, выпускника Казанского авиационного института. Ежегодное производство достигло 18 тыс. микроавтобусов, которые выпускались в двух специализациях – для умеренного и тропического климатов. Завод экспортировал продукцию в 63 государства Европы, Азии, Африки и Южной Америки. В 1995 г. руководство РАФ договорилось о продолжении сотрудничества с ГАЗ, но соглашение заблокировало латвийское правительство. В 1997 г. производство остановлено. Многие корпуса завода разрушены, а на сохранившихся находятся торговые площади. Об этом уникальном предприятии много написано, в Елгаве создан музей, а в 2004 г. вышел фильм «Утраченное достояние Латвии».

История, созданной на базе нескольких производств, не менее знаменитой рижской «Радиотехники», началась в 1947 г., когда был построен корпус экспериментального цеха. Уже в 1948 г. выпущен первый в СССР переносный ламповый радиоприемник, а в 1951 г. – радиокорбайн «Рига -Т51»¹. В 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе радиоприемник «Фестиваль» получил золотую медаль. В 1970 г. организовано производственное объединение (ПО) «Радиотехника», в которое вошли ведущее предприятие Рижский радиозавод им. А.С. Попова, конструкторское бюро «Орбита», Рижский электромеханический завод и Кандавский радиозавод.

Генеральный директор ПО Олег Ленёв², выпускник Московского электромеханического института, превратил «Радиотехнику» в крупнейшее предприятие Латвии с 16 тыс. работников, из которых 750 чел. в конструкторском бюро создавали технологические новинки. Они первыми в СССР внедрили печатные платы, клавишные переключатели, каширование корпусов. Заслуженный изобретатель Латвийской ССР слесарь Евгений Рыжов изобрел оригинальные автоматы для обработки монтажных деталей. Его авторские свидетельства запатентованы за рубежом, в т. ч. в Японии. На заводе в 1974 г. разработан и выпущен первый советский видеоманитофон «Малахит» конструкции Григория Мурина, выпускника Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Продукция предприятия экспортировалась в 54 государства, в т. ч. в США, Германию, Швецию, Финляндию, Австралию [Клявиньш, 2004].

¹ Первые экземпляры радиокорбайна подарены главе СССР Сталину и главе КНР Мао Цзэдуну.

² В 1985 г. О. Ленёву за внедрение достижений научно-технического прогресса присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1980-е гг. «Радиотехника» успешно развивалась: был построен цех для производства гибридных и полупроводниковых микросхем, на базе которого в 1988 г. создан Рижский завод функциональной микроэлектроники «Эльмира». Всего с 1947 по 1991 гг. производственное объединение «Радиотехника» выпустило более 41,5 млн изделий.

Последний генеральный директор – выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана Владимир Мартинсон (1987–1992), назначенный в 1978 г. О. Ленёвым главным инженером. В апреле 1991 г. проверяющая предприятие комиссия сделала упрек В. Мартинсону, что в его команде слишком много русских. На это он ответил, что людей подбирает по деловым качествам, а не по национальности [Прибыльская, 2006: 56].

В январе 1992 г. постановлением правительства Латвии ПО «Радиотехника» было расформировано, но специалисты предприятия остались востребованы. На его базе действуют несколько небольших частных компаний, сохранивших кадры и оборудование, в т. ч. купленная на аукционе в 1998 г. бывшими работниками ПО Эдуардом и Юрием Малеевыми, выпускниками Ленинградского электротехнического института, компания *VEF Radiotehnika RRR*, которая производит акустическую технику.

В 2011 г. компания *World Audio Distribution* запустила в Риге собственное производство акустических приборов под брендом *Arslab*. Раньше они производились в Китае, но спрос падал из-за низкого качества изделий. Выбор Риги определило наличие специалистов, ранее работавших на ПО «Радиотехника». Руководителем был назначен Виктор Лагарпов, выпускник Воронежского политехнического института, имевший большой стаж работы в «Радиотехнике» (с 1987 г. в должности главного инженера).

Помимо домашних аудиосистем под брендами *ICE*, *Arslab*, *Old School*, *Penaudio* и «Аудиомания» в Риге производят акустическую технику для домашних кинозалов, разработанную Юрием Фоминым, выпускником МВТУ им. Н.Э. Баумана и бывшим работником «Радиотехники». Техника, собранная в Риге, пользуется спросом не только в Латвии и России, но и по всему миру, включая Китай, Японию, Тайвань, США, Мексику и страны Европы.

История еще одного знаменитого латвийского предприятия началась в 1959 г., когда был создан Рижский завод полупроводниковых приборов – первое предприятие электронной промышленности в Латвии, выпускающее диоды, транзисторы и другие компоненты микроэлектроники. О профессиональном уровне персонала завода свидетельствует такой факт: в 1962 г. начальник ОКБ завода Юрий Осокин, выпускник Московского энергетического института, разработал первую в СССР и третью в мире (после Дж. Килби и Р. Нойса) интегральную схему Р-12. Она была самой маленькой в мире: ее корпус имел диаметр 3 мм, а высоту – 0,8 мм. На основе схемы создавались интегральные схемы, которые использовались впервые в мире для серийного производства гибридных интегральных схем.

В 1971 г. на базе завода возникло производственное объединение «Альфа» во главе с генеральным директором Владимиром Лысенковым, выпускником Рижского высшего военного инженерно-авиационного училища. ПО производило цифровые преобразователи, операционные усилители, компараторы напряжения, фильтры, устройства связи и обнаружения для оборонных и космических нужд. Предприятие было секретным. В 1980-х гг. на предприятиях объединения работало около 10 тыс. чел.

В 1990-е гг. после смен нескольких владельцев на производстве осталось около 300 чел., которые сегодня выполняют заказы зарубежных компаний, в т. ч. производят приборы для городских водоочистительных станций, оборудование для международных аэропортов, детали для американских ракет. Основные корпуса предприятия проданы норвежской компании «Линстов-Варнер» (*Linstow-Varner*), которая в 2001 г. в головном здании «Альфы» открыла самый большой в Латвии (158 тыс. кв. м) торговый центр с таким же названием.

Показательна судьба Латвийского морского пароходства, созданного в октябре 1940 г. решением правительства СССР. Оно владело 54 судами и управляло Рижским, Лиепайским, Вентспилским и Швянтойским (Литва) пароходствами. После войны в подчинении пароходства осталось 8 судов, но предприятие быстро развивалось, увеличивался торгово-пассажирский флот за счет трофейных немецких судов (наиболее крупные – «Фриц Шоп» (*Fritz Schoop*), «Клеопатра» (*Cleopatra*), «Дэм-файр» (*Dampfire*), Пасахес (*Pasajes*)), новых пассажирских лайнеров, рефрижераторов, танкеров, газовозов и контейнеровозов, сделанных по заказу СССР в Финляндии и ГДР. В Вентспилском порту построены нефтебаза и калийный терминал, в Риге и Лиепае значительно расширена инфраструктура, позволившая увеличить грузооборот. В 1980-е гг. торговый флот пароходства насчитывал 102 судна. Среди советских республик Латвия располагала самым большим рефрижераторным флотом. Корабли Латвийского морского пароходства поставляли грузы в 140 портов 52 государств. Большой вклад в развитие материальной базы внесли его руководители, выпускники Одесского института инженеров морского флота Виктор Дырченко и Юрий Падеров.

В 1991 г. пароходство становится государственной компанией «Латвийское пароходство» (*Latvijas kuģniecība*). Ей переходят 87 судов бывшего торгового флота СССР. В 1996 г. – это уже частно-государственная компания. С 2004 г. пароходство принадлежит «Вентспилс нафта» (*Ventspils Nafta*), а с 2017 г. компанией, насчитывающей 15 судов, владеет голландская фирма «Витол Нидерланды Б.В.» (*Vitol Netherlands B.V.*).

Экономика советской Эстонии

В Эстонии, как и в Латвии, советский период начался с создания энергетической базы для индустриализации. В 1948 г. в Кохтла-Ярве построен первый в мире газосланцевый комбинат. В 1950-е гг. возведены крупнейшие в мире на сланцах Прибалтийская ГРЭС (в настоящее время Балтийская электростанция) и Нарвская ГРЭС (Эстонская электростанция). Они потребляли около 80% добывавшихся на территории Эстонии горючих сланцев. Оставшиеся перерабатывались в сланцевое масло, сланцевый бензин и сланцевый газ. В конце 1980-х гг. общая мощность ГРЭС не только полностью обеспечивала потребности республики в электроэнергии, но и позволяла передавать другим потребителям неиспользованную часть через энергосистему Северо-Запада СССР [Терк, 2000].

Первое крупное предприятие, построенное в Эстонии в советский период, – Таллиннский экскаваторный завод. Осенью 1944 г. советское правительство приняло решение построить в Таллинне завод по ремонту тракторных двигателей и изготовлению запасных частей, на базе которого в 1956 г. возникло производственное

объединение «Таллэкс». Помимо двух видов экскаваторов – широкотраншейных и узкотраншейных – ПО выпускало автогрейдеры, дреноукладчики и погрузчики-бульдозеры. В 1980-е гг. Таллэкс производил свыше 50% траншейных экскаваторов в СССР и около 25% в мире. Они экспортировались в 44 страны. В 1992 г. производство остановлено, а предприятие разделено на несколько фирм, выпускающих запчасти для сельскохозяйственной техники.

Флагман эстонского приборостроения Таллинский электротехнический завод имени Ханса Пегельмана основан в 1958 г. под названием Завод полупроводниковых сопротивлений. Его созданию предшествовали научно-исследовательские работы в области фоторезисторов и варисторов в Таллинском политехническом институте под руководством Юрия Варваса. Основной персонал предприятия составляли выпускники Таллинского политехнического и Ленинградского электротехнического институтов. В декабре 1958 г. выпущена первая партия продукции. Предприятие вошло в состав военно-промышленного комплекса. Завод быстро развивался, увеличивалась численность персонала. Если в 1967 г. было занято 2 тыс. работников, то в 1980 г. – 3,5 тыс. В 1982 г. построен филиал завода в г. Силламяэ.

В 1959 г. получен заказ Министерства обороны СССР на производство термочувствительных фоторезисторов «04». В 1963 г. завод посетил президент АН СССР М. Келдыш, чтобы проконтролировать выполнение важного государственного заказа. На предприятии производились первые в СССР высокочастотные диффузионные транзисторы по технологии Московского физико-технического института. Также выпускались товары народного потребления, в т. ч. зарядные устройства, портативные электронные тахометры и слуховые аппараты, которые пользовались высоким спросом. Для их массового изготовления построен специальный цех в Силламяэ. Пик производства пришелся на 1982 г., когда было выпущено 176 500 слуховых аппаратов.

Последний директор завода – выпускник Воронежского университета Игорь Шепелевич. Благодаря его связям в странах СНГ предприятие удержалось на плаву в первые годы после развала СССР. В 1995 г. правопреемником завода стало АО «Тонди электроника» (*Tondi Elektroonika*), изготавлившее 35–40 тыс. слуховых аппаратов ежегодно. В 2012 г. производство передано эстонско-датскому предприятию «Видэкс Эстония» (*Widex Eetsti*).

Второй крупный приборостроительный завод в Эстонии, созданный в советский период, – Таллинский завод «Промприбор». Он возник в 1949 г. на базе двух мелких предприятий (завода весов и завода водомеров) и сегодня является лидером приборостроения в Эстонии. В 1957 г. на предприятии создан первый в СССР счетчик тепловой энергии. Конструкторским бюро завода, насчитывающим 240 чел., руководил заслуженный изобретатель Эстонской ССР, кандидат технических наук, автор 23 изобретений Михаил Гаммерман. Он получил образование сначала в Московском авиационном институте, а затем, в связи с переездом семьи в Эстонию, в Таллинском политехническом институте. Многие годы СССР закупал расходомеры в Японии и Голландии, но с 1967 г. эта необходимость отпала. Электромагнитные расходомеры, произведенные на «Промприборе», работали во всех отраслях народного хозяйства. Продукция, разработанная в советский период (индукционные расходомеры жидкостей, в т. ч. для атомной и космической промышленности, электроизме-

рительные приборы, гамма-реле со специальными взрывонепроницаемыми датчиками), сегодня производятся в АО «АСВЕГА» (*ASWEGA*), унаследовавшем в 1995 г. «Промприбор» с его уникальным технологическим оборудованием, полувековым опытом работы в области приборостроения, большим числом инноваций и деловых связей, совместными предприятиями в России, Белоруссии и Казахстане.

В советское время в Эстонии основаны также предприятия легкой, в т. ч. хорошо известный в СССР таллиннский трикотажный комбинат «Марат» с филиалом в Палдиски, и пищевой промышленности. В 1989 г. в Раквере совместно с финской компанией «Суомен Ракеннусвиенти» (*Suomen Rakennusvienti*) построен самый большой в Прибалтике мясоперерабатывающий комбинат. Возведены также предприятия деревообрабатывающей промышленности, в т. ч. экспериментальный комбинат «Мехис».

Самое бюджетонаполняющее промышленное предприятие Эстонии – судостроительный завод, построенный в 1912 г. В сентябре 1944 г. немцы, уходя из Таллина, взорвали его. В 1947 г. принято решение его восстановить. В 1958 г. Балтийский судоремонтный завод стал частью системы Министерства обороны, произошла модернизация предприятия, инженерный состав пополнился выпускниками Ленинградского кораблестроительного института. В декабре 1989 г. завод стал акционерным предприятием. Председателем правления АО и генеральным директором коллектива избран Фёдор Берман, выпускник Калининградского технического института, пришедший на завод по распределению в 1974 г. на должность инженера-технолога. Затем он работал начальником технического отдела, начальником цеха, заместителем директора. Талант инженера и деловые способности Ф. Бермана сделали концерн БЛРТ Групп (*BLRT Grupp*) – современное название завода – наиболее конкурентоспособным предприятием Эстонии. Завод имеет 19 дочерних предприятий в разных странах мира и является одним из лидеров эстонской промышленности.

Самое дорогое сооружение советского периода – это Новоталлиннский морской порт (в настоящее время порт Мууга), построенный в 1986 г. и оборудованный для приема танкеров-сухогрузов. По техническим характеристикам порт не имел аналогов в СССР. Территория порта – 567 га с 29 причалами общей длиной 6,4 км, рассчитанными на стоянку судов длиной в 300 м. В порту 16 терминалов, 7 из которых – для наливных грузов. Железнодорожное сообщение осуществляется по линии Мууга – Нарва – Санкт-Петербург. Руководство во главе с начальником порта Анатолием Канаевым – выпускники Одесского института инженеров морского пароходства. Порт Мууга – самый большой транзитный узел в Прибалтике. До 2014 г. на него приходилось около 15% ВВП Эстонии. В настоящее время грузооборот порта упал.

После распада СССР в Эстонии, как и в других республиках Прибалтики, оставлены крупные машиностроительные и приборостроительные предприятия: «Двигатель» (более 10 тыс. чел.), Таллинский электротехнический завод имени М. Калинина (4,5 тыс.), «Вольта» (3 тыс.) и др. Большинство специалистов, занятых на предприятиях военно-промышленного комплекса, остались работать в Эстонии и Латвии¹, сохраняя накопленный созидательный потенциал.

¹ Трудовая эмиграция из стран Балтии – это в основном молодежь.

Заключение

Послевоенное восстановление промышленности в западных регионах СССР и последующий модернизационный рывок сопровождались процессами активной трудовой миграции, что наиболее наглядно проявилось в Прибалтике, где сложилось многонациональное трудовое сообщество.

Дефицит трудовых ресурсов в еще более острой форме испытывали страны Западной Европы в 1950-е гг. В послевоенные десятилетия потоки трудовых мигрантов шли из Индии, Пакистана и Бангладеш в Британию, из Турции в ФРГ, из Суринама, Полинезии и с Антильских островов в Нидерланды, из Северной и Центральной Африки во Францию, Бельгию и Швецию. Однако в прибалтийские республики для строительства и освоения промышленных предприятий приезжали европейцы из республик СССР, в т. ч. выпускники ведущих вузов. Они не только внесли значительный вклад в социально-экономическое развитие Латвии и Эстонии, но и способствовали повышению творческого потенциала этих стран. Таким образом, советское наследие стран Балтии это не только материальная база экономики – электростанции, промышленные предприятия, коммуникации, но и более значимая ценность – человеческий капитал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Госкомстат СССР (1990) *Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник*. Финансы и статистика, Москва. 767 с.

Зубкова Е.Ю. (отв. сост.) (2015) *Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г.* Международный фонд «Демократия», Москва. 1008 с.

Клявиньш И. (2014) *Становление и развитие Рижского радиозавода*. RaKa, Рига, Латвия. 352 с.

Прибыльская Л. (2006) Пробивная сила. *Бизнес-Класс*. № 11. С. 49–57.

Шнейдере И. (1989) *Социалистическая индустриализация в Латвии: ход, итоги, проблемы*. Зинатне, Рига, СССР. 308 с.

Corbett J., Veenendaal W. (2019) Why Small States Are Beautiful. *Political Insight*. Vol. 10. No. 1. P. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/2041905819838143>

Krūmiņš G. (2017) *Latvijas Tautsaimniecības vēsture*. Jumava, Riga, Latvia. 1054 p.

Terk E. (2000) *Privatization in Estonia. Ideas. Progress. Results*. Estonian Institute for Futures Studies, Tallinn, Estonia. 223 p.

Waltz K. (1979) Theory of International Politics. *International Organization*. No. 2. P. 201–310.

Winters L., Martins P. (2004) When Comparative Advantage is Not Enough: Business Costs in Small Remote Economics. *World Trade Review*. Vol. 3. No. 3. P. 347–383.

Latvia and Estonia: The Soviet Period of Economic Development

R.H. Simonyan*

Doctor of Sciences (Sociology)

Chief Researcher at the Center for European Studies of MIGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76, Pr. Vernadskogo, Moscow, Russia1, 119454

*E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

Abstract. The article analyses the Soviet period of Latvia and Estonia, which turned out to be very productive for their socio-economic development. In the Baltic republics, there were no resources necessary for the development of the national economy. Latvia and Estonia were almost completely dependent on supplies from outside the region. At the same time, they had the advantage over other republics in terms of geographic position, in particular a network of seaports. The transit potential of the Baltic States was one of the main factors of preferential investment. New industrial enterprises were created, power plants, seaports, airfields were built, transport highways were laid. The processes of modernization were supported by labour migration from other republics of the USSR and subsidised by the central government. At the same time a highly qualified and skilled personnel was formed, trained both in educational institutions of Latvia and Estonia, and in leading universities in Moscow, Leningrad and other cities of the Soviet Union. Today Latvia and Estonia, along with the Czech Republic and Slovenia, occupy leading positions among the post-socialist countries of Europe in terms of socio-economic development. Based on a broad factual material, it is demonstrated that a significant contribution to their development belongs to the Soviet heritage.

Keywords: internal policy of the USSR, economic development of the USSR in the 1950s–1980s, Baltic republics, Latvia, Estonia, industry, collapse of the USSR

DOI: 10.31857/S0201708323050157

EDN: yaptzs

REFERENCES

- Corbett J., Veenendaal W. (2019) Why Small States Are Beautiful, *Political Insight*, 10(1), pp. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/2041905819838143>
- Goskomstat USSR (1990) *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1989 g. Statisticheskij ezhegodnik*. [The national economy of the USSR in 1989. Statistical Yearbook], Finansy i statistika, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kljavins I. (2014) *Stanovlenie i razvitie Rihzhskogo radiozavoda* [Formation and development of the Riga radio Factory], RaKa, Riga, Latvia. (In Russian).
- Krūmiņš G. (2017) *Latvijas Tautsaimniecības vesture*, Jumava, Riga, Latvia.
- Pribyl'skaya L. (2006) Probivnaya sila [Punching power], *Biznes-Klass*, 11, pp. 49–57. (In Russian).
- Schneider I.R. (1989) *Socialisticheskaya industrializaciya v Latvii: hod, itogi, problemy*. [Socialist industrialization in Latvia: progress, results, problems]. Zinatne, Riga, Latvia. (In Russian).
- Terk E. (2000) *Privatization in Estonia. Ideas. Progress. Results*. Estonian Institute for Futures Studies, Tallinn, Estonia.
- Waltz K. (1979) Theory of International Politics, *International Organization*, 2, pp. 201–310.
- Winters L., Martins P. (2004) When Comparative Advantage is Not Enough: Business Costs in Small Remote Economies. *World Trade Review*, 3(3), pp. 347–383.
- Zubkova E.Yu. (2015) *Sovetskaya model' ekonomiki: soyuznyi Tsentri i respub-liky Pribaltiki. 1953 g. – mart 1965 g.* [The Soviet model of the economy: the Union Center and the Baltic Republics. 1953 – March 1965], Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327.51; 327.57

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РАЗРЯДКИ

© 2023 г. **СИНДЕЕВ Алексей Александрович***
Доктор исторических наук, профессор РАН
Главный научный сотрудник Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
**E-mail: a_sin74@mail.ru*

Поступила в редакцию 13.06.2023

После доработки 28.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В статье продолжается изучение роли министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности, ее принципов и структурных элементов. Актуальность статьи определяется значением стратегии и стратегического мышления в современной внешней политике и дипломатии, их влиянием на межгосударственное сотрудничество, эволюцию и управляемость международных отношений. Предмет статьи состоит в изучении стратегического проекта разрядки, разработанного А.А. Громыко к 1972–1973 гг. Предмет определил хронологические рамки исследования. Они ограничены 1972 и 1973 гг. Статья состоит из трех подразделов. В первом подразделе рассмотрены критерии двусторонности и представлены условия заключения новых договоров, обосновывается значение целенаправленной работы над новыми договоренностями. Во втором подразделе проанализированы отличия между формальным балансом и равной безопасностью. В настоящее время концепт «равная безопасность» стал структурообразующим элементом внешнеполитической доктрины и доктрины безопасности Российской Федерации. В третьем подразделе дана характеристика содержания стратегического проекта, выделены особенности дифференцированного сотрудничества – взаимодействия СССР с малыми, средними и крупными странами, показано значение концепта «чистые национальные интересы», приведены механизмы перехода к «длительной разрядке» международной напряженности и требуемые, с точки зрения А.А. Громыко, изменения в дипломатической работе. Впервые в российской истори-

ческой и политологической науках выделен и изучен стратегический проект разрядки А.А. Громыко, осуществлено его сравнение с «системой 1970 г.» (подходами А.А. Громыко к формированию системы отношений в мире в период переговоров о Московском договоре), определено возможное практическое применение главных элементов проекта в современности. Источниковая база статьи – опубликованные документы МИД ФРГ. Аргументационные линии статьи следуют включать в контекст ранее опубликованных в журнале «Современная Европа» статей автора по этой проблематике.

Ключевые слова: Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика, конференция по безопасности и сотрудничеству

DOI: 10.31857/S0201708323050169

EDN: yatxux

В период разрядки в дипломатической практике СССР происходил пересмотр прежних подходов. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко стремился сохранить потенциал нормализации отношений с Западом и «позитив разрядки», который позволил бы Советскому Союзу завершить внутривнутриполитические реформы и укрепить безопасность с помощью «взвешенны[х] действи[й] в интересах народа» [Громыко Ан., 2009: 311].

В результате появился уникальный стратегический проект А.А. Громыко, включающий критерии эффективности двусторонних отношений, способы заключения новых договоренностей, принципы равной безопасности и изменения дипломатической работы, призванные обеспечить строительство здания мира «постепенно, кирпич за кирпичом» [Громыко Ан., 2009: 313]. Проект был неофициальным (вне рамок конференции) предложением странам Запада проводить политику «с прицелом на будущее». Несмотря на трансформацию международной и региональных систем в XXI в. стратегический проект разрядки А.А. Громыко сохраняет актуальность¹.

Критерии двусторонности и природа новых договоренностей

На одной из встреч в 1973 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко заметил, что «он не знает ни одного государства мира», которое существовало бы без «трений» с другими государствами². Несмотря на это работоспособные двусторон-

¹ О системе взглядов Ал.А. Громыко см. подробнее: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности (1968–1969 г.) // Современная Европа. 2022. № 6. С. 181–193. DOI: 10.31857/S0201708322060134; Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: формирование системы отношений // Современная Европа. 2022. № 7. С. 175–184. DOI: 10.31857/S0201708322070142.

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2004. S. 1707.

ние отношения должны оставаться неотъемлемой частью дипломатии. Работоспособность определялась для А.А. Громыко тремя критериями.

Первый критерий – это содержательная основа, которую страны реализуют в конкретных проектах. Наднациональные организации и союзы, полагал министр иностранных дел СССР, не стоит принимать в расчет и видеть в них препятствия нормальным двусторонним отношениям. «Советское правительство выступает против военных и вообще против любых группировок», – подчеркнул А.А. Громыко во время беседы с руководителем фракции ХДС/ХСС в бундестаге Р. Барцелем¹. Тем более что цели некоторых из «группировок» Советскому Союзу не ясны². А.А. Громыко предложил всегда выделять «чистые национальные интересы».

Второй критерий – это наличие организационной структуры, к примеру: «более частые, регулярные интенсивные консультации», которые позволяют «обмен[ива]ться мнениями о проблемах, представляющих интерес для обеих сторон»³. С точки зрения А.А. Громыко, принципиальный характер имеет практическая «организ[ация] контакт[ов] <...> на разных уровнях»⁴. Новизна второго критерия сохраняется до сих пор, поскольку «интенсивные консультации» и «разные уровни» призваны создавать дипломатические сети, сориентированные на подготовку, мониторинг или развитие конкретного проекта.

Третий критерий – это открытость и уменьшение табу. Вспомним, что в 1972 г. А.А. Громыко выразил желание «при случае» посетить штаб-квартиру в НАТО в Брюсселе и попросил французских коллег о содействии⁵.

Рассмотренные выше критерии двусторонности едва ли возникли у А.А. Громыко в 1972–1973 гг. Впрочем, определить точное время их появления пока затруднительно. Важно другое: произошедшие до созыва Совещания (конференции) по безопасности и сотрудничеству в Европе изменения позволили министру иностранных дел СССР предъявить и обосновать критерии открыто.

В 1972–1973 гг. А.А. Громыко конкретизировал условия появления новых договоренностей, число которых в его представлении вскоре существенно возрастет. Требовалось, считал министр, осознать последствия невыполнения обязательств и отказа от сотрудничества. В беседе с французским послом в Москве Р. Сейду А.А. Громыко обратил внимание на то, что Федеративной Республике, если она не захочет ратифицировать Московский договор 1970 г., сначала предстоит осмыслить «риски, которые угрожают <...> стране», а затем – распрощаться с Соглашением по Берлину⁶, которое советская сторона также не станет ратифицировать.

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 2003. S. 507.

² Министр имел в виду Европейское экономическое сообщество.

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 665.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Там же. С. 255. Имеется в виду Четырехстороннее соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией по Берлину, подписанное 3 сентября 1971 г. и вступившее в силу 3 июня 1972 г.

Параллельно с этим А.А. Громыко призывал не заниматься договорным фетишизмом. Если четырехстороннее Соглашение по Берлину все же будет ратифицировано, рассуждал он, то не нужно «делать из него икону», хотя «отдельные страны [охотно] примут участие в почитании»¹. Необходимо «создавать права по-новому там, где их нет»². Данный подход не был свободен от дипломатической хитрости: СССР, стремясь добиться международного признания ГДР и закрепить ее суверенитет, рассчитывал, что со временем прецеденты (факты реальности) будут закреплены юридически [Филитов, 2023; Hildebrand, 2012].

С учетом того, что тезис дефетишизации договорных обязательств (по-иному – привычный принцип «не запрещено – разрешено») мог быть использован западными политиками как аргумент, обосновывающий их инициативы, уместно предположить, что обращение к нему А.А. Громыко было обусловлено отнюдь не только борьбой за признание ГДР. Неслучайно министр уточнил данный тезис советами видеть перспективы³, решать конкретные проблемы, а не обсуждать «проблемы мира», поскольку существует угроза «заблудиться в джунглях» и «при[деться] вызывать вертолет»⁴. Кроме того, А.А. Громыко указал на то, что «каждая проблема имеет свой вес»⁵, поэтому он призвал не создавать искусственных проблем, желать и достигать возможного, а при наличии трудностей не опасаться отложить проблему с аргументацией, что «размышления будут продолжены»⁶.

Формальный баланс versus равная безопасность

Советское руководство хотело сохранить статус-кво и не допустить «изменений в безопасности»⁷. А.А. Громыко приходилось объяснять западным коллегам, что «[б]езопасность одной стороны не должна улучшаться за счет безопасности другой стороны», а «[е]сли <...> применять различные масштабы, [то] появятся изменения»⁸. В этом контексте А.А. Громыко противопоставил «баланс» и «равную безопасность», связанную в его представлении с «паритетом»⁹. Для того чтобы лучше

¹ Там же. С. 676.

² Там же. С. 677.

³ Вспомним реплику А.А. Громыко о том, что «развитие сотрудничества в сфере науки и техники» представляется «лучшей областью для сотрудничества» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 276).

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 280.

⁵ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 964.

⁶ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 988.

⁷ Там же. С. 1721.

⁸ Там же.

⁹ «Моя мысль билась над решением проблемы: как не допустить ядерную войну, – говорил А.А. Громыко сыну Анатолию Андреевичу. – И чем больше над этим думал, тем яснее становилась простая истина – это возможно только на основе достижения военно-стратегического паритета между нами и американцами. В этом я не был оригинален. Все, кого я знал в то время в советском руководстве, были такого же мнения. Я, однако, лучше других в силу своего дипломатического опыта знал, что Вашингтон с более слабыми, чем

понять отличия между «балансом» и «равной безопасностью», приведем сначала цитату А.А. Громыко, а затем проанализируем ее.

«В основе любых договоренностей, – говорил министр иностранных дел СССР, – должен находиться принцип сохранения равной безопасности. На Западе часто говорят о балансе. Он вызывает негативные эмоции <...>, не следует удивляться, если советская сторона не употребляет слово "баланс". Впрочем, речь идет не о понятии, а о том, что за ним просматривается иной подход к делам: Запад в этой логике должен сокращать на "х" процентов, в то время как Восток на "х" плюс "m" процентов. Конечно, можно сказать, что "m" – величина крошечная. Но, с одной стороны, неизвестно, сколько она составит в действительности; с другой стороны – существует же для обеих сторон принцип сокращения на "х" процентов. Запад утверждает, что иначе [без включения "m"] не будет достигнут баланс <...>, данная позиция не устраивает [СССР] <...>. Какое сокращение войск не имело бы в виду, соотношение безопасности должно оставаться равным <...>. Нужно отойти от политической алгебры и поговорить о простой арифметике»¹.

Таким образом, баланс для А.А. Громыко – это сознательно усложненный бюрократический подход («политическая алгебра»), когда сторонам приходится обсуждать каждый вид вооружений, искать отличия в технических характеристиках, убеждать друг друга в том, что сокращение не может произойти, если не будут учитываться новейшие образцы. Опыт А.А. Громыко позволял критиковать тактику выторговывания уступок у СССР – тех самых пресловутых «m» процентов.

Равная безопасность (паритет) – это признание того, что имеющимся в распоряжении оружием стороны способны уничтожить не только себя, но и остальной мир. Следовательно, переговоры должны вестись не столько о технических параметрах, сколько о замораживании военных программ, о сроках ликвидации оружия, об открытом диалоге в сфере сокращения вооружений и войск, о способах организации работы над «минимумом доверия». Именно поэтому А.А. Громыко призвал изменить характер переговоров, упростить, перейдя к «простой арифметике», их суть, поскольку угроза уничтожения мира в любом случае останется ничем иным, как угрозой уничтожения. Кроме того, А.А. Громыко предлагал отталкиваться от конечной цели и желаемого результата и через них пытаться «[у]видеть, что имеется в виду в отдельности»².

Содержание проекта

С учетом сроков достижения согласия А.А. Громыко подразделял международные проблемы на три группы (с решением в краткосрочной, среднесрочной или долгосрочной перспективе) и рекомендовал *во взаимодействии с малыми и сред-*

он, на равных не разговаривает». И далее: «Имели ли мы в 50-х, 60-х, 70-х и даже 80-х годах возможность не учитывать это стремление Вашингтона к военному господству? Нет, не имели» [Громыко Ан., 2009: 92–93].

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 1719.

² Там же. С. 1721.

ними странами переходить от простых к более сложным задачам¹. В этом подходе успех был гарантирован даже при минимальном общем взаимовыгодном результате, если стороны договорились о конкретных проектах, а затем проводили их мониторинг и приступали к работе над новыми договоренностями.

Согласование взаимовыгодности должно было происходить на основе детализации «чистых национальных интересов», формулу определения которых условно можно представить в следующем виде: «чистые национальные интересы» = общее ситуативно возможное / стратегические национальные приоритеты. В данной системе двусторонность придется трактовать как развитие возможного и постоянное содержательное обновление задач сотрудничества между странами. Доверие (при всей его важности) становится смежным продуктом взаимодействия: привыкая к результатам, стороны оказываются способными начать доверять друг другу, изменить оценку происходящего и действовать комплексно.

Постепенно комплексность и сложность проблем перестанут быть препятствиями в углублении сотрудничества. Вспомним напоминание А.А. Громыко о приоритете политики и политической системы: «[Е]сли мы отодвинем политику в сторону, – сказал он 20 февраля 1973 г., – то останутся лишь экономика, торговля товарами: я покупаю у тебя, а ты покупаешь у меня. Где же здесь мир? Откуда возникнет мир?»². С точки зрения А.А. Громыко, мир мог возникнуть только с помощью политической системы и ясных правил.

В «системе 1973 г.» А.А. Громыко предлагал осуществить дифференциацию уровней взаимодействия. В *сотрудничестве с США* предстояло сразу же приняться за сложное, поскольку в отношениях великих держав практически все вопросы являются трудными, а доверие не сформируется без эффективных политических рамок и функционирующих организационных структур³. В этой связи характерно замечание А.Ф. Добрынина: «[П]ереговоры по ограничению стратегических воору-

¹ См. гипотезу о «плане Б» при подготовке Хельсинкской конференции: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: настройка на Хельсинки // Современная Европа. 2023. № 4. О Хельсинском процессе см. подробнее: [Загорский, 2005; Kunter, 2000; Selvage, 2019; Staden, 1990].

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 281. Такая постановка вопроса заставляет задуматься, насколько далеки от реальности упреки касательно «business as usual», поскольку критики не учитывают ни причины возникновения «обычности», ни ее альтернативы, ни обсужденные аргументы.

³ «Даже "ничтожно малая" вероятность ядерного нападения США на СССР для меня как министра иностранных дел и советского гражданина была неприемлемо большой. Ее вообще надо было исключить. Вставал вопрос, как противостоять попыткам США добиться военного превосходства. Ответ диктовала сама жизнь. Заключался он в следующем. Американские руководители должны были в конце концов понять, что с достижением военного господства над Советским Союзом у них ничего не выйдет, что выход из лабиринта военного противостояния возможен только на путях разоружения, сохранения между СССР и США стратегического паритета на возможно более низком уровне», – вспоминал Ан.А. Громыко сказанное отцом [Громыко Ан., 2009: 93].

жений стали своеобразным барометром уровня [советско-американских] отношений на каждый конкретный период»¹.

Используя прямой канал связи между генеральным секретарем ЦК КПСС и американским президентом, установленный МИД СССР с помощью советского посла в Вашингтоне А.Ф. Добрынина и помощника президента по национальной безопасности Г. Киссинджера, А.А. Громыко удалось убедить Л.И. Брежнева в возможном прорыве на американском направлении и, действительно, добиться новых результатов².

Прямые контакты с руководством стран импонировали Л.И. Брежневу, который следовал совету В.М. Молотова об «установлении доверительных отношений с людьми». Вспомним, что «восточная политика» активизировалась, когда по предложению Ю.В. Андропова между Л.И. Брежневым и В. Брандтом заработал секретный канал, к которому МИД СССР был «подключен» с заметным опозданием. В 1972–1973 гг. А.А. Громыко не собирался упускать инициативу из своих рук.

Он полагал, что прогресс в рамках специальных досье (например, в сфере сокращения атомного оружия) «создаст предпосылки» привлечения «в определенное время <...> други[x] атомны[x] держа[в]», а также заставит США убедительнее «поддержать усилия европейских стран» по разрядке³. Особое значение для министра иностранных дел СССР имели «Основы взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки», в которых стороны обязались «не допускать угроз развязывания ядерной войны» и «предотвратить <...> в двусторонних отношениях <...> и на международной арене применение насилия»⁴. США отнеслись к «Основам взаимоотношений» индифферентно⁵.

Еще до перестройки А.А. Громыко не возражал против управляемого открытия «социалистического» и «капиталистического» лагерей. Этим, по всей видимости, объясняются его слова о нежелании «препятствовать отношениям Соединенных Штатов с другими странами или подрывать их»⁶.

Благодаря новизне и логичности «система 1973 г.» была революционной. А.А. Громыко разработал самый простой и надежный способ поэтапного достижения мира, уменьшения конфликтного потенциала и быстрого выявления сложностей.

¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президента США, 1962–1986. М.: Центполиграф, 2016. С. 276.

² К таким результатам относились визит Р. Никсона в СССР 22-30 мая 1972 г. и подписание «бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений»; визит Л.И. Брежнева в США 18-26 июня 1973 г. и подписание «Соглашения о предотвращении ядерной войны», «Основных принципов переговоров о дальнейшем ограничении стратегических и наступательных вооружений», «Соглашения о научнотехническом сотрудничестве в области мирного использования мирного атома» и др.

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 669–670.

⁴ Добрынин А.Ф. обратил внимание и на признание «принцип[а] равенства, как основы для интересов безопасности обеих стран» (Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 271).

⁵ Там же.

⁶ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1972... С. 670.

Он осознал необходимость переориентировать дипломатическую работу на договорную результативность¹, проектный мониторинг, выработку и поддержание политических рамок, выполнение функций предметного медиатора между различными министерствами и ведомствами, создание и развитие универсальной (неидеологической) внешнеполитической стратегии поддержания мира.

В теории «система 1973 г.» – это оптимистичная система. В ней была сделана ставка на успешное завершение внутренних преобразований в СССР. Правда, она не учитывала, что национальные интересы на Западе, увязшем в реформировании наднациональных и межгосударственных структур, и занятом первым транснациональным этапом глобализации, перестали быть «чистыми» [Biermann, 2012; Böcker, 2010; Peter, 2012]. Не принималось в расчет, что желание Л.И. Брежнева провести «очистку коммунистического учения» воспринималось в США и в рядах их союзников как признак слабости². Неслучайно Соединенные Штаты, по словам Г. Киссинджера, намеревались с помощью разрядки «ликвидировать советское влияние» в разных регионах мира, прежде всего, на Ближнем Востоке.

Однако А.А. Громыко действовал прагматично и без спешки. Он осторожно подготавливал почву и был согласен с тем, чтобы реальность (разрядка, конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятие принципов мирного сосуществования) исправила бы теоретические неточности системы [см. подробнее: Громыко Ал., 2019].

В перспективности «системы 1973 г.» министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, думается, был убежден и, как показала история, оказался прав: никакое региональное сотрудничество и сегодня не сможет быть успешным, если стороны не будут постоянно договариваются о конкретных взаимовыгодных проектах, проводить их мониторинг и не переориентируют хотя бы часть дипломатической работы на универсальную (неидеологическую) стратегию поддержания мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. *«Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.

Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*, Москва. 447 с.

¹ Там же. С. 669. «Что касается дипломатического искусства, то оно нам также необходимо. Порой именно оно, а не количественные параметры соотношения ядерных и других вооружений, приводило к советско-американским соглашениям в этой области», – полагал А.А. Громыко [Громыко Ал., 2009: 94].

² Л.И. Брежнев пояснял В. Шеелю, что «за годы Сталина и Хрущева партийное учение пережило множество наслоений <...>, основные идеи партии оказались полностью скрытыми. Он видит свою задачу в том, чтобы убрать эти наслоения, осуществить и воскресить (в такой последовательности. – А.С.) великие идеи классиков марксизма-ленинизма, а именно – идеи мирного существования» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1973... С. 735).

Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen. P. 143–162.

Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München. 17 p.

Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*. Oldenbourg, München. 344 p.

Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen. P. 25–38.

Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968-1978*. Kohlhammer, Stuttgart. 262 p.

Selvage D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen. 757 p.

Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München. 66 p.

A.A. Gromyko and Security Policy: Strategic Détente Project

A.A. Sindeev*

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

**E-mail: a_sin74@mail.ru*

Abstract. The article continues the study of the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the shaping, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The relevance of the article is determined by the importance of strategy and strategic thinking in modern foreign policy and diplomacy, their influence on interstate cooperation, the evolution and manageability of international relations. The subject of the article is the study of the strategic project of détente developed by A.A. Gromyko to 1972–1973. The chronological framework of the study is limited to 1972 and 1973. The article consists of three subsections. The first subsection examines the criteria for bilateralism and presents the conditions for concluding new agreements, substantiates the importance of purposeful work on new agreements. The second subsection analyzes the differences between formal balance and equal security. At present, the concept of «equal security» has become a structural element of the foreign policy doctrine and security doctrine of the Russian Federation. The third subsection characterizes the content of the strategic project, the features of differentiated cooperation – the interaction of the USSR with small, medium and large countries, shows the meaning of the concept of «pure national interest», mechanisms for the transition to a «long-term detente» of international tension. The author explores the approaches of A.A. Gromyko to a new system of international relations during the negotiations on the Moscow Treaty. The possible practical application of the main ele-

ments of the project in modern times is determined. The sources of the article are published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany. The author conducts the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the statements made by the Soviet Foreign Minister during official negotiations.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, conference on security and cooperation

DOI: 10.31857/S0201708323050169

EDN: yatxyx

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München.
- Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990* (2012), ed. by M. Peter, H. Wentker. Oldenbourg, München.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis]. *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09. (In Russian).
- Gromyko A.I. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy]. «Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo»: K 110-letiyu A.A. Gromyko [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], ed. A.I. Gromyko. Ves' mir, IE RAN, Moscow, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko A.I. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son.]. Nauchnaya kniga, Moscow. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in: *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, ed. by V. Bilandžić etc. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, pp. 25–38.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968–1978*. Kohlhammer, Stuttgart.
- Selvaige D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991]. Moscow. (In Russian).

УДК 323.225, 329.052

МОДЕЛЬ «МЯГКОГО» И «ЖЕСТКОГО» ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА: ЭСТОНСКИЙ КЕЙС

© 2023 г. ТАМБИ Сергей Александрович*

Соискатель

*Кафедра интеграционных процессов, МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76*

**E-mail: sergey.tambi@gmail.com*

Поступила в редакцию 15.02.2023

После доработки 28.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализированы особенности партийного евроскептицизма на примере кейса Эстонии. Приведена классификация ряда современных политических партий Эстонии на основе их отнесения к жестким или мягким евроскептикам. Исходя из этой типологии структурирован партийно-политический ландшафт Эстонской Республики (ЭР) по вопросу европейской интеграции. Отмечена важность этого фактора, влияющего на дальнейший ход евроинтеграции. Определены масштабы антиевропейских настроений в современной ЭР. Сделана попытка выявить причины значительного увеличения электоральной поддержки партий, выступающих с критикой ЕС. Показано, что Консервативная народная партия Эстонии (КНПЭ) демонстрирует последовательный рост количества членов, набирает популярность среди жителей Эстонии и оказывает влияние на политику. Представленная с 2015 г. в парламенте, КНПЭ добилась вхождения в 2019–2021 гг. в правительственную коалицию. Рассмотрено, каким образом ранее занимавшая маргинальное положение КНПЭ выходит на политическую авансцену и постепенно увеличивает свое влияние. С учетом анализа последней предвыборной программы партии (к парламентским выборам в марте 2023 г.) определено, в каком направлении движутся радикальные популисты ЭР. Сделан вывод, что в настоящее время в Эстонии устойчивое нарастание евроскептицизма сменилось относительной стабилизацией евроскептических настроений избирателей.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская интеграция, евроскептицизм, политическая партия, Эстония

DOI: 10.31857/S0201708323050170

EDN: xzztsn

Протестные антисистемные партии набирают популярность в странах-членах Евросоюза. На этот процесс существенно повлияли усиление политической и экономической интеграции ЕС, последствия мирового финансово-экономического кризиса, усиление экономического отставания стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) от европейского ядра, в особенности на фоне пандемии *COVID-19*. Падение доверия к европейским институтам спровоцировало подъем националистического дискурса и возникновение партий, открыто ставящих под сомнение целесообразность проведения дальнейшей интеграции.

Эстонский кейс актуален с точки зрения рассмотрения евроскептических настроений в постсоветском государстве, провозгласившем в 1991 г. евроинтеграционный курс. Членство в ЕС для большинства стран, вошедших в него в 2004 г., в т. ч. для Эстонской Республики (ЭР), символизировало возврат в Европу и разрыв с социалистическим прошлым [Браницкий, Савов, 2011: 152].

Со второй половины 1990-х гг. евроскептицизм последовательно укрепляет позиции в Эстонии. В 2012 г. основана Консервативная народная партия Эстонии (КНПЭ), исповедующая популизм, национализм, консерватизм и евроскептицизм. Попав в 2015 г. в Рийгикогу (парламент ЭР), она систематически расширяла представительство в законодательном органе страны на каждых последующих выборах (за исключением 2023 г.). Партии принадлежат семь мест в Европарламенте. По итогам выборов в Эстонии в 2023 г. КНПЭ получила 17 мест. В 2019–2021 гг. она входила в правительственную коалицию и обладала 5 министерскими портфелями. Как отмечает Р. Тоомла, «все нынешние парламентские партии ЭР состояли в правительственных коалициях друг с другом» [Toomla, 2021].

К середине 2000-х гг. партийно-политическая система ЭР достигла значительного уровня национализации на национальном и местном уровнях [Ланко, Ланцова 2020: 26]. КНПЭ быстро превратилась в общенациональную (в значении широкого территориального охвата) и мейнстримную (в значении идеологического фокуса и положения в политике) силу и пребывает в таком качестве третью каденцию. Уровень евроскепсиса среди политических элит ЭР довольно низок и сводится к нескольким нишам, например, сдерживанию иммиграции. Уровень общественного скепсиса широко распространен из-за низкого уровня доверия к мейнстримным партиям и к власти. К февралю 2023 г. 41% эстоноземельцев не доверяли правительству, число не доверяющих Рийгикогу составило 52%¹. Корреляция внутринационального скепсиса с евроскептицизмом является неоднозначной. Например, в соседней с ЭР Латвии недоверие правительству компенсируется высоким доверием институтам ЕС [Воротников, Носатова, 2019: 65].

¹ Доверие жителей ЭР к правительству... Rus.ERR.ee. 12.03.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608912581/doverie-zhitelej-jestonii-k-pravitelstvu-nemnogo-vyroslo-no-k-parlamentu-zametno-snizilos> (дата обращения: 25.05.2023).

Евроскептицизм: от жесткого до мягкого

П. Таггарт и А. Щербяк предложили деление евроскептицизма на жесткий и мягкий. Под жестким вариантом они понимают принципиальное неприятие ЕС, рассмотрение объединения как враждебного для национального государства актора и отрицание идеи евроинтеграции. Исповедующие данный вид евроскептицизма партии полагают, что государство должно выйти из состава Евросоюза. Их политический курс может быть направлен на неприятие проекта евроинтеграции в существующем сегодня виде. Однозначно партию можно отнести к евроскептикам, если она нацелена на агитацию в поддержку выхода государства из ЕС или пересмотр базовых принципов объединения. Жесткие евроскептики последовательно проводят в жизнь лозунг «Европе – да, ЕС – нет» [Hartleb, 2011: 20]. Им присуща устойчивая идеология, которая может быть реализована на практике (в отличие от популистской риторики, не требующей воплощения в жизнь) [Шибкова, 2019: 119]. Если раньше исследователи ассоциировали жесткий евроскептицизм преимущественно со странами Западной Европы [Узнародов, 2015: 26–27], то после активизации в Польше обсуждения *Polexit*, а в Венгрии – *Huxit* (возможного выхода этих стран из ЕС), он все больше стал отождествляться со странами ЦВЕ.

Партии, исповедующие мягкий евроскептицизм, не испытывают принципиального неприятия к евроинтеграции или к членству в ЕС. Они не выступают против процесса интеграции, пока он отвечает национальным интересам государства. Однако для этих партий характерно неприятие отдельных направлений деятельности ЕС, которое может спровоцировать ограниченное противостояние по отношению к этому объединению [Szczerbiak, Taggart, 2002: 7]. Евроскептики указывают на слабость институтов ЕС, отвечающих за внешнюю политику, отмечают рост преступности из-за функционирования безвизового режима. Выражая «частичную оппозицию в отношении ЕС» [Вайнштейн, 2015: 42], они придерживаются антииммиграционной позиции и выступают за снижение евробюрократии.

Единственные евроскептики на левом фланге

На левом фланге в ЭР единственной партией евроскептиков была Социал-демократическая партия труда Эстонии (СДПТЭ), насчитывавшая в 2004 г. около 1 тыс. членов (в 1992 г. – около 3 тыс.). В Рийгикогу IX созыва СДПТЭ была представлена двумя членами. В 1999 г. партия утверждала, что «во вступающем в XXI в. ... союзе ЭР по многовековой традиции будет восточной окраиной» [Toomsalu, 1999: 8]. В 2003 г. не прошедшая в Рийгикогу СДПТЭ первой из партий ЭР призвала избирателей проголосовать против вхождения страны в Евросоюз.

Твердо стоявшая на жестких евроскептических позициях, СДПТЭ после проведения референдума по членству Эстонии в ЕС была вынуждена пересмотреть взгляды. В настоящее время она называется Объединенная левая партия Эстонии (ОЛПЭ) и насчитывает 503 члена. Решение ОЛПЭ идти на парламентские выборы 2023 г. вместе с популистским движением «Koos – Вместе» компенсировало

уменьшение количества членов. Программа движения отличается евроскептическим настроем и содержит тезисы о необходимости закрепления примата законодательства ЭР над законодательством ЕС¹.

КНПЭ – крупнейшая евроскептическая сила ЭР

КНПЭ – самый популярный проводник евроскептицизма и самая массовая по количеству членов крайне правая партия ЭР. К февралю 2023 г. она насчитывала 10037 членов (в апреле 2018 г. – 8342 члена). На выборах в Рийгикогу в 2019 г. КНПЭ получила 99671 голос, на местных выборах в 2021 г. – 77339.

В 2012 г. крайне правые организовали крупный митинг в Таллине с призывом о недопустимости присоединения к Европейскому стабилизационному механизму. КНПЭ апеллировала к тому, что налогоплательщики страны не обязаны оказывать помощь процветающим членам еврозоны, тем самым она продемонстрировала непримиримость к курсу правительства [Auers, Kasekamp, 2015: 235–248]. В 2012 г. в обществе была востребована сильная консервативная партия, аккумулировавшая евроскептические идеи. К 2015 г. КНПЭ смогла значительно укрепить стан своих сторонников и превратиться в массовую партию. На выборах в Рийгикогу в 2015 г. партия получила 8,1% голосов благодаря накопленной ранее организаторской базе, перешедшей из Народного союза; слабости правой партии «Союз Отечества и Res Publica», присутствующей в нише националистов; разочарованию избирателей. На предпочтения электората также повлияла харизма лидеров КНПЭ – Марта Хельме и его сына Мартина (клановость партии накладывает на нее отпечаток олигархичности). Важные факторы для вербовки и мобилизации электората – организуемые партией массовые митинги и проведение ежегодных факельных шествий.

В программном документе КНПЭ «Консервативная программа» прослеживается двойственное отношение к ЕС. В ней указано, что Эстония не должна исполнять директивы Брюсселя, если они «представляют угрозу существованию ЭР как национального государства». Членство страны в Евросоюзе «не может ограничивать суверенитет ЭР и тормозить ее развитие». Однако подчеркнуто, что Эстония должна наращивать сотрудничество с ЕС в сферах, в которых у государства недостаточно средств, а именно: защита окружающей среды, экономика, энергетика и борьба с организованной преступностью². Риторическое (популистское) значение евроскептицизма КНПЭ подтверждает заявленный в 2021 г. (но не имевший продолжения) план М. Хельме об учреждении в Рийгикогу парламентской группы по выходу Эстонии из Евросоюза.

¹ Программа «Во имя мира!». «Koos – Вместе». 2023. URL: <https://koos-vmeste.ee> (дата обращения: 25.05.2023).

² Konservatiivne Programm. EKRE. URL: <https://ekre.ee/konservatiivne-programm> (дата обращения: 25.05.2023).

Предвыборная программа КНПЭ перед выборами в парламент в марте 2023 г. содержала призывы к сохранению национального государства и защите страны от федерализации ЕС. Партия выступила против передачи дополнительной власти институтам Евросоюза¹. Рейтинг КНПЭ за последние несколько лет демонстрирует уверенный рост.

Евроскептическая идеология КНПЭ пользуется большим спросом у протестного электората Эстонии. Тяготеющая к жесткому варианту евроскептицизма партия [Осколков, 2017: 472] удачно заняла правоконсервативную националистическую нишу и нацелена не только на удержание стабильного положения на политической арене, но и на продолжение укрепления влияния. Однако в случае существенного расширения представительства партии в парламенте можно прогнозировать появление большей сдержанности в ее идеологических воззрениях.

Другие правые евроскептики – слабость в разнообразии?

В отношении ЕС критично настроены две не входящие в Рийгикогу партии: Эстонская Партия Свободы – Крестьянское Собрание (ПСКС) и Партия Народного единства (ПНЕ).

ПСКС, основанная в 1992 г., выступает за улучшение жизни фермеров и насчитывала к маю 2022 г. 671 человек. Она воспринимает ЕС как «чуждое ЭР международное объединение». По подсчетам партии, более 80% действующих в стране законов происходят из ЕС, а интеграционное объединение уподобляется империи. Эстония выступает как «новое колонизированное государство»². Партия не является активной политической силой: в выборах в Рийгикогу в марте 2023 г. она не принимала участия.

Образованная в 2014 г. и насчитывавшая к октябрю 2019 г. 505 членов, ПНЕ стоит на правоцентристских позициях. Программа народников утверждает, что «если ЕС угрожает национальной безопасности ЭР путем навязывания нежелательных иммигрантов или в других вопросах, ЭР имеет право выйти из объединения с помощью референдума»³. ПНЕ находится в процессе ликвидации.

Небольшим правым евроскептическим партиям свойственна жесткая евроскептическая риторика. Сегодня в Эстонии наблюдается постепенное снижение количества членов небольших евроскептических партий и ликвидация карликовых маргинальных политических объединений, выступающих против ЕС. В то же время прослеживается значительный приток новых членов в КНПЭ.

¹ EKRE 2023. a. Riigikogu valimiste program “Päästame Eesti!”. EKRE. URL: https://ekre.ee/ekre_2023_aasta_riigikogu_valimiste_programm (дата обращения: 25.05.2023).

² Programm. Vabaduspartei – Põllumeeste Kogu. URL: <http://www.vabaduspartei.ee/programm/index.html> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Programm. Rahva Ühtsuse Erakond. URL: <http://rue.ee/WP/erakond/programm> (дата обращения: 25.05.2023).

Выборы в Рийгикогу – 2023: победа еврооптимистов, относительная стабилизация евроскептических предпочтений избирателей

В марте 2023 г. в Эстонии состоялись парламентские выборы в XV состав Рийгикогу, куда в итоге прошли 6 партий. Победу одержала правящая Партия реформ премьер-министра К. Каллас, получившая 31,2% голосов (37 мест). На втором месте оказались евроскептики: КНПЭ получила 97 966 голосов (16,1%) и 17 мест – на два кресла меньше, чем в 2019 г. Перед выборами не обошлось без попыток навредить репутации партии: примерно за 2 недели до выборов, когда рейтинг КНПЭ составлял 21,7%, в издании *Politico*¹ и на *Delfi.ee*² появились статьи, в которых со ссылкой на неприведенные документы партию обвиняли в наличии связей с основателем ЧВК «Вагнер» Е.В. Пригожиным. Согласно публикациям, он распространял в Эстонии антизападные нарративы и евроскептицизм (например, «все проблемы в ЭР возникают из-за ЕС»), планировал поддержать евроскептиков в преддверии выборов в Рийгикогу и Европарламент в 2019 г., тем самым «проводя операцию влияния в интересах КНПЭ». Последующая атака мейнстрима на евроскептиков принесла ожидаемые результаты: последовало падение рейтинга партии до 13%. Евроскептики расценили скандал как информационную кампанию против партии. Они также утверждали, что на выборах КНПЭ получила больший результат. Согласно евроскептикам, партия лидировала во время подсчета бумажных избирательных бюллетеней до опубликования результатов электронного голосования.

Левые евроскептики из ОЛПЭ показали результат в 2,4% и не смогли перешагнуть общенациональный 5% избирательный порог, но, благодаря объединению с движением «Koos – Вместе» и его высокой активности по сравнению с предыдущими выборами, поддержка партии увеличилась в 24 раза. На репутацию партии повлияло посещение Донецка и Мариуполя лидером движения А. Петерсоном незадолго до выборов³.

Заключение

В большинстве европейских государств распространен мягкий евроскептицизм, однако после брекзита и усиления дезинтеграционных процессов жесткие евроскептики становятся более популярными [Корсакова, 2017: 66]. На евроскептическую составляющую правопопулистских партий Эстонии неизбежно оказывают

¹ Banco E., Aarup S.A., Carrier A. Inside the stunning growth of Russia's Wagner Group. *Politico*. 18.02.2023. URL: <https://www.politico.com/news/2023/02/18/russia-wagner-group-ukraine-paramilitary-00083553> (дата обращения: 25.05.2023).

² Roonemaa H., Laine M. Dokumendid kinnitavad. *Delfi.ee*. 21.02.2023. URL: <https://ep1.delfi.ee/artikkel/120147044/dokumendid-kinnitavad-prigozini-kasilased-sekkusid-eesti-valimistesse> (дата обращения: 25.05.2023).

³ Riigikogu valimised 2023. Eesti Vabariigi Valimiskomisjon. URL: <https://rk2023.valimised.ee/et/election-result/index.html> (дата обращения: 25.05.2023).

влияние международно-политические реалии последних лет. После первых месяцев 2022 г. расклад в паре «еврооптимисты – евроскептики» по объективным причинам претерпел существенные трансформации по всей Европе. ЭР не стала исключением: до этого времени существенное нарастание евроскептицизма выглядело достаточно устойчивым. На последних выборах евроскептики были предсказуемо отброшены назад.

Преобладавший до недавнего времени мягкий евроскептицизм радикализуется при относительном поддержании КНПЭ устойчивого положения, зафиксированного по результатам парламентских выборов в марте 2023 г. Происходит стабилизация предпочтений значительной части избирателей ЭР в отношении принципиального отторжения евроинтеграционного проекта. Можно прогнозировать возрастание влияния евроскептиков в Эстонии, однако перспектива *E-exit (ESTexitEU)* – возможного выхода ЭР из ЕС – сегодня представляется спекулятивным. На их лагерь влияют недостаточная организованность (исключение – КНПЭ), большая разрозненность, поляризация на левых и правых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Браницкий А.Г., Савов Д.Д. (2011) Евроскептицизм в Польше: причины, проявления и последствия. *Власть*. № 12. С. 152–153.
- Вайнштейн Г.И. (2015) Евроскептицизм: новый фактор европейской политики. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 40–48.
- Воротников В.В., Носатова А.Ю. (2019) Государства Балтии в ЕС (2004–2019): социальное измерение. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. №. 1–2. С. 59–73.
- Корсакова А.А. (2017) Евроскептицизм как сдерживающий фактор интеграции в ЕС. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. № 10. С. 62–68.
- Ланко Д.А., Ланцова И.С. (2020) Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 гг. *Балтийский регион*. Т. 12. № 1. С. 16–31. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
- Осколков П.В. (2017) Правый популизм в современной Эстонии. «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 2: *Россия и современный мир: политика и безопасность*. В 2 ч. Ч. 1. Под общ. ред. А.В. Мальгина. МГИМО, Москва. С. 467–481.
- Узнародов И.М. (2015) Евроскептицизм после кризиса. *Современная Европа*. № 1(61). С. 26–27. DOI: 10.15211/soveurope120152636
- Шибкова М.О. (2019) Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий. *Современная Европа*. № 4(90). С. 119–128. DOI: 10.15211/soveurope42019119128
- Auers D., Kasekamp A. (2015) The impact of radical right parties in the Baltic states. *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process*. Ed. by M. Minkenberg. Routledge, London, UK. P. 235–248.
- Hartleb F. (2011) *A Thorn in the Side of European Elites: the New Euroscepticism*. Wilfried Martens Centre for European Studies, Brussels, Belgium. 63 p.
- Szczerbiak A., Taggart P. (2002) The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States. *SEI Working Paper*. No. 51. 33 p.
- Toomla R. (2021) *Eesti valitsused 1991–2021: kujunemised, kriisid, kukkumised*. Tartu Ülikooli Kirjastus, Tartu, Estonia. 424 p.
- Toomsalu T. (1999) Tööpartei ei taha Euroopa Liitu. *Sõnumileht*. No. 20. 26. Jaanuar. P. 8.

Model of “Soft” and “Hard” Euroscepticism: Estonian Case

S.A. Tambi*

Candidate for a degree

Department for Integration Studies, MGIMO University

76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia, 119454

***E-mail:** *sergey.tambi@gmail.com*

Abstract. The article explores the features of party Euroscepticism on the example of the Estonian case. A classification of a number of modern Estonian political parties is given on the basis of their classification as “hard” or “soft” Eurosceptics. Based on this typology the author structured the Estonian party-political landscape on the issue of European integration. The importance of this factor in the Estonian party-political space, which influences the further course of European integration in this Baltic state, is highlighted. The scale of anti-European sentiments in modern Estonia has been determined. The study identifies the reasons for the significant increase in electoral support for parties advocating anti-EU positions. It is revealed that the Conservative People’s Party of Estonia (CPPE) demonstrates a consistent increase in the number of its members and is gaining more and more popularity among the Estonians and has an ever-increasing influence on Estonian politics. Represented in Parliament since 2015, the CPPE has achieved in 2019-2021 its entry into the government coalition. It is considered how the CPPE, which previously occupied a marginal position, is implementing its goal of gradually increasing its influence and entering the political forefront. Taking into account the analysis of the latest election program of the CPPE (for the parliamentary elections in March 2023), it was determined in which direction the radical Estonian populists are moving. At present the trend towards a steady increase in Euroscepticism in Estonia has changed to a course towards relative stabilization of the Eurosceptic mood of voters. Discursive and institutional methods were applied in the study.

Key words: European Union, European integration, Euroscepticism, political party, Estonia

DOI: 10.31857/S0201708323050170

EDN: xzztsn

REFERENCES

- Branickij A.G., Savov D.D. (2011) Evroskepticizm v Pol'she: prichiny, proyavleniya i posledstviya [Euroscepticism in Poland: causes, manifestations and consequences], *Vlast'*, 12, pp. 152–153. (In Russian).
- Vajnshtejn G.I. (2015) Evroskepticizm: novyj faktor evropejskoj politiki [Euroscepticism: a new factor in European politics], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 8, p. 40–48. (In Russian).

Vorotnikov V.V., Nosatova A.Yu. (2019) Gosudarstva Baltii v ES (2004–2019): social'noe izmerenie [The Baltic states in the EU (2004–2019): social dimension], *Vishegradskaya Evropa. Central'noevropejskij zhurnal*, 1–2, pp. 59–73. (In Russian).

Korsakova A.A. (2017) Evroskepticizm kak sderzhivayushchij faktor integracii v ES [Euro-scepticism as a deterrent to EU integration], *Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij*, 10, pp. 62–68. (In Russian).

Lanko D.A., Lancova I.S. (2020) Nacionalizaciya partijnoj sistemy Estonii v 2005–2019 godah [Nationalization of the Estonian party system in 2005–2019], *Baltiiskij region*, 12(1), pp. 16–31. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-2 (In Russian).

Oskolkov P.V. (2017) Pravyj populizm v sovremennoj Estonii [Right-wing populism in contemporary Estonia], in Mal'-gina A.V. «25 let vneshnei poli-tike Rossii»: sb. materialov Kh Konventa RAMI (Moskva, 8–9 dekabrya 2016 g.). V 5 t. T. 2: Rossiya i sovremennyi mir: politika i bezopasnost'. V 2 ch. Ch. 1. MGIMO, Moscow, Russia, pp. 467–481. (In Russian).

Uznarodov I.M. (2015) Evroskepticizm posle krizisa [Euro-scepticism after the crisis], *Sovremennaya Evropa*, 1(61), pp. 26–27. DOI: 10.15211/soveurope120152636 (In Russian).

Shibkova M.O. (2019) Populizm i evroskepticizm: sootnoshenie ponyatij [Populism and Euro-scepticism: correlation of concepts], *Sovremennaya Evropa*, 4(90), pp. 119–128. DOI: 10.15211/soveurope42019119128 (In Russian).

Auers D., Kasekamp A. (2015) The impact of radical right parties in the Baltic states, in Minkenberg M. *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process*. Routledge, London, UK, pp. 235–248.

Hartleb F. (2011) *A Thorn in the Side of European Elites: the New Euro-scepticism*, Wilfried Martens Centre for European Studies, Brussels, Belgium.

Szczerbiak A., Taggart P. (2002) The Party Politics of Euro-scepticism in EU Member and Candidate States, *SEI Working Paper*, 51, 33 p.

Toomla R. (2021) *Eesti valitsused 1991–2021: kujunemised, kriisid, kukkumised*. Tartu Ülikooli Kirjastus, Tartu, Estonia, 424 p.

Toomsalu T. (1999) Tööpartei ei taha Euroopa Liitu, *Sõnumileht*, 20, 26. jaanuar, p. 8.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

